НЕТ ПРОЩЕНИЯ!

MUSHROOM ELVES PRESS
2004

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Город, уснувший на пороге атомной войны, темный и страшный сон, от я. Мир, где “хороших” не было и нет — только “плохие” и “очень плохие”. История, берущая свое начало в топком болоте порнографии и наркоторговли, и разливающаяся по страницам кровавым половодьем экстремизма и массовых убийств. Безнадежная борьба нескольких против всех: когда некуда бежать, а каждый твой шаг становится предметом пристального наблюдения. Это рассказ о группе мятежных ЭмПи — выпускников специализированных школ, готовящих уникальные кадры для полиции и спецслужб. История подростков, ставших бойцами запрещенной организации “Экотерра” — темная и прекрасная, веселая и в то же время пугающе злая…

- Ольга Славнейшева
  -
  - РИЧИ ТОКАДА — 1
  - ЛАКИ СТРАЙК — 1
  - РИЧИ ТОКАДА — 2
  - ЛАКИ СТРАЙК — 2
  - РИЧИ ТОКАДА — 3
  - ЛАКИ СТРАЙК — 3
  - РИЧИ ТОКАДА — 4
  - ЛАКИ СТРАЙК — 4
  - РИЧИ ТОКАДА — 5
  - ЛАКИ СТРАЙК — 5
  - РИЧИ ТОКАДА — 6
  - ЛАКИ СТРАЙК — 6
  - РИЧИ ТОКАДА — 7
  - ЛАКИ СТРАЙК — 7

Ольга Славнейшева
НЕТ ПРОЩЕНИЯ!

С теми, кто еще жив,
И с теми, кто уже мертв,
Хожу я дорогами памяти.

Ричи Токада

РИЧИ ТОКАДА — 1

Этот день начинался, как и все предыдущие. Я шагал в лицей по чавкающей грязи, низко надвинув козырек капюшона. Ночью Вторую черту укутало снегом, и теперь все это стремительно таяло. Зима уходила в землю вместе с талой водой, на оживший город снова готов был обрушиться весенний удар парникового шока. Кое-где уже зеленела модифицированная травка. Еще немного — и над Стад-Реем потянутся стаи птеродактилей…

Дорога в школу, или Специализированный Психотехнический Лицей, как она называлась на самом деле, занимала у меня ровно восемнадцать минут. Школа располагалась на краю древнего парка. Старая, с желтыми стенами и белыми колоннами, она уныло выделялась на фоне мокрого леса. Я подошел к тяжелой двери и сразу же наткнулся на Ритку. Модель стояла, опираясь спиной на одну из колонн, и мусолила во рту конфету. И поджидала, естественно, меня.

— Ричи, здравствуй! — Она шагнула, загораживая дорогу, и мне пришлось остановиться. Ритка вела себя настолько вульгарно, что иногда я думал: а не человек ли она? Как она попала в Лицей, я не понимал. Видя, что я пытаюсь ее обойти, она схватила меня за руку.

— Ричи, подожди. У меня заказ. Ты не смог бы достать мне порно-квест?

— Зачем тебе? — искренне удивился я.

— Хочу попробовать виртуальный секс. Говорят, это лучше, чем обычный.

— Хочешь стать непорочной девой? — я не выдержал и хихикнул.

Она нахмурилась и топнула ногой. Кажется, я был единственным, кто до сих пор сопротивлялся ее чарам.

— «Весла и цепи». — Она с вызовом поглядела мне в глаза.

— Это садомазохизм, — заметил я.

— Вот и хорошо…

— «Двойная смерть», в случае чего. Мне и тебе. — Я был честным бредменом и всегда предупреждал своих клиентов.

— Нас повенчала смерть… — пропела она, беря меня под руку.

— Это все? — поинтересовался я.

— Ричи, а давай пройдем его вместе!

— Никогда! — вырвалось у меня. — Диск я достану, а пробовать не буду. Ни весла, ни цепи… Я спешу.

Я ускользнул из ее цепких пальчиков, но она все еще

заступала мне дорогу.

— Знаешь, Ричи, Пендоз раньше тоже был парень, что надо, — мстительно прошипела модель. — А потом ему взяли и перестали давать!

— Ты мне угрожаешь? — тут я расхохотался, отодвинул ее и вошел в вестибюль.

Лицей изнутри поражает воображение, у кого оно не очень хорошо развито. Государственная программа не жалеет денег на таких, как мы. Я подошел к огромному зеркалу и поправил галстук.

Я был единственным в своем потоке, кто ходил в школу в костюме от «Деборы Вокс», и единственный умел носить его непринужденно. Челка отросла и падала мне на глаза, как у Доброго Героя из моего любимого комикса «Спасти Планету». Я с удовольствием окинул взглядом собственное отражение. Придраться было не к чему. Если ты — бредмен, главный барыга во всем Психотехническом лицее, ты обязан выглядеть на все сто. Вот я и выглядел. Кто-то из моих истинных родителей был, скорее всего, с Островов, и в зеркале отражался розовощекий упитанный юноша с азиатской внешностью. Я подмигнул самому себе и начал неторопливо подниматься на второй этаж. Я никогда не прыгал через ступеньку, предпочитая держаться солидно.

Когда я вошел в кабинет, как раз звенел звонок. Заняв свое место за партой, я открыл сумку, набитую заказами, и почувствовал жадные взгляды клиентуры. Бедные! Им предстояло томиться в неведении до конца пары!

И тут это случилось.

В кабинет вошла наша преподавательница психологии людей, а следом за ней — новенький. Я отложил сумку и уставился на него, как и весь класс.

Если ты — эмпи и проходишь при этом все тренинги от начала и до конца, ты поймешь с первого взгляда, что за существо перед тобой, на каком оно уровне подготовки и чего от него ожидать. А сейчас я был растерян. Этот парень имел довольно высокую ступень, но настолько закрытый фон, что напоминал человека. Его холодные глаза мрачно обвели притихший класс. Он был высокого роста, длинные светлые волосы хаотично падали на плечи, на черную футболку с мордой какого-то животного. Это выглядело странно. В нашем классе не было ни одного волосатого. Кто-то захихикал.

— Лаки, — сказала Мымра, — проходи и садись, где хочешь. А теперь все открыли конспекты и написали название новой темы:

«Психоблокада человека при помощи препаратного

эмпирования…».

Лаки направился к моей парте. Кул искоса проследил за его действиями и что-то сказал своим нукерам. Те заржали, но я бы на их месте так веселиться не стал. Лаки удивленно поглядел на них, потом перевел взгляд на меня.

— Это что, ваш альфа? — поинтересовался он с ходу, еще не успев толком присесть.

— Кул? В точку!

— Он тоже эмпи? Невероятно… — Лаки откинул за спину светлые волосы, начал было выкладывать письменные принадлежности, но неожиданно передумал и протянул мне ладонь.

— Лаки Страйк.

— Ричи Токада.

Я помню, что странное ощущение коснулось меня, вместе с его рукой. Каким-то образом я понял, что все уже решено, и ничего изменить невозможно. Эмпи способен чувствовать перемены в своей судьбе. Лаки был таким же, как я. Наконец-то я встретил равного.

В этот поток меня перевели после поединка с коллегой по работе. Наглый бредмен вызвал меня сам, из-за детских дурацких комиксов. Я смутно помню, что тогда произошло. Мы дрались прямо на крыше лицея, а потом директор вызвал меня и сообщил, что я досрочно перехожу на новый уровень. И я оказался здесь, в сплоченной стае, больше напоминавшей уличную банду. И тогда начался ад.

— К этому классу препаратов можно отнести… — диктовала Мымра. Лаки Страйк достал «Клинвуд», дорогущую ручку с золотым пером. Я хмыкнул и вытащил из сумки консоль, открыл новый файл и принялся печатать. Он бросил на меня косой взгляд и извлек из бэга «Манускрипт».

Это была его тетрадь для записей.

— Ну хватит! — Мымра каким-то образом уловила, что мы ее не слушаем, и я торопливо застучал по клавишам, восстанавливая по памяти начало текста.

Психология людей была моим любимым предметом. Этот курс нам зачитывали, представляя людей гипотетическим противником. Нам никогда не рассказывали, как с ними дружить. Нас тренировали на максимально быстрое подавление. А еще была практика — система зачетов, в которой участвовали лишь двое. Эмпи и его оператор. Зачет принимался в естественной среде — в магазине, на улице, в общественном транспорте… Люди были всего лишь материалом. К этому нас готовили всю жизнь. Смешно, но они даже не подозревали о том, что

существуем мы. Быть эмпи — большая удача. Слово «эмпи» не имеет ничего общего со словом «эмпатия». Это — аббревиатура.

Ментальные Программы. эМ Пи.

Я машинально строчил текст. Мымра касалась вещей, довольно опасных для тех, кто умеет читать между строк. Скорее всего, нас контролировали не менее жестко. Этот предмет заставлял меня думать. Полтора часа пролетели незаметно, снова прозвенел звонок, и половина класса сорвалась со своих мест, но кое-кто не торопился. Заказчики, поглядывая на меня, собирали свои сумки, подстраиваясь под мой темп. Я ненавидел их так же, как и они — меня, и поэтому копался, как мог.

Кто-то уже приплясывал от нетерпения. Мне нравилось их мучить. Я поискал глазами Пендоза, но того уже не было в классе, и это означало, что две пачки «Стразза» сегодня не уйдут. Я поклялся себе, что выясню, у кого эта гнида покупает «Стразз» — ненавижу конкурентов! — и тут я услышал голос Кула:

— Стоять! Лаки или как там тебя…

Обычно я всегда вздыхаю с облегчением, когда выясняется, что Кул зовет не меня, а кого-то другого. Я вскинул сумку на плечо и начал пробиваться сквозь толпу заказчиков, попутно скидывая товар и прибирая денежки. Меня интересовало лишь одно. Реакция Лаки Страйка.

Я успел к началу разборки. Кул держал Лаки за футболку и спрашивал, кривляясь:

— А это что за дерьмо? У сестренки взял поносить, да?

— Это белка-летяга, — невозмутимо объяснил ему Лаки. — Они вымерли всего лишь месяц назад. Зато такие как ты, похоже, будут жить вечно.

Кул не придумал ничего смешнее, чем ударить его. Лаки остался стоять. Он глядел не на Кула, а на меня, и я неожиданно понял, что он зачем-то старается произвести на меня впечатление. И заодно — изучает мою реакцию. И, скорее всего, догадался уже о моем страхе перед Кулом, угодливом, липком страхе бредмена перед вожаком стаи.

Кул примитивен. Кто-то считает, что чем примитивнее особь, тем легче ею управлять.

Попробуйте приручить крокодила, если крокодилы еще остались. Я боялся Кула еще и потому, что не встречал эмпи, столь похожего на человека; эмпи, настолько тупого, что ни о каком ментальном воздействии не было и речи. Такой Кул имеется в каждом потоке, как фактор примитивной агрессии, но тогда я этого не знал и считал директора лицея идиотом.

У Лаки был выбор, либо кинуться в драку, либо — нет. Тогда я еще не видел, как он дерется, но почувствовал, глядя на его

насмешливое спокойствие, что Кул для него — не проблема. Взгляд Лаки давал понять, что он отпускает их на первый раз. Это неожиданно дошло до всех, кроме Кула.

— Завтра придешь в другой футболке, понял? — спросил Кул, катая желваки. — Считай, мне эта не понравилась. Понял? Все, вали отсюда!

Лаки развернулся, поглядел на меня в упор. Меня ударило полем. Я слишком хорошо чувствую подобные вещи. Лаки Страйк был в бешенстве. Он прошел мимо, и я невольно вжался лопатками в холодную стену. Кул проводил его недобрым взглядом, потом с радостью осознал, что я все еще здесь, и, небрежно кивнув, сказал:

— Ко мне!

Я сглотнул спазм в горле. Меня трясло. Я пошел к нему. Я почти не боялся, мои мысли были заняты другим — я впервые встретил эмпи, не просто равного, но превосходящего меня, кажется, по всем параметрам!

Кул, не смотря на глубокий идиотизм, что-то все же почувствовал. Он еще раз поглядел на лестничный проем, куда свернул Лаки, потом заглянул мне в лицо:

— Этот Лаки напугал тебя? Да, детка?

На этот вопрос ответа не требовалось, и я промолчал.

— Ладно. Проехали. — У Кула сузились глаза. — Ричи, детка, постарайся достать мне эти таблетки. Понял? В шесть вечера я буду ждать тебя, где всегда. У меня большие планы на этот вечер, и ты достанешь мне таблетки, а не то я тебя убью!

Он несильно ударил меня кулаком в живот. Вообще Кул, когда хочет, может свалить с ног одним ударом, комплекция позволяет ему это. Сейчас мне не было больно, но иерархия стаи велела мне согнуться пополам и выдавить «Понял!». Кул поднял мою голову за волосы и потрепал по щеке, после чего они ушли. Я перевел дыхание. Подстраиваться под Кула я уже привык. Хорошо еще, что только под него одного! В стае я занимал одно из ключевых положений жизненно важной особи, необходимой всему потоку. Кул перестал систематически избивать меня совсем недавно, когда я догадался подсадить его на наркотики. Я знал, чего хочет от меня Кул, но вот Лаки… Лаки был предельно опасен. Такого, как он, таблетками не накормишь… Я поскреб в затылке. Шестое чувство, обычное для эмпи, орало, что грядут перемены, а перемены для бредмена — все равно, что землетрясение для черепахи — ерунда, а приходится втягивать голову в панцирь.

По расписанию у меня было еще две пары, но мне дико захотелось домой. Я представил, как закрываю дверь на все

замки, опускаю ставни, выключаю свет и лежу в полной темноте, и не думаю ни о чем, а представлю себе, что умер, и все проблемы остались далеко позади.

Я вышел на крыльцо, залитое солнечным светом, достал сигареты, закурил…

— Ричи?

Я обернулся и выронил сигарету. Лаки был выше меня на полголовы, но мне показалось, что он глядит на меня здорово сверху. Впрочем, он тут же улыбнулся, демонстрируя отсутствие агрессии.

Его темные глаза остались холодными. Я криво улыбнулся в ответ.

— Тоже прогуливаешь? — продолжал он, не замечая моего ужаса. — Смотри, какая погода!

Идем?

— Куда? — безучастно спросил я.

Лаки фыркнул.

— Пить пиво, куда же еще?

— Пить пиво? — не понял я. — Зачем?

— Вон там! — и Лаки кивком головы указал на «Колодец».

Это было слишком. «Колодец», пивной бар, находился напротив лицея, и только полные идиоты посещали это место, зная, что преподаватели любят нагрянуть туда с проверкой. Даже Кул избегал напиваться в «Колодце». Но Лаки был не в курсе. Я попытался ему объяснить. Он не стал меня слушать. Просто схватил за рукав и потащил по лужам. Я обалдел от такого обращения и попробовал вырваться, но он, болтая о всякой ерунде, игнорировал мои трепыхания, и не успел я прийти в себя, как в моей руке уже оказалась кружка пива. Я завертел головой, ожидая увидеть знакомые лица. Мне повезло. В баре было полно людей, и ни одного эмпи.

— Здесь не так уж плохо, — заметил Лаки. — И пиво вроде ничего. Чего ты нервничаешь?

— Знаешь, это заведение — для людей…

— Ну и что? — он весело засмеялся, на нас тут же стали оглядываться. Я мечтал провалиться сквозь землю.

— В Двойке полно предрассудков, это я уже заметил. — Лаки достал из сумки пачку «Стразза», выбил щелчком сигарету.

— Куришь?

— Откуда у тебя это? — насторожился я.

— С какой целью интересуешься? — подозрительно поглядел на меня Лаки.

— Я не употребляю наркотики, — гордо ответил я. Он прыснул со смеху.

Отломал фильтр, закурил, задерживая дыхание.

— Зря… В Единице «Стразз» легализован, как и огнестрельное оружие, и много чего еще.

— В Единице?! — я глядел на него во все глаза. — Тебя перевели из Единицы?

— Я плохо учился, — хмыкнул он.

— Расскажи мне про нее! — Я не знал никого, кого бы взяли и перевели из одной черты в другую. Я вообще ничего не знал про другие районы Стад-Рея. Этой информации просто не было.

То, что Лаки — из Единицы, объясняло многое. Длинные волосы, свободная манера общения, полное отсутствие страха перед криминальными авторитетами… Он просто был другим, вот и все.

— Там все иначе, и в то же время — то же самое. — Лаки выдохнул дым.

— И все? — Я хлебнул из кружки. Неожиданно мне стало все равно, увидят меня в «Колодце» или нет. Лаки захватил мое внимание. Я прекрасно представлял себе расклад. Если этот парень из Единицы, он должен быть просто богом по сравнению с такими, как мы. В Единице подготовка наверняка на порядок выше…

— Что тебя интересует? — прямо спросил Лаки.

Я задумался, не зная, с чего начать. Кажется, он понял мои затруднения. И начал рассказывать.

Уже потом я сообразил, что Лаки обладает искусством, редким даже для эмпи — рассказывать зрительными образами. Я не слышал слов, но видел все, о чем он говорил. Я видел с огромной высоты весь Стад-Рей, систему виадуков, соединявшую одну черту с другой, я видел центр — сердце гигантского города, расцвеченное неоновыми огнями, я мчался на мотоцикле последней модели с силовыми экранами, я чувствовал даже вкус пищи, про которую рассказывал Лаки. Я был потрясен, когда он замолчал. Потрясен даже не тем уровнем жизни, который прошел перед моим мысленным взором, хотя о многом я узнал впервые. Я окинул взглядом ряды пустых кружек. Я просто не помнил, как выпил все это! В своей руке я обнаружил сигарету «Стразз», докуренную до половины.

— Что это было? — спросил я в замешательстве.

— Легкий гипноз, — улыбнулся он. — Извини. Ты сам просил показать тебе Единицу.

Я машинально затушил окурок. Мои движения не были уверенными, как обычно. Я был изрядно пьян.

— Где ты живешь? — зачем-то спросил я у него.

— В каком-то говенном отеле.

— Перебирайся ко мне, если хочешь, — неожиданно для себя ляпнул я.

— Идет! — тут же согласился Лаки. — Мне все равно, где жить, но в отеле — куча людей. Я не такой расист, как ты, но меня это начинает напрягать. В Единице нам запрещалось контактировать с другим видом вообще.

— Но почему?

Лаки пожал плечами.

— Я тоже не понимаю, почему так. Здесь одни порядки, там — другие… Это надо принять, как есть. А начнешь думать — сломаешь голову. Идем отсюда.

И мы пошли ко мне.

Все происходило без моего участия. Стол оказался заставлен закусками и запрещенным алкоголем свыше семнадцати градусов — Лаки каким-то образом обнаружил мой тайник и вытащил из него все «палево», которое я расписал для клиентов на месяц вперед. Но мне было наплевать. Не знаю, чему я радовался больше — отсутствию страха, обычному для меня в последние несколько лет, или тому, что у меня наконец-то появился друг.

— Ну, поехали, — Лаки быстро разлил коньячный спирт по фужерам. Я выпил, затянулся, посмотрел, что же я курю — и опять у меня в руке была наркотическая сигарета!

Мой разум сделал последнюю попытку взбунтоваться. Усилием воли я заставил себя протрезветь, попытался проанализировать факт попойки, чего я не допускал в своем доме никогда, но Лаки вовремя бросил парочку ничего не значащих фраз, и я неожиданно понял, что ничего плохого не происходит. Да и сам разговор про экологический терроризм, который мы вели, начинал захватывать меня все больше и больше.

— Эти белки и вправду вымерли? — я кивнул на его футболку, уже основательно залитую спиртными напитками.

Благодаря своей волшебной консоли я знал об экологии все. Кстати, консоль была из Единицы.

Ради нее я нарушил собственные правила и продал килограмм героина, чего не делал никогда: за героин, как и за порнуху, полагалась «двойная смерть», высшая мера наказания, когда сначала убивали один раз, потом реанимировали, и убивали второй раз, теперь уже навсегда. Я видел это по визору. Мне хватило одной передачи, чтобы усвоить: наркотики — это смерть. Но с героином все прошло гладко, и через час я держал свою красавицу в руках. Чемоданчик из натуральной кожи, выход в Сеть, прямой доступ к Локалке, где рубятся в «Контра-Септик» и «Стань Первым!», и везде я имею своего персонального игрока… Консоль покорила меня навсегда, стала самой любимой

игрушкой, заменила друзей, которых у меня никогда не было. Даже Кул что-то понял, когда однажды попытался кинуть меня на консоль и неожиданно получил отпор. Понял, что наркотики могут закончиться и больше не приставал ко мне с просьбой «заценить игрушку».

А еще консоль позволяла подключаться к Шахматному Зонду, но так далеко я не заходил. Я не хакер. Я бредмен.

Впрочем, про экологию я знал много такого, чего лучше было бы и не знать. И я подумывал, а не начать ли мне откладывать кредиты на Пай — небольшой участок земли на последнем «чистом» континенте с той стороны планеты.

— Да. Белки вымерли, — вздохнул Лаки с таким видом, будто эта информация мешала ему спокойно жить. — Их уже не вернуть. Тебе насрать, правда?

— Неправда! — вскинулся я. — Я люблю животных. Когда у меня остаются объедки, я обычно выкидываю их в окно.

— Этого мало, — возразил Лаки. — Знаешь, за те две недели, что я здесь, я такого успел насмотреться… Ты в курсе, что в вашей черте действует птичий рынок, где нелегально продаются редкие виды лесных птиц, которых и так почти не осталось?

Видишь? — он задрал футболку. Его правый бок украшал здоровенный синячина.

— Это Кул? — спросил я.

— Да если бы! Там, на рынке, ходит такая рама — как три Кула. Я подхожу, спрашиваю, откуда птички, а он — меня ногой с разворота… — И тут же перевел разговор на другую тему, предложив выпить еще по одной. Что было дальше — я почти не помню. В моей памяти остались только обрывки диалогов, обильно приправленные звоном в ушах и позывами к рвоте. Я никогда столько не пил, как в тот раз.

— …да, я обратил на нее внимание, — говорил Лаки заплетающимся языком. — Хорошая девочка. И чего ты, дурак, хочешь? Сама на тебя вешается!

— Мэйджи, — упрямо повторял я. — Мэйджи! Ты понимаешь? Какая, в жопу, Ритка, если в мире есть такая женщина, как Мэйджи!

— Познакомишь?

— Иди ты к черту! Мэйджи — моя!

— Ну, тогда выпьем…

— …это все безнадежно. Такие личности, как Кул, скоро вытеснят таких, как я… Программа провалилась, не начавшись. Скоро они это поймут и устроят массовый отстрел.

— Думаешь? — лицо Лаки расплывалось в красное пятно.

— Как пить дать! — разгорячась, я заехал кулаком по тарелке

с салатом, забрызгав все вокруг кусочками вареных овощей.

— Чего же ты не купишь пистолет? — удивлялся Лаки.

— А это ты видел?!

— …нет, здесь я с тобой согласиться не могу! Ты не прав, Ричи… На вот, покури лучше!.. Ну что плохого тебе сделали наркотики, за что ты их не любишь? Это же не героин, это просто такие сигареты… Покури и успокойся.

— Наркотики — это смерть! Понял — смерть!

— А что ты знаешь о смерти? Ты уже убивал? Или умирал? Для тебя смерть — всего лишь абстракция! Просто страшное слово. А ведь смерть — тот же наркотик. Это просто вопрос восприятия, вот и все. Это не плохо и не хорошо, просто это есть, и с этим надо смириться.

— А ты умирал, да? — кричал я ему в лицо.

— А я умирал, да! — соглашался со мной Лаки, и я отчего-то верил ему.

— … я ведь не предлагаю ничего взрывать прямо сейчас, — продолжал Лаки, помогая мне выбраться из салатницы, куда я случайно упал лицом. — Любой теракт без идейной подоплеки вызовет бурю отрицательных эмоций. Нет! К террору надо идти постепенно, проходя предварительные стадии…

— Мы никто, Лаки! Никто! — стучал я кулаком. — Никто! Мы не имеем никаких прав! Даже эти вонючие люди решают больше, чем мы!

— Хорошо, если все думают так же, как и ты! Но учти, что прежде, чем ступить на путь террора, мы подготовим общественное мнение таким образом, что каждая акция будет находить только позитивные отклики…

— Это безумие…

— Согласен.

— Нужны связи…

— Ни в коем случае! Нужны патроны! Сколько у тебя патронов к этой игрушке?

— А вот этого я тебе не скажу! — хихикал я.

А потом, когда я допился до того, что превратился в человека, Лаки заговорил совершенно другим голосом, в котором не было и тени алкогольных паров. И я не мог сопротивляться тому, что слышал:

— …И это кресло, твои руки на подлокотниках, плакаты на стене, пролитое вино, напряжение в плечах; глубокий вдох, выдох, вдох; так сложно, практически так же, как состояние твоих рук, пальцев, стиснутых в кулаки, ты же не думаешь, ты не хочешь, чтобы это было так… Только свет, проникающий сквозь занавески, кресло, привычный мир вещей, мир и комфорт…

Я проваливался в транс, я все понимал, но лингвистические структуры зацепили мое восприятие, унося с собой, далеко-далеко…

Я проснулся на середине монолога абсолютно пьяного Лаки. Я встал. Меня качало. Лаки бредил.

Я сказал ему:

— Кажется, мне хватит.

И рухнул на пол, лицом вниз.

Я мучительно долго пытался открыть глаза, а когда это получилось, выяснил для себя, что лежу я под обеденным столом в полосе солнечного света. В голове вертелась колючая проволока боли.

Очень хотелось пить. Я облизал пересохшие губы. Перевернулся, встал на четвереньки. Меня трясло. Ползком я направился в ванную, сунул голову под холодную воду и принялся жадно пить.

Что-то неприятное царапало душу, я снова почувствовал, как возвращается страх. И вспомнил вдруг, что так и не отнес таблетки Кулу.

Я застонал. Заскрежетал зубами. Заставил себя встать. Часы, висевшие в гостиной, пробили полдень. Только не это!.. Я старался не пропускать лекции. Это не поощрялось. Мне стало плохо. Я сунул пальцы в горло и с каким-то мучительным удовольствием заставил себя проблеваться. Легче не стало.

«Кул меня убьет!» — гудело в ушах, а диафрагма начинала сокращаться от ужаса. — «Убьет! Убьет!». Воображение уже рисовало картины дикой расправы. Ругая себя последними словами, я отправился искать Лаки Страйка.

Лаки Страйк, как был, в одежде и в высоких ботинках, раскинулся на моей кровати. Я подскочил, начал его тормошить.

— Лаки! Лаки, вставай!

Он открыл мутные глаза.

— Что… случилось?.. — и потянулся за графином с водой у изголовья. Я перехватил графин, начал жадно пить. Лаки уселся, привалившись спиной к стене, отобрал воду.

— Мы опоздали в школу! — выпалил я.

Он захлебнулся, закашлялся, повалился в корчах обратно на кровать. Потом я услышал его хохот.

Это было слишком.

— Вставай! — заорал я на него. — Из-за тебя, козла, я не встретился с Кулом!

— Зачем… тебе встречаться с Кулом?.. — спросил Лаки.

Я, не находя слов, забегал по комнате, открывая шкафы с одеждой и судорожно выбирая себе костюм. Через несколько

минут начнется вторая пара, «психология людей», и если я опоздаю на нее, мне не будет зачета автоматом! Мне хотелось завыть. Лаки с интересом следил за моими перемещениями.

— Ты должен был передать Кулу наркотики? — неожиданно услышал я его голос и выронил пиджак.

— С чего ты взял?

— Бедненький Ричи! — насмешливо протянул Лаки.

Я внимательно посмотрел на него. Да, он действительно издевался надо мной.

— Я не понимаю, — он иронично приподнял брови. — Ты против наркотиков и при этом торгуешь героином?

— Я не торгую героином! — окрысился я. Лаки нахально выдвинул ящик моей тумбочки, на которой стоял графин, уже пустой, и раскинул перед собой стопку дисков.

— «Мега-похоть», «Девственницы в аду», «Весла и цепи»… Это что еще такое? Ричи? Ты торгуешь всем этим говном?

— Это не твое дело! — крикнул я. Лаки сложил стопкой все эти диски на тумбочку, убрав графин, и вмазал по ним кулаком.

— Что ты делаешь?! — заорал я.

— Стоп! — он протянул руку ладонью вперед. Я видел подобный жест в фильмах о боевых искусствах, которыми бредил с детства. Я остановился.

— Теперь это мое дело, — сказал он. — Ты не будешь торговать всяким говном. Это — палево! Палево в тумбочке! Неплохое название для комедии про дебилов, правда? Что молчишь? Ты знаешь, что на самом деле «двойная смерть»— немного другая, чем тебе показывают по визору? Все происходит не так. Первый раз тебя убивают при помощи электричества, либо удушливых газов. На выбор. Что? Удушливые газы запрещены? Ха! Ха! Ха! Потом тебя реанимируют, ты проходишь курс физиотерапии, тебя отлично кормят, ты можешь смотреть развлекательные передачи, но через месяц тебя убьют вторым способом, на этот раз — навсегда! Надо быть идиотом, чтобы заниматься подобными вещами! И сейчас мы с тобой откроем все тайники и уничтожим все твое палево. ВСЕ палево, Ричи. И пойдем в школу. Ты понял меня?

Ему пришлось повторить вопрос, так как его слова повергли меня в ступор.

— Да, понял. — выдохнул я, беря себя в руки.

Полчаса мы стаскивали все барахло в центр гостиной. Лаки тщательно сортировал контрабандные вещи. Порно-квесты, таблетки и препарат «Нон-стоп» для потенции, из Содружества, между прочим, он забраковал сразу. Оружие — четыре ствола с глушителями, указками и десятью обоймами для каждого, он

отложил в другую кучу, куда добавил четыре аптечки первой помощи, укомплектованные морфиносодержащими препаратами и документы на два мотоцикла, стоявшие на стоянке недалеко от моего дома. Остальное — книги, кассеты, постеры запрещенных звезд, порнографические открытки, «веселые» жвачки и логические игры фирмы «Трикс» мы завернули в скатерть, добавили к этому диски с порно-квестами, наркотики и завязали все это в узел.

— И что дальше? — поинтересовался я.

— Это надо сжечь.

— Сжечь? Давай я продам это сегодня!..

— Обольем бензином и сожжем, — Лаки не слушал меня.

— И где?

— Хороший вопрос! — он задумался. Я не мешал ему. Во мне сейчас боролись два гипертрофированных чувства, определяющие всю мою жизнь — жадность и страх. Страх победил.

Я представил, как разъяренный Кул звонит в полицию, и копы врываются в мой дом.

— Сделаем так, — сказал Лаки. — У тебя ведь ездят эти велосипеды в прихожей?

— Да. А что?

— Пара рюкзаков найдется?

— Ты предлагаешь…

— Я предлагаю сжечь все это в парке позади школы. И успеть на твой урок. Ты поунижаешься немного перед Мымрой, и она тебя простит. А я разберусь с Кулом. Договорились? Все! Шевелись! Где рюкзаки?

Я бросился в кладовку. Сердце бешено стучало, От похмелья не осталось и следа. Я не переживал таких сильных эмоций очень и очень давно. В последний раз я так боялся после поединка, три года назад. Может, слово «дуэль» звучит и смешно, но только для эмпи нет ничего серьезнее, чем поединок со всеми ритуалами. Я был тогда прав, у меня имелись свидетели, но я боялся. Почему-то я всегда чего-то боялся. Странно, что эта мысль посетила меня именно сейчас, когда я заталкивал палево в рюкзак. Лаки сжалился надо мной и положил наиболее опасный товар к себе. Я облегченно вздохнул, видя, что мне не придется тащить все это одному.

— Раз я больше рискую, дай мне ствол, — тут же сказал Лаки. — Без ствола я себя неуверенно чувствую. — И он, схватив «пантер», завертел его, пробуя предохранитель, выщелкнул обойму, клацнул курком. Я понял, что он умеет пользоваться подобными вещами.

— Кобура есть?

— Кобуры нет!

— Хорошо… — он сунул пистолет за ремень под футболку.

— Ты бы переоделся, — хмыкнул я. Он подумал и выбрал рубашку черного цвета, которая оказалась ему велика.

— Ну ты и жирный, Токада! — поразился Лаки. — Сколько ты весишь?

— Отстань! — отмахнулся я. — Я не жирный! Все, пошли.

Мой рюкзак оказался довольно тяжелым. Мы надели куртки, вывели велосипеды на улицу и налегли на педали. По дороге, вымощенной разноцветными плитами, текли потоки воды. Минуты через три мне стало жарко, но Лаки гнал на пределе моих возможностей. Очень скоро я начал задыхаться. Он слегка притормозил, поехал рядом.

— Бабушка так и не научила тебя водить велосипед? Смотри, ничего девчонки, правда? Ричи, ты ведешь себя странно. Тебя что-то пугает.

— Меня пугаешь ты! — буркнул я, не отрывая взгляда от дороги.

— А меня — ты! — тут же откликнулся Лаки. — Почему ты не можешь быть свободным? Может быть, ты — под программой?

— Чего? — протянул я. — Ты сдурел! Под какой, к дьяволу, программой?

— Не злись, — подмигнул Лаки. Я взглянул на него, но так и не понял, издевается он или нет.

За двести метров до школы Лаки вошел в вираж, собираясь объехать ее, а я, присмотревшись, заметил на крыльце яркую куртку Кула, и выругался.

Мы остановились перед въездом в парк. Огляделись. Вокруг никого не было. Лаки подошел к единственной машине, вынул из внутреннего кармана куртки двухлитровую пластиковую бутылку с остатками «Спринта», выплеснул зеленую жидкость и наклонился над «куджи» нашего директора.

— Это директорская тачка! — тут же сообщил я. — Что ты делаешь?

Он не ответил. Присмотревшись, я понял, что он сливает бензин через трубку, в которой узнал шланг от своего душа. Лаки посмотрел на меня.

— Что я делаю? Я сливаю бензин из директорской тачки в бутылку из-под «Спринта» через трубку от твоего душа, Ричи!

— Я вижу, — вздохнул я.

Он закрутил пробку, вскочил на велосипед и мы помчались по аллее. Гравий лишь местами виднелся из-под снега, колеса весело шуршали, брызги талой воды летели во все стороны. То и дело я оборачивался. Погони не было. Мы остановились у

проталины, вывалили всю контрабанду в кучу, Лаки облил все это бензином и поджег. Потом подобрал какую-то палку и принялся ворошить горящие книги, постеры, кассеты и все остальное. Повалил едкий дым, завоняло горелой пластмассой.

Мы, уворачиваясь от дыма, топтались вокруг костра. Неожиданно я увидел высокое синее небо с летними облаками, ощутил запахи прелой земли, древесной коры, услышал, как чирикают птицы и потрескивают горящие коробочки кассет. Я понял, что не жалею о том, что сделал, и снова удивился тому, как резко переменились мои взгляды на жизнь. Как будто гигантская тяжесть упала с моих плечей.

Это было странно.

Когда стало невозможно разобрать, чем была раньше эта кучка обгоревшего и покореженного пластика, мы поехали назад. Я вспомнил про Кула, покосился на Лаки. Таких наглых и самоуверенных типов, как Лаки, я никогда раньше не встречал. Я не сомневался, что он разберется с Кулом.

Я не ошибся.

Кул торчал на крыльце в гордом одиночестве, в компании орущего магнитофона. И слушал он мою любимую группу. Я ненавидел его за это. Группа называлась «Нет Прощения!», и для меня они были лучше всех, может, еще и оттого, что, записав свой единственный альбом «Высота», эти парни погибли полным составом в перестрелке с копами. После этого их запретили. И эту музыку слушала всякая мразь!

Кажется, Лаки Страйк думал точно так же. Уж больно злое было у него лицо, когда он подходил к Кулу.

— А, Ричи! — начал было Кул. — И где же…

Лаки дошел до Кула и ударил его с разворота ногой. Кул, перелетев через перила, рухнул с крыльца в лужу грязи. Лаки прыгнул на него сверху, угодил обеими ногами в живот и грудную клетку, а потом пару раз пнул ногой по почкам. Этого оказалось вполне достаточно. Кул захлебнулся кровью, закашлялся и закатил глаза. У меня даже дух захватило, насколько легко Лаки расправился с нашим альфа.

Лаки поднялся по лестнице, отряхнул рукав куртки.

— Идем! — он потащил меня за собой, оторвав от созерцания поверженного Кула, который наконец-то занял свою нишу, и втолкнул в вестибюль.

— Какая у нас по плану лекция?

— Психолингвистические структуры, — сказал я. И вспомнил, что оставил консоль дома.

— У тебя не найдется запасной ручки? — спросил я у Лаки.

— Думаю, что найдется, — ответил он.

И мы начали подниматься по лестнице.

Мэйджи относилась к Высшим. Я чувствовал это буквально кожей, когда она проходила мимо меня. К тому же, у нее был Островной генотип. А еще она носила мини-юбку и у нее были такие буфера, что когда я увидел ее в первый раз, у меня глаза на лоб полезли от гормонального всплеска.

Мэйджи была девочка что надо, если понятие «девочка» применимо к Высшему эмпи. Она преподавала психолингвистику, то есть — грамотное построение паттернов для общения с низшей расой.

Половину лекции Лаки молчал, тщательно записывая все, что ворковала Мэйджи, а я таял, слыша ее гипнотический голос. Если бы она приказала мне выпрыгнуть в окно, это было бы наслаждением. Я тихо балдел, но неожиданно бросил взгляд на Лаки, и от удивления даже перестал ее слушать.

Лаки сосредоточенно записывал, но при этом у него было такое лицо, будто бы его только что надули, обвесив на полкило бифштексов, или что он там обычно ест на завтрак.

— В чем дело? — шепнул я.

— Вам говорят только про воздействие на людей? — спросил он, не переставая писать.

— Ну да

— Я в шоке. Я просто в шоке.

— Но почему?

Вместо ответа он издевательски фыркнул. Мэйджи снова пошла по проходу, покачивая полными бедрами.

Однажды я сумел уронить ручку прямо перед ней, и она нагнулась, чтобы поднять ее. Будь я циником, я написал бы «ее задница уткнулась мне в лицо». Я уловил ее запах — аромат дорогих духов вперемешку с ее собственным, интимным ароматом. Я заглянул ей под юбку. У нее было черное кружевное белье, и полоски белой кожи между трусиками и чулками. Мне показалось даже, что я разглядел несколько волосков, выбившихся из-под резинки. В тот миг она была только моей.

И я предпочитал думать, что она специально так долго поднимала ручку, чтобы я успел насладиться ее совершенством. Вечером я написал для нее стихи:

Однажды утром
Я пойму, что не люблю тебя,
И лишь тогда буду счастлив…

Но так и не решился передать. Интересно, она догадывалась о моих чувствах? Скорее всего, да.

От Высших не могло укрыться и тени мысли, а у меня обычно все написано на лице. После лекции я прямо спросил у Лаки:

— Она тебе что, не понравилась?

— Лекция? — не понял тот.

— Мэйджи!

— Ричи, — вздохнул он. — Если бы ты меньше пялился на преподавателя, у тебя появился бы шанс реально оценить всю ту дичь, которую тебе вливают в уши.

— Ты считаешь это ерундой?

— Это все равно, как если бы тебя учили оказывать первую помощь крупному рогатому скоту.

Зачем? Знаешь, здесь, в Двойке, вас не учат самому главному: думать и принимать самостоятельные решения. В принципе, это объяснимо. В Тройке, говорят, нет Ментальных программ вообще. Только я не понимаю, зачем обществу второразрядные эмпи? Вас готовят федералы для таких же точно федералов, но зачем они внедряют расистские взгляды, мне непонятно. Пока.

— А вас? — спросил я. — Вас к чему готовили?

— А нас, — подчеркнул Лаки, — готовили убивать. Или подчинять. Ну-ка подожди…

Мы как раз выходили в вестибюль, когда Лаки заметил одного из нукеров Кула. Тот пребывал в растерянности. Его командира увезли в больницу, и теперь Шкет, здоровенный тупорылый имбецил, с глупым видом озирался по сторонам, видимо, высматривая великана, сумевшего забить криминального папу. Лаки тут же подошел к нему, схватил за грудки и пару раз шваркнул об стену.

— Запомни, мразь, — услышал я его свистящий шепот. — Токада больше наркотики не продает. Усек? А залупнешься на Токаду — уедешь на скорой к своему Кульчику. Понял, детка? Не слышу!

Лаки владел искусством запугивания в совершенстве. Куловский нукер даже не рыпнулся.

Может, Кул и вправит ему на место мозги, когда вернется, но сейчас он во всем был согласен со Страйком.

Мы спустились с лестницы, постояли вместе с толпой учащихся возле кровавого пятна на месте падения Кула, забрали со стоянки велосипеды и поехали домой.

Настроение у меня было прекрасным. Девчонки наконец-то скинули свои безликие пальто и шубы, и я вертел головой, глядя то на одни, то на другие соблазнительные ножки. Лаки курил на ходу «Стразз», демонстрируя прохожим умение управляться с велосипедом без помощи рук. Потом мы приехали ко мне, я отправился на кухню налаживать пищеблок, а Лаки,

развалившись на диване в гостиной, смотрел «Новости Второй черты».

Я не умею и никогда не научусь готовить. Я читал много старых книг, где были описаны муки несчастных страдальцев, которым приходилось готовить пищу вручную. Мне этого даже не представить. Я и с кухонным автоматом управляюсь с трудом. Два пересушенных бифштекса с не до конца размороженной фасолью — вот и все, что мне удалось приготовить в этот раз. Лаки иронично заглянул в свою тарелку и сказал, что не голоден.

— Я могу это съесть? — осведомился я.

— Валяй! — махнул рукой Лаки. И, подождав, пока я доем, сказал:

— Здорово я его, правда?

Я понял, что он имеет в виду Кула, и согласно кивнул.

— Ричи, мне нужна твоя помощь, — сообщил Лаки. — Ри-чи! Ты слышишь меня?

— Услуга за услугу? — нахмурился я.

— И да и нет. Кул вчера ударил меня, я вернул ему должок, вот и все. Я прошу тебя не просто помочь мне. А сделать вместе со мной доброе дело.

— Какого рода? — насторожился я. Лаки засмеялся.

— Тебе понравится. Просто безобидная шутка. Помнишь, я говорил тебе про птичника?

Я напрягся и вспомнил.

— Ну?

— Так вот, — у Лаки загорелись глаза. — Я придумал, как ему отомстить. Мы с тобой выследим, где он живет, а ночью влезем к нему в дом и выпустим на волю всех птиц.

— Это преступление, — возразил я.

— Преступление? — хохотнул Лаки. — Нет! Эти птицы находятся у него незаконно. Он вряд ли кинется в полицию заявлять на нас. И потом, как он нас узнает, если мы будем в масках? Давай, помоги мне! Заодно развлечешься. Идет?

— Ты говорил, он здоровенный…

— И что? Нас ведь будет двое! К тому же, он такой смелый только днем. А ночью, голый, безоружный, кому он страшен? Кому?

— Ну… — сказал я.

— Я обещаю, все будет хорошо, — тут же сказал Лаки. — Помоги мне. Мы ведь друзья!

И он настолько обезоруживающе улыбнулся, что мне пришлось согласиться.

Вечером Лаки отправился следить за птичником, я остался один. Я много думал. Мне казалось, что в последнее время я

упустил нечто важное, но все мои размышления в этом направлении упирались в какую-то стену. Когда совсем стемнело, вернулся Лаки.

— Ну что, ты готов вернуть свободу зябликам и щеглам? — спросил он. — Кстати, ты в курсе, что лесные птицы живут в неволе не больше месяца?

— Какой ужас! — буркнул я.

— Просто тебя никогда не держали в клетке, — странно сказал он. — Ты знаешь, что птица рождена для полета?

— И где он их держит? На двенадцатом этаже, в доме, где полно охраны? — мне его идея нравилась все меньше. К тому же, под вечер ударили заморозки, и на улице снова царила зима.

— Ошибаешься, — оскалился Лаки. — Ричи, тебя заботят такие мелочи, что я начинаю думать, уж не трусишь ли ты?

— Нет, конечно!

— К вопросу о месте содержания птиц. Эта сволочь живет в Частном секторе. Предлагаю выдвинуться ровно через два часа. Мы возьмем на стоянке мотоциклы, так быстрее получится смотаться туда-сюда, а еще мы возьмем подручные средства на тот случай, если кто-нибудь на нас нападет. И еще я думаю запугать его, сказав, что мы из Природоохранной Организации, чтобы он обосрался от страха и больше никогда не занимался браконьерством. Двух хулиганов в масках он не так испугается, как угрозы постоянного террора. Что скажешь?

— Неплохо придумано, — мне отчего-то понравилась его идея сказать, что мы — из тусовки стебанутых пацифистов.

— Скажем, что мы — из «Экотерры», — предложил Лаки. — Как тебе название?

— Сам придумал?

— Только что!

— Как хочешь. Главное, чтобы нас не запалили.

— Предоставь это мне, — снисходительно улыбнулся Лаки Страйк.

Ровно в полночь мы вышли из дома. Лаки сунул мне в руки монтировку, себе же взял струну, обычное оружие уличных бойцов. Мы зашли на стоянку за мотоциклами и погнали.

На мотоцикле я ездил еще хуже, чем на велосипеде, и всю дорогу пытался не врезаться во что- нибудь или в кого-нибудь. Мы затормозили возле двухэтажного дома с выходом на темную улочку.

Тусклый свет фонаря скорее скрывал наши лица, к тому же мы сразу раскатали шапочки и оказались в масках. И тут я понял, что у меня трясутся колени. Я с сожалением последовал за Лаки.

Тем временем тот нажал на кнопку звонка. Отступать было

поздно. Я тяжело вздохнул и поудобнее перехватил монтировку. За дверью послышалось свирепое «Кто?!»

— Проверка паспортного режима! — рявкнул Лаки басом. — Открывай! Честно говоря, больше всего на свете я мечтал о том, чтобы нас послали подальше. Но птичник оказался законопослушным гражданином своей черты. Он открыл. И Лаки, влетев в комнату, обрушился на него.

Лаки дрался, как бог. Как Еси Каранава в фильме «Кровь бездны». Я даже забыл, зачем сюда пришел. Я обожаю восточные единоборства, они доставляют мне эстетическое наслаждение, наряду с красивыми женщинами и изысканной пищей. Я не сразу понял, что Лаки играет с птичником, как кот с мышью. Но потом Лаки стало не до того: из соседней комнаты послышались женские крики

«Помогите! Убивают!», и Лаки кинулся туда. Птичник мешком сполз по стене, не подавая признаков жизни. Я задержался посмотреть, жив ли он, и пропустил момент, когда вдруг стало не по-хорошему тихо. Я пошел по коридору, споткнулся в темноте о бездыханное тело и начал падать, но чья-то рука вздернула меня вверх. От неожиданности я выронил монтировку.

— Быстрее! — крикнул на меня Лаки. — Подбери оружие, идиот!

Мы ворвались в комнату, где все стены занимали вольеры с орущими зябликами и щеглами. Лаки вырвал у меня железяку и принялся громить клетки. Вся комната тут же заполнилась перепуганными птицами.

А потом, к моему величайшему изумлению, Лаки достал из кармана своей клубной куртки портативную видеокамеру и начал все это снимать. Я почувствовал, как на меня накатывает ступор.

— Что ты делаешь? — выдавил я.

Вместо ответа он сунул мне в руки видеокамеру и, достав из другого кармана спреер, написал на стене красным: «Экотерра не прощает!», а я все это снимал, это и еще то, как он пинает ногами тело женщины, и тело птичника, и рвет на женщине одежду, а потом ломает ей руки, подкладывая под кости монтировку и прыгая двумя ногами сверху. Я даже не пытался остановить его, это был какой-то дикий бред. Я не понимал, что я делаю здесь, а главное — зачем я все это делаю.

Потом мы ушли.

Я машинально вел мотоцикл, прибывая в глубочайшем шоке. Дома Лаки заставил меня выпить залпом стакан коньячного спирта, и меня прорвало.

— Зачем?! — заорал я на него. — За что?! Ты, идиот!.. Зачем

ты вписал меня в это?!

— Успокойся, — Лаки вел себя так, будто ничего не произошло. — Все под контролем. Никто ничего не узнает.

— А где видеокамера? — неожиданно вспомнил я.

— Там. В доме. Все улики остались в доме. Мы были в масках и перчатках. Расслабься. Присядь в это кресло. Ничего не произошло. Ты понял меня? Все хорошо. Расслабься. Вздохни глубоко — глубоко… Подумай о птицах. Как они мечутся по комнатам, натыкаясь на стены… Теперь, когда ты так хорошо устроился в этом удобном кресле, я хочу, чтобы ты слушал мой голос, когда я расскажу тебе о птицах… Удивительно, но это не то, чего ты хочешь. Птица чувствует надежду, свободу полета, это приносит ей удовлетворение… Это приносит радость, мир и комфорт, крылья восприятия раскрываются, Ричи, это удивительный мир свободы и радости, и ты можешь продолжать слушать меня, и слушать, как шуршат по воздуху крылья…

И я действительно слушал, как шуршат мои крылья, там, в синем небе, полном свободы и радости.

Всю ночь напролет мне снилось небо. Утром я проснулся в великолепном настроении, чувствуя себя на все сто. Я потянулся, вволю нахрустелся суставами, и понял, что голоден, как волк.

Насвистывая, я вышел в гостиную… И замер с открытым для приветствия ртом. Вчерашние кошмары нахлынули на меня с новой силой, я вспомнил все. Вспомнил сразу, потому что Лаки смотрел по визору «Новости Второй черты», где как раз показывали сюжет, посвященный нашей вчерашней акции. Я опять увидел гостиную с тучей испуганных птиц, увидел, как парень в маске пишет красным «Экотерра не прощает!», с какой жестокостью после этого он избивает женщину с перерезанным горлом (но ведь этого не было!), и тут же в кадре появились монтировка и струна.

…хладнокровное спланированное двойное убийство…

…никаких отпечатков пальцев…

…террористическая организация «Экотерра» пока не взяла на себя ответственность за совершенное злодеяние, но это — вопрос времени…

…волна ужаса и террора, затопившая Стад-Рэй, докатилась и до Второй черты…

Мое сердце стучало так, что половину текста я просто не расслышал. Я понял, что сползаю по стене, как птичник, тогда, в том доме, забитый насмерть моим другом Лаки… Другом?

— Неплохо, — оскалился Лаки. — Ричи, ты что?

— Я тебя ненавижу!.. — мой голос сорвался.

— Эй! Ты чего? — удивился Лаки. — Эй! Токада! Что с тобой?

Слышал, отпечатков не найдено!

— Заткнись! — заорал я так, что зазвенело в ушах.

— Тихо… Тихо… — он неожиданно оказался рядом со мной, и я закрылся руками, ожидая удара. Вместо этого он встряхнул меня и наотмашь хлестнул открытой ладонью по лицу.

— Ричи? Все в порядке, правда? Ты же никого не убил! Ты чего? Ричи?

— Ты сказал, что это шутка… Безобидная шутка… — мое горло перехватило от бессильной злобы.

— Я убью тебя!.. — я начал вырываться и Лаки скрутил меня. Потом швырнул в угол.

— Стоп! Ты убьешь — меня? Убьешь эмпи?

— Да! Эмпи!

В тот момент я искренне верил, что способен на такое.

Эмпи никогда не убьет другого эмпи. Это называется «Высший инстинкт». Рептилии, млекопитающие, инсектоиды и прочие примитивные твари, включая «венец творения», убивают представителей своего вида, но эмпи никогда не причинит смерть своему собрату по крови, это заложено в наших генах. Никогда.

Я заплакал. Лаки был прав. Мои кулаки разжались, я закрыл лицо руками.

— Ты убил их… — тупо повторил я. И окончательно поверил в это.

— Они были людьми, Ричи. — услышал я сочувствующий голос Лаки Страйка. — Людьми.

Просто пришло их время. Мы живем в мире, где всем правит смерть. Мы — лишь орудие ее. Мы всю жизнь только и делаем, что убиваем людей. Мы, эмпи! Я не понимаю, чего ты дергаешься?

— Что ты наделал? — повторял я, раскачиваясь из стороны в сторону. Лаки заулыбался, глядя на меня. Постепенно его улыбка становилась все шире. На какой-то миг у меня в глазах потемнело от ярости, я уставился ему в глаза… А потом все прошло. Я боялся его. Наконец-то я был раздавлен.

— А что, Ричи, ты хотел бы, чтобы Мэйджи разделась перед тобой? — неожиданно спросил Лаки. — И вдруг оказалось, что на ней — черная кожаная сбруя, а в руках — хлыст? А, Ричи? А ты лежал бы, прикованный цепями к кровати и целовал ее ноги, а она хлестала бы тебя плеткой?

Это было слишком. Я издал сиплый звук протеста, примеряясь ударить его, и снова отступил к стене. Ну не мог я ударить эмпи по лицу! С людьми у меня тоже не всегда получалось. Лаки все понял. Он вскочил и неожиданно закатал мне с ноги в челюсть. Страйк, должно быть, всегда дрался ногами. Меня убрало, я покатился по полу и замер в углу. Мне хотелось

зареветь. Он вдавил мои плечи в пол.

— Встать!

— Зачем?.. Зачем?..

— Идиот! — горячо заговорил Лаки, и в его глазах плескалось безумие.

— Ты же мне потом сам спасибо скажешь! Я отучу тебя от страха перед болью! Сейчас я изобью тебя так, как никакой Кул!.. Ты будешь драться!

И, подскочив, он ударил меня ногой в солнечное сплетение, как футбольный мяч.

— Ты когда-нибудь терял сознание от боли? — услышал я голос Лаки сквозь похоронный звон колоколов. — Я не буду тебя калечить. Я сейчас выверну тебе руку, а потом вправлю ее обратно.

Я заорал так, что задрожали стекла.

— Лаки, подожди!.. Давай поговорим!..

— У нас очень мало времени. — Лаки уперся мне коленом между лопаток, схватил мою руку на излом, и я услышал хруст собственных суставов. А потом боль ударила меня хлыстом, и в глазах зарябили черные точки.

ЛАКИ СТРАЙК — 1

Бездна.

Ветер гнал какие-то бумажки, птичьи перья и сухие листья, смятая жестянка из-под «Спринта» вперевалку скребла по мостовой. Улицы были пустыми. Солнце ярко светило вдоль дороги и исчезало в разбитых оконных проемах — в них колыхалась трясина застоявшейся тьмы. Кромка песка, размытого дождями, застыла около невысоких поребриков тротуара. Возле пустых домов, полностью достроенных, но не подключенных к городским коммуникациям, торчали унылые деревья. Жаркий воздух поднимался от перегретого асфальта, в конце улицы дрожало марево.

Экстра притормозил возле самого высокого дома в Мертвом квартале. Мертвом, потому что здесь никто никогда не жил. Коробки домов были почти готовы для проживания, улицы — заасфальтированы, и даже имелись автобусные остановки. Не было только людей. Самый высокий дом насчитывал шестнадцать этажей, с его крыши в хорошую погоду удавалось разглядеть гранитные скалы Третьей черты — далеко-далеко на западе. Ветер гулял под облаками, то и дело спускаясь на нагретые плиты, и, может, еще и от этого крыша шестнадцатиэтажки называлась «Высота».

Ни одного из четырех больших лифтов, полагавшихся по проекту, не было, и внутри высотного дома находился шестидесятиметровый колодец. С южной стороны дома на крышу вела лестница, но только две двери — на втором этаже и на шестнадцатом — открывались в бездну лифтовой шахты, остальные были заколочены досками.

Экстра остановился с разворота, снял шлем и потряс своей черной гривой. Среди всех друзей Лаки, у Экстры были самые длинные волосы, и он прекрасно об этом знал… Найк и Эрлиг притормозили рядом с ним. Лаки подъехал последним, вклинил свой мотоцикл между «кроссерами» Эрлига и Экстры. Все четверо шагнули на тротуар и одновременно поглядели вверх. «Высота» нависала над ними, поблескивая никому не нужной тарелкой антенны, на фоне ослепительно белых облаков.

— Ты уверен? — спросил Эрлиг. Экстра выбил щелчком сигарету. На пачке с веселой пчелой было написано «Стразз».

— На все сто!

И они, один за другим, исчезли в подъезде. Захлопнулась

дверь, стало холодно. Экстра, прыгая через три ступеньки, одним махом преодолел все шестнадцать этажей, выскочил на крышу — и остановился, борясь с порывами ветра. Раскинув руки, ловя равновесие, он зашагал к парапету.

Лаки услышал его голос, относимый шквалом: «Да это просто шторм!». Найк и Эрлиг ударили ладонью об ладонь. Лаки вдохнул полной грудью и засмеялся. Это было сильно. Синее небо, шторм, пропасть под ногами — и то, ради чего они приехали сюда. Экстра соскочил с парапета, его глаза сияли.

— Я прыгаю первым!

С ним никто не спорил. Экстра придумал и разработал технологию, позволяющую прыгать в колодец. Над пропастью шахты проходил железный рельс, обрываясь где-то на половине расстояния до противоположной стены, а сверху, к одной из балок, крепился трос из армо-эластика с мощным карабином на конце. Парашютную обвязку Экстра привез с собой, надел ее, щелкнув магнитной пряжкой. Пристегнул карабин. И, насвистывая какую-то мелодию, направился к краю бездны. Лаки включил фонарик, подсвечивая ему путь. Бездонная шахта потрясала, свет фонаря терялся где-то на той стороне, отражаясь мутным пятном от дальней стены.

— Епнется, — вполголоса заметил Эрлиг.

— Этот — вряд ли, — покачал головой Найк.

— Посмотрим, — сказал Лаки.

Экстра сделал несколько шагов, балансируя с раскинутыми руками, повернулся лицом к друзьям. Конусы света от трех карманных фонарей выхватили из мрака его фигуру.

— До встречи внизу! — его голос прервался от волнения, а потом, оттолкнувшись, он полетел в пустоту. Кольца троса начали бешено разматываться.

— Бегом! — заорал Эрлиг, и они посыпались по лестнице. Все сгрудились возле двери на втором этаже. Эрлиг рванул ее на себя…

Ничего не было видно.

— Эй! — осторожно позвал Лаки. — Ты где?

Они заглянули в черный провал. Включили фонари…

— Эй!!! — Экстра болтался чуть ниже перекрытия, не долетев до земли пары этажей. Он раскачивался на тросе и хохотал. — Эй!!! Долго мне еще висеть?!

Трос зацепили крюком, подтащили к краю. Экстра подтянулся, переваливаясь на лестничную площадку. Он пытался успокоить рвущееся дыхание.

— Вот это да… — он поднялся. Его повело, но он тут же взял себя в руки. — Вот это тема!.. Полный аут! Чистый адреналин, мать вашу!..

— Сильно болтало? — спросил осторожный Найк.

— Я следующий! — Эрлиг рывком отстегнул карабин. — Снимай обвязку! А вы оставайтесь внизу! — и помчался наверх.

Лаки поглядел на Экстру.

— У тебя глаза светятся.

— Скоро ты сам все поймешь.

Найк нервно захихикал.

— И ты — тоже, — сказал ему Экстра.

Шаги Эрлига затихли наверху. Лаки с Найком переглянулись.

— Ты следующий, да? — голос Найка предательски дрогнул. Он безумно боялся высоты и совершенно спокойно признавался в этом. Он даже отчасти гордился этой своей особенностью, так же, как Эрлиг — клаустрофобией, а Экстра — паранойей. Лаки к высоте относился спокойно, но отчего-то у него начинали дрожать колени. Он прислонился к стене, чтобы не подвергнуться насмешкам со стороны друзей.

— Я бы на твоем месте сходил в туалет, — сказал Экстра Найку.

— Что же ты не сходил? — немедленно откликнулся тот. — И вообще, я прыгать не буду.

— Будешь, — пообещал Экстра.

— Было бы забавно оставить Эрлига в шахте, — мечтательно проговорил Страйк. — А вдруг у него начнется припадок?

Они рассмеялись. Найк с удовольствием потер ладони.

И тут раздался чудовищный вопль, многократно отраженный эхом колодца.

— Летит! — у Найка вспыхнули глаза. Рев неожиданно оборвался, видимо, из Эрлига рывком троса вышибло остатки воздуха, а потом возобновился и стабилизировался. Они заглянули в шахту, включили фонари… Здоровенная туша блокатора раскачивалась и орала. Найк принялся хохотать.

Эрлиг замолчал, почуяв неладное.

— Что?! — проревел он. — Ну?! Тащите меня отсюда!..

Найк истерично взвизгнул и схватился за живот. Лаки поймал оскаленную физиономию блокатора в конус света и намеренно светил ему в глаза.

— Как будешь выбираться? — поинтересовался Экстра.

— Ах вы, сволочи!.. — задохнулся Эрлиг. — Ладно же… — он уцепился руками за трос и принялся карабкаться наверх.

— Дьявол! — Найк перестал хохотать. — А ведь вылезет!

— Я кому-то не завидую! — крикнул Эрлиг, приходя в ярость. — Я тебе уши на жопу натяну, козлина! Как только вылезу!..

— Мы пошутили, дружище! — искренне улыбнулся Лаки.

Экстра подтянул трос, и Эрлиг вывалился из шахты в дверной проем. Никто и не думал ему помогать.

— Ну как? — зачем-то спросил Лаки.

— Я бы выпил, — признался Эрлиг.

— Давай обвязку! — Лаки потянул к себе страховочный трос, и Найк вздохнул с облегчением.

Эрлиг отстегнулся, его руки слегка дрожали. Страйк забрал

ремни и помчался по лестнице вверх, стараясь ни о чем не думать.

Если на крыше было жарко, то здесь пробирала дрожь. Из черного провала шахты тянуло сыростью. Лаки шагнул на самый край и зачем-то посмотрел вниз.

Бездна ждала его. Дверь была открыта.

Они прыгали до вечера. Шторм утих, усталое солнце раскрасило красным крыши домов. Вся Единица была, как на ладони. Сеть виадуков, соединявшая черту с чертой, терялась вдали, змеясь серыми арками. Полосы лесонасаждений на каждой границе выглядели отсюда зеленым ковром. И темнели огромные силовые экраны — три уже смонтированные и один, на юго-востоке, все еще в лесах. Над Единицей строили купол.

Взгляд Лаки задержался на зловещей тени четвертого экрана. Он сидел на парапете, свесив ноги вниз. Позади, на крыше, дурачились Эрлиг и Найк, лупя друг друга ногами.

— Что-то случилось? — спросил Экстра, садясь рядом.

— Это ты мне лучше скажи.

Экстра не ответил, он болтал ногами и выковыривал из пачки сигарету. Лаки вздохнул:

— Они уже знают?

— А ты как догадался? — Экстра посмотрел на него в упор.

— Догадался… — пожал плечами Лаки. Ему стало холодно, и это не имело ничего общего с подступающими сумерками.

Экстра спрыгнул с парапета обратно на крышу.

— У нас нет выбора. Нам придется вернуться.

— Я знаю. Знаю! — Лаки встал, прошелся по парапету, наблюдая, как Эрлиг, заломав Найку руку, заставляет того унижаться. Тот выкрикивал какие-то невнятные ругательства.

— Я просто не хочу возвращаться, — добавил Лаки, прыгая на крышу и подходя к Экстре.

— А я хочу? — устало спросил Экстра.

Они посмотрели на Найка с Эрлигом.

— Эй! — крикнул им Экстра. — У меня для вас две новости, хорошая и плохая. С какой начать?

— С хорошей, — сказал Найк.

— С плохой, — попросил Эрлиг.

Они уже подходили.

— В пятницу у нас концерт в клубе «Затмение».

— Это хорошо или плохо? — не понял Найк.

— Не вздумайте нажраться в четверг! Теперь — плохая. — Экстра сделал паузу. Эрлиг насторожился. Найк поглубже затянулся сигаретой «Стразз» с оторванным фильтром.

— Мы возвращаемся на Базу. — Экстра обвел их глазами.

— Что ж… — Эрлиг наклонил голову, его лицо скрыли нечесаные волосы. Макушка стоящего рядом Найка едва доставала ему до плеча.

— Сколько у нас времени? — быстро спросил Найк.

— Две недели. — Экстра отвернулся и поглядел на солнце, огромное, перезревшее, как осенний помидор, катящееся по догорающему небу в жерло ядерной станции.

— Две недели… — повторил Найк. — Этого хватит.

— Для чего? — не понял Эрлиг.

— Для всего! Но сначала я хотел бы отомстить одной гадине… Может, помните такого, его Лында зовут? Ну, с бороденкой, будто бы он делал куннилингус, и волосы с манды прилипли к его подбородку? Лында! Ты должен его знать! — Он с локтя заехал Эрлигу в бок и тут же отскочил в сторону.

— Да пошел ты! — рассеянно проговорил Эрлиг, думая о чем-то более важном.

— И у меня найдется, кому отомстить, — вспомнил Лаки. — Меня один засранец кинул на блок «Стразза». Брикет, слышали о таком? Эрлиг вон знает его! — И Лаки пнул Эрлига ногой. Тот захохотал.

— А меня тут один рейдер бортанул, — припомнил Эрлиг, закончив смеяться. — Козел! Я себе весь бок ободрал, новый плащ, между прочим, порвал, когда катился вместе с мотоциклом!..

— Решено, — подытожил Экстра. — Отомстим все вместе каждому из них. Вряд ли мы сюда вернемся.

— Вернемся, — улыбнулся Лаки. — Не слушайте его.

— Конечно, вернемся! — вскинулся Эрлиг. — А ведь я уже знаю, как именно убью этого урода!

— Он эмпи? — поинтересовался Экстра.

— Пфа! Конечно, нет! Я, кажется, придумал шоу…

— Бросим жребий, чей враг будет первым, — пресек его фантазии Найк.

— Идет, — согласился Лаки.

— Бросим что? — не понял Эрлиг. — Жребий? Посчитаем, у кого больше монеток, что ли? Или как?

— Сразу мы валить никого не будем, вот что я скажу! — Экстра вскочил на парапет, засунул руки в карманы. — Все будет по нарастающей. Лично у меня врагов нет, но мне хотелось бы сделать что-нибудь хорошее для вас. И я предлагаю начать с Пухлого!

В ответ раздались громкие крики радости. Пухлый постоянно стучал на своих же товарищей, об этом знали все. Но про то, что Пухлый задействован еще и в федеральной разработке, Экстра

узнал случайно. Ненависть к Пухлому сплачивала весь поток. Каждый из друзей Лаки, включая и его самого, хотя бы по разу попадал из-за Пухлого.

— И что ты хочешь с ним сделать? — спросил Лаки. — У тебя есть план?

— Да. Есть, — ответил Экстра, протягивая ему пачку «Стразза».

Бомба.

Пухлый приходил в лицей гораздо раньше остальных. Он важно вваливался в аудиторию и занимал самое лучшее место — единственное красное кресло, более удобное, чем все остальные. Так что получалось, будто Пухлый — альфа в своей стае. Экстра предложил пронести и установить на столе преподавателя психолингвистических структур картонную коробку с надписью «Бомба». Подождать, пока Пухлый вызовет копов, забрать коробку и выскочить с нею в окно. Найку выпала честь подброса коробки. Он придумал, что разумнее будет втащить ее по веревке в окно, вместо того, чтобы переться с ней через центральный вход, что и было исполнено. Найк поставил коробку на преподавательский стол, обмахнул ее своей банданой и спрятался за рядами аудитории.

За полчаса до звонка в конце аллеи нарисовался Пухлый. Он важно, с глубоким внутренним достоинством, прошествовал мимо скамейки, где сидели Лаки, Эрлиг и Экстра, и скрылся за дверью лицея.

— Сверим часы, — сказал Экстра.

Лаки поглядел на телефон. Было восемь тридцать три.

Ровно в восемь тридцать пять из окна второго этажа вылетела коробка, и вслед за ней выпрыгнул Найк. Откатился в кусты. Осмотрелся. Аллея была пустой. Найк подобрал коробку, сложил ее и с картонкой подмышкой неторопливо пошел к своим друзьям. Когда он проходил мимо них, все трое снялись со скамейки и свернули на заросшую тропинку, ведущую к дырке в заграждении.

Выбросив коробку в овраг, они вышли за пределы лицейского парка и скрылись в ближайшем кафе. В восемь сорок восемь мимо окон кафе, в направлении лицея, промчались три патрульные машины с включенными мигалками. Официантка как раз принесла кофе и поднос с рогаликами.

Без десяти девять показалась бронированная амфибия без

опознавательных знаков. Все четверо прыснули в чашки с кофе. Это была машина федеральных стрелков.

— Бедняга, — посочувствовал Пухлому Найк.

Они допили кофе, набили карманы рогаликами и отправились смотреть. Лицей был оцеплен по периметру, никого не пускали ближе, чем на пятьдесят метров.

— Дети, покиньте пределы парка, — настойчиво повторял полицейский, но его никто не слушал.

Повсюду кучковались учащиеся. Экстра заметил Скрэмпи и направился к нему.

— Что-то случилось? — встревожено поинтересовался он.

— Да вот, бомбу заложили, — обаятельно улыбнулся Скрэмпи, один из лучших хакеров потока.

— Да ты что? — хором воскликнули Эрлиг с Найком.

— Угадайте, кто ее нашел? — весело прищурился Скрэмпи.

— И кто же?

— Пухлый!

— Он, должно быть, перекинулся, — цинично заметил Экстра. — Или нажрался таблеток.

Эрлиг зашелся от смеха. Он никак не мог себе представить перекинутого Пухлого.

— А я все же надеюсь, что это правда, — возразил Скрэмпи.

— Если правда, я проставляюсь! — заявил Экстра, ничем не рискуя.

— Да все проставляются, — усмехнулся Скрэмпи, с ненавистью глядя в направлении лицея.

В девять восемнадцать из здания вышли федералы, и было ясно, что люди в черной форме крайне недовольны. Вслед за ними двое копов вывели красного, как вареный рак, Пухлого. И замыкал эту процессию директор лицея, буравя ненавидящим взглядом толстую спину. Все, кроме директора, скрылись в недрах амфибии. Через полчаса оцепление было снято.

Скрэмпи вздохнул, поправил бэг. Внутри что-то звякнуло.

— Не мой сегодня день, — сказал Скрэмпи.

— Скушай рогалик, — посоветовал Лаки.

Концерт.

У входа в «Затмение» стояли мотоциклы, и Эрлиг подозрительно покосился на группу рейдеров, но Экстра сказал «потом», и тот отвернулся. Лаки первым протискивался сквозь заполнившую клуб толпу, жалея, что не пропустил вперед

двухметрового Эрлига. За одним из столов уже пили эмпи из их потока, Лаки направился туда.

— А где Экстра? — тут же спросила Прис.

— Уже идет… Хелл, двигайся давай! Это чье пиво? — Лаки заработал локтями, освобождая себе место. Эрлиг и Найк втиснулись на противоположную скамейку.

— Вы когда играете? — спросил у Эрлига Рыжий. На нем в этот раз были совершенно чумовые очки. Навороченные, с различными коповскими приблудами, навроде указки метража и прочей чепухи, бесполезной, если нет соответствующего оружия.

— Не знаю… Должны позвать, — флегматично отозвался Найк, а Эрлиг потянулся к очкам.

— Дай заценить!

Рыжий со вздохом протянул ему очки, и Эрлиг просиял.

— Они идут тебе больше, чем Рыжему, — тут же сообщила Прис.

Эрлиг поворачивался так и этак. С квадратными скулами и резкими чертами лица, в этих очках он был похож на садиста.

— Дашь на время концерта? — кровожадно усмехнулся Эрлиг.

— Я тебе их дарю, — сказал со вздохом Рыжий.

— Спасибо, дружище! — заорал Эрлиг, расплескивая пиво по столу. — Темный Папа любит тебя!.. Теперь я знаю все, что знают копы!

— К этим очкам тебе нужен немного другой имидж, — сказала Прис.

— Например, какой? — поинтересовался Эрлиг.

— Я знаю, какой! — Найк пристально оглядел Эрлига и неожиданно для всех ударом своего ножа распорол на нем футболку. Эрлиг засмеялся.

— Покажи нож, — попросил Рыжий. Найк воткнул лезвие в деревянную столешницу.

— Запрещенная тема, — сказал кто-то. Нож у Найка был монокристаллический, с напыленной на рукоятку алмазной крошкой.

Подошел Экстра.

— Мы играем через полчаса. Не будем терять времени зря…

Тут же нарисовался один из менеджеров «Затмения» вместе с официанткой, принесшей целый поднос кружек. Организатор оттащил Экстру от пива в сторону и что-то быстро заговорил. Экстра рассеянно кивал головой, глядя, как исчезает пиво.

— Слышали, что Пухлого выгоняют из лицея? — вдруг вспомнила Прис.

— Серьезно? — удивился Лаки. Эрлиг с Найком уткнулись в

кружки.

— Да, из-за этой истории с бомбой.

— Вроде его даже высылают из черты, — подключился Рыжий.

— Могли бы и расстрелять, — улыбнулся Эрлиг. — Сволочи!

— А вы не видели Брикета? — поинтересовался Лаки

— Да бродит где-то, — Люис завертел головой. — Что, хочешь чего-нибудь купить?

— Вроде того, — уклончиво ответил Лаки.

— Угощайся! — Люис великодушным жестом бросил на стол пачку «Стразза», к которой тут же потянулись руки. Снова подошел Экстра.

— Никаких экстремистских лозунгов! — крикнул он, видимо, повторяя слова организатора. — Никакого мата! И не драться на сцене на ножах, как в прошлый раз, ты понял меня?! — Экстра встряхнул Найка, отобрал у него нож.

— Ты хочешь, чтобы получился скучный концерт? — удивился тот.

— Я хочу, чтобы нам записали альбом! — рявкнул Экстра. — А альбом нам никто не запишет, если ты будешь плохо вести себя!

— А я один так себя веду, да? Да?!

— Найк, послушай…

— А чего он!..

Экстра махнул рукой, схватил Прис и усадил к себе на колени.

— Ты будешь меня ждать всю жизнь, детка?

— Ты же знаешь, что да, — фыркнула Прис.

— Жизнь — это недолго, — заметил Эрлиг. — Это только миг. Ясно, кретины?

— «Нет Прощения!», на сцену! — объявили в микрофон под всеобщий рокот.

— Быстро! — Эрлиг схватил сразу две кружки, весь облился, но выпил до дна. — Быстро!

— Хватит! — заорал Экстра.

— Мне нужна энергия! Энергия пива! — выкрикивал Эрлиг, размахивая кружкой. — Энергия солода и ветра! Экстра, зашибу!

— А может, ну его, этот альбом? — Найк достал еще один нож и, покачиваясь, побрел в сторону сцены.

К моменту выхода «Нет Прощения!» на сцену Лаки был изрядно пьян. Зал на секунду утих, чтобы в следующий миг взорваться приветственными криками. Экстра подошел к микрофону, хотел что-то сказать, но его опередил Эрлиг. Наставив гриф гитары на толпу, он заорал:

— Полиция! Всем стоять!

Толпа захохотала, заулюлюкала, Эрлиг в «антикоповских» очках выглядел великолепно.

Показался Найк с басом наперевес, лениво прошелся по сцене. Экстра отогнал Эрлига от микрофона, взял аккорд. Андерс, барабанщик из дружественной группы, залез за установку. Андерс играл сразу в нескольких группах, от барабанов его было просто не оттащить. Он предпочитал тренироваться по ночам, чтобы никому не мешать.

— Нет прощения! — крикнул Экстра в микрофон.

Эрлиг взял несколько ревущих аккордов. Их группа играла «мрак». Люди могли ничего не знать о ментальных программах, но «Нет Прощения!» звучала просто сверхъестественно, их музыка подчиняла, а странный голос Экстры эмпировал весь зал. Лаки провалился вместе со всеми в бездну звука. Ему не хотелось вслушиваться в слова, он чувствовал музыку, как эмпи, и она имела свои измерения, свои миры, она погружала в транс, она заставляла испытывать эмоции потрясающей силы.

Лаки огляделся по сторонам. Возле сцены шла драка, но дрались пока не страшно, стараясь попадать в ритм. За соседним столом отдыхала группа рейдеров. Бородатые взрослые дядьки размахивали кружками и подпевали нестройными голосами:

«Острым кленовым листом
Открывает мне осень
Вены.
Красные брызги зари
Опрокинули кровь на
Стены.
Остановить невозможно, но можно убить,
Если надо.
Я теряю последнюю нить,
Проходя терминатор.
Терминатор».

А Экстра уже начинал сходить с ума, его энергетикой накрывало зал. «Нет Прощения!» полным составом впадали в боевой транс. И вот драка от сцены переместилась ближе к столам. Прямо перед Лаки грохнулся грузный рейдер, пролетевший перед этим пару метров, проехался на спине через весь стол, сметая попутно все, что там стояло, и застыл, бессмысленно глядя вверх. Никто даже не обратил на это внимания.

«Бьет электрический ток,
За которым мы будем
Вместе.
Располосован восток
Запрещенной пыльцой
Созвездий.
Остановить невозможно, но можно убить…»

— Если надо!!! — проорал Люис Лаки в ухо. Лаки отшатнулся.

«Я теряю последнюю нить…»

— Проходя терминатор!!! — вопили пьяные рейдеры.

«Терминатор…»

Барабаны взорвались бешеным ритмом, и в зале поднялся вой. Лаки спихнул тело рейдера со столешницы на колени Рыжему, Люису, Хеллу и Прис, вскочил на стол, поднимаясь над беснующимся залом, успел запечатлеть в своей памяти кульминацию яростной драки, и, неожиданно для себя, увидел бредмена. Эта тварь тащилась наравне со всеми.

Лаки выхватил нож и прыгнул вперед, пробиваясь к Брикету.

Ветер гулял на «Высоте». Город замер внизу, застывая в летаргии. Покрывало заката накрывало Стад-Рей мерцающим светом. Они вышли на крышу. Эрлиг, державший бредмена за скованные наручниками руки, резким движением рванул его вперед, мимо себя, и тот покатился по кровле с жалобным криком. Экстра проводил его рассеянным взглядом — он все еще был там, в мире своей яростной музыки. Найк сплюнул. Бредмен скулил. Его глаза были завязаны, он ничего не видел, но длительный подъем по лестнице и ощущение открытого пространства подсказывали ему, что он находится где-то очень высоко.

— Ты умрешь, — сказал ему Лаки. — Рано или поздно. Возможно — сегодня. Это не важно.

Имеет значение только то, как ты жил. А жил ты, как поганая крыса!

— Я не хотел!.. Я же не хотел!.. — истеричный крик, подхваченный ветром, растаял вдали.

— Целый блок «Стразза»! — никак не мог успокоиться

жадный Эрлиг.

— Мы дадим тебе шанс, — бросил Экстра. — Остальное будет зависеть от тебя. Снимите с него повязку.

— Я больше никогда… Не убивайте! Я правда не хотел… Румбер подставил меня, это он!.. Он кинул меня на товар!

— Заткнись, — попросил Найк, срывая с него повязку. Брикет пополз, пытаясь подняться, глядя умоляющим взглядом на всех по очереди.

— Ты готов? — спросил его Эрлиг.

— К чему? — у бредмена клацали зубы.

— К смерти, — подсказал Эрлиг зловещим шепотом.

— Нет… Не надо… Я не хочу!..

— Как же ты живешь? — удивился Найк.

Эрлиг захохотал. Рывком вздернул Брикета вверх, поставил на трясущиеся ноги.

— Самое прекрасное, что только есть в этой жизни, сможет тебя убить, — тихо заговорил Экстра. — Я имею в виду адреналин. Сейчас ты испытаешь то же, что и мы все. Тебе предстоит прыжок в пустоту.

Брикет заорал, думая, что его сбросят с крыши, предпринял попытку вырваться. Эрлиг даже не ударил его, так он был ему отвратителен. Эрлиг дрался лишь с равными и ничего не мог с собой поделать.

Лаки подхватил упирающееся тело, и они с Эрлигом затолкали Брикета на лестницу. Здесь было слышно, как ветер гоняет песок по крыше. Бездна застыла за тонкой бетонной стеной.

На бредмена надели ремни обвязки. Он больше не вырывался. От страха он обмяк настолько, что не мог стоять самостоятельно, без поддержки Эрлига. Найк подтащил трос, зацепил карабин, защелкнул застежку. Брикета развернули лицом к открытой двери. Посветили на трамплин тремя фонариками сразу.

— Теперь иди.

Бредмен попытался встать на колени, но Эрлиг, неожиданно потеряв терпение, схватил его одной рукой за куртку, второй — за ремень, пробежался по рельсу и швырнул Брикета в бездну.

От душераздирающего крика заложило уши. Все хохотали до слез.

— Пойдемте… На «Высоту»… — закашлялся Лаки. — У нас еще осталось пиво?

Они снова вышли на крышу, уселись рядком на парапет, свесив ноги вниз.

— А давайте махнем на море, — предложил Лаки. — Снимем

яхту, нормально отдохнем…

— Мы сначала должны записаться, — Экстра открыл пивную банку.

— Это долго?

— Нет. Пара месяцев всего. А потом — на море, куда хочешь. Я согласен.

— А давайте спрыгнем? — предложил Эрлиг. — К вопросу о невозможных проектах! Вы задолбали мечтать!

Они замолчали. Каждый подумал о Базе. Где-то под ними, далеко внизу, голосил Брикет. Ветер приходил со стороны Туаканы, и Лаки казалось, что он пропитан запахом йода и водорослей.

Шумом побережья, грохотом волн, умирающих у Туаканских скал. Думать про Базу не хотелось.

«А ты? Ты готов к смерти?» — спросил Лаки самого себя. — «Сейчас? Пока у тебя все есть?»

Солнце спряталось за конус реактора. И в тот миг, когда оно исчезло, три уже полностью построенных экрана озарились огненным сполохом.

— Нет прощения! — сказал Эрлиг, вскидывая руку.

— Нет прощения! — повторили остальные.

РИЧИ ТОКАДА — 2

Иногда я начинаю верить в кармические законы. Все-таки мы причинили зло этому человеку, Римо Стаксу, и его жене, хотя про женщину я старался не вспоминать. Несколько дней я не посещал занятия в лицее, Лаки ходил туда без меня. На четвертый день моего затворничества, вернувшись из лицея, он сказал:

— Завтра из больницы возвращается Кул.

Я уже и думать забыл про него!

— И что? — спросил я.

— Я узнал об этом по поведению его животных. Сегодня они пытались на меня кинуться, пришлось усмирять… Так! Ты опять провалялся весь день, да? Сколько раз ты сегодня отжался?

— Пятьдесят два, — соврал я.

— Не верю!

Он требовательно посмотрел на меня. Я вздохнул и лег на пол.

— Раз, два, три… — считал Лаки.

Он пообещал, что научит меня драться, но сказал, что для этого нужно отжиматься по пятьдесят раз, много бегать и есть только трижды за день. Эта новость здорово расстроила меня. А сенсей из Лаки был весьма поганый. Все эти дни, пока я пропускал занятия, он бил меня, демонстрируя различные приемы. Должно быть, именно от этого у меня начались странные провалы в памяти, так как лицо птичника почти уже стерлось — мертвое искаженное лицо сползающего по стене Римо Стакса… Теперь я знал, как его зовут. Вернее, звали…

Лаки запретил мне включать визор и смотреть «Новости Второй черты», но я смотрел. Первые дни только об этом и говорили. А потом на границе с Тройкой сгорела федеральная лаборатория, и об «Экотерре» на время забыли. Честно говоря, я весьма опасался, как бы пресса не связала оба случая между собой. Этого я бы точно не вынес.

Но постепенно ужас начинал отступать. Каждый вечер Лаки гонял меня так, что я не мог уже ни о чем думать.

— Кул вернется, рано или поздно, — подвел черту Лаки. — И ты сделаешь его!

Я вздрогнул. Только не это!..

Лаки наблюдал за моей реакцией с удовольствием.

— Что? Боишься? — издевательски поинтересовался он. — Да Кул просто сморчок! Ты справишься, я знаю! И завтра ты поднимешь свою задницу и потащишь ее в лицей, потому что бить его надо сразу, как только он придет! После больницы он тебе не

страшен. Ты меня понял?

Настроение у меня резко упало.

— Не сможешь ударить его в лицо рукой, бей ногами! — учил меня Лаки. — Ну-ка встань!

Я встал. После сорока семи отжиманий у меня отваливались руки. Правое плечо, кажется, вообще распухло.

— Тебе что, больно? — не понял Лаки. — Постарайся не думать об этом. Боль для эмпи — непозволительная роскошь. Вас этому что, не учат? Ударишь его вот так! — И он ударил меня с ноги в грудь. Я упал в кресло.

— А теперь встань и повтори! — приказал Лаки.

У меня не было выбора. Я ударил его. Он остался стоять.

— Хорошо, Ричи. А теперь сделай так, чтобы я упал.

Я мысленно собрался и ударил его чуть сильнее.

— Так не пойдет… — задумчиво проговорил Лаки. — Ладно… Завтра мы вместе разберемся с этим кретином.

Утром мы поехали в лицей, взяв велосипеды. Я не особенно боялся встречи с Кулом и его собаками, полностью доверившись Лаки. Все произошло возле школы. Мы подъехали, поставили велосипеды на стоянку и начали подниматься по ступенькам крыльца, когда Кул и его нукеры обступили нас.

— Надо поговорить, — Кул поглядел на меня, и я вдруг осознал, что он — в отличной форме.

— Говори, — согласился Лаки.

— Не здесь.

— Куда пойдем?

— Тут недалеко… — уклончиво ответил Кул.

И мы пошли.

Мы миновали залитый солнцем двор. По асфальту змеились ручьи. Какой-то мальчик пускал кораблик из коры, и я остро позавидовал ему — он жил в мире своих иллюзий, и этот мир охраняла его мама, сидевшая рядом на скамейке. Мы дошли до парка, свернули за ограду, и тут меня схватили за руки и несколько раз ударили по почкам. Я задохнулся, замер с выпученными глазами и перекошенным ртом.

Они оставили меня падать и набросились на Лаки.

Сознание пульсировало вспышками. Вспышка — и Лаки в центре толпы просто прячет руки в карманы… Вспышка — и Лаки уже лежит на земле, раскинув руки, а эти парни прыгают на нем…

Вспышка — и какие-то люди бегут к нам, а вокруг уже никого. Что-то текло по моему лицу. Это была кровь. А я даже не почувствовал удара… Я стоял на коленях, вглядываясь в лицо Лаки Страйка, и пытался понять, жив он или нет. Стоило

проверить пульс, но я не знал, смогу ли я пошевелиться. Потом я, наверное, потерял сознание.

Когда я открыл глаза, передо мной сидели копы в белых халатах. Я не понимал, что со мной произошло. Увидев копов, я даже не испугался — в тот момент я начисто забыл про «Экотерру».

— Он сможет говорить? — спросил один из них у медсестры. Она наклонилась над консолью аппарата жизнеобеспечения, проверила какие-то параметры.

— Он ничего не помнит.

Копы переглянулись.

— Тогда мы настаиваем на применении спецпрепарата, прошедшего тесты Комитета здравоохранения. Вам придется расписаться вот здесь. — И медсестре протянули ручку.

— Это может быть опасно для больного, — сказала она. — Здесь должен решать врач, а не я.

— Это — стандартная процедура, — сказали копы. — Абсолютно безвредный стимулятор поддержит его, пока мальчик будет отвечать на вопросы.

— Ну, я не знаю… — сказала медсестра.

— Мы выпишем для вас соответствующую бумагу, — сказал кто-то из копов. — Но применение спецпрепарата необходимо для установления правды. Вы понимаете меня?

Я закрыл глаза.

— Введите ему камфару, — услышал я сквозь вату в ушах. — И подпишите вот здесь…

Мне было все равно. Потом я, кажется, заснул.

Я видел много разных снов. В одних я просто возвращался домой и смотрел по визору разные фильмы. В других видениях я сочинял стихи, навроде:

«Среди снегов
Скрывается река
Под покрывалом смерти…»

А один раз я видел Мэйджи и даже держал ее за руку, а она, глядя на меня с бесконечной эмпатией, гладила мою голову и повторяла ласковые слова.

Лаки я не видел во сне ни разу. Защитные механизмы психики не пускали этого демона в мир моих видений.

О том, что копы применили ко мне «Нейролептическое подавление личности категории А», чего не имели права делать вообще, я узнал уже потом. А тогда опустошительная депрессия едва не уничтожила мой внутренний мир. Именно тогда ко мне

впервые и пришел Добрый Герой.

Он был мультяшкой. Он сотни раз спасал свою планету и теперь насмешливо глядел, как я заставляю себя умирать. Он не бил меня, как Лаки, а просто смеялся надо мной. И мне приходилось жить, хотя бы для того, чтобы ненавидеть его. Когда-то мы были с ним друзьями, и он явился, чтобы напомнить об этом.

Потом все закончилось. Однажды я открыл глаза и понял, что свободен. Я сел на кровати. К моим венам приросли пластиковые трубки, я был одним целым с аппаратом жизнеобеспечения. Отчего-то мне стало страшно. Я начал все это срывать с себя, но тут прибежали врачи, обступили меня, заставили лечь обратно.

— Что случилось? — спросил я у них.

— Все хорошо, Ричи. — Один из врачей остался, прочие ушли. — Тебя ударили по голове, ты был в коме около недели.

— Недели? — повторил я. — О нет… А как же зачеты?

— Все в порядке, — он поглядел на меня, как смотрят на недоразвитых.

— Насчет зачетов не беспокойся. Главное, что ты будешь жить.

А вечером дверь в палату распахнулась от сильного пинка и я увидел Лаки Страйка в инвалидной коляске.

— Как дела, Токада? — бодро крикнул он, подъезжая к моей кровати.

— Лаки?! — прохрипел я.

— Я слышал, тебя едва не убили этими нейролептиками?

— Нейролептиками? — это слово далось мне с трудом. Я едва не заплакал. Лаки поглядел на меня, как недавно глядел мой доктор.

— Ты лучше подумай, как будешь сейчас отжиматься.

— Что? — не понял я.

Он засмеялся, но не обидно, не так, как смеялся Добрый Герой.

— Токада! Я чертовски рад тебя видеть! Ты такой же идиот, как и раньше!

Медсестра, пришедшая сделать мне вечерний укол, закричала, чтобы он убирался, но Лаки крутился вокруг нее на своей коляске, и ей пришлось выкатить его за дверь.

Однажды, когда нам разрешили выходить в парк, я пожаловался Лаки на постоянные головные боли.

— Знаешь, мне кажется, что я схожу с ума.

Он долго молчал. Я довез его кресло до скамейки. Я все еще быстро уставал, но Лаки, которому везде мерещились электронные датчики слежения, так свирепо на меня посмотрел,

что я повез его дальше. На веселой лужайке, поросшей модифицированным травяным ковром, силы оставили меня окончательно, и я повалился на спину. Небо было ультрасинего цвета, как летом. Стояла жара.

Быстрая весна закончилась, в Стад-Рее свирепствовало солнце.

— Как ты думаешь, они все знают про птичника? — задал я вопрос, мучивший меня уже пять дней, с тех пор, как я все вспомнил.

— Забудь об этом, — небрежно махнул рукой Лаки. — Нас бы уже не было здесь. Ты ничего им не сказал, так как в основном тебя спрашивали про Кула.

— А тебя? Тебя допрашивали? — я остро чувствовал несправедливость. Я даже начал злиться заранее. Если ко мне применяли нейролептики, как утверждал Лаки, то у него, скорее всего, не спрашивали ни о чем. В этом просто не было необходимости. Я должен был рассказать им ВСЕ.

— Ты спрашиваешь вообще или конкретно в этот раз? — поинтересовался он. — Нет. В этот раз допрашивали только тебя, бедолагу. Я рад, что так вышло. Теперь ты можешь жалеть и накручивать себя сколько угодно, вспоминая тех кретинов, которых мы с тобой завалили — никто даже не обратит на это внимание. Если ты будешь правильно себя вести, тебя вообще спишут со счетов, как психически неполноценную особь. Знаешь, Программа имеет процент выбраковки, и ты попадаешь в него. В этом нет ничего страшного.

— Ты специально не стал драться? — спросил я у него. Я все никак не мог понять, отчего это Лаки, умеющий ТАК драться, не разобрался тогда с этим сбродом.

— А ты сам почему не дрался? — он язвительно улыбнулся. — Тоже специально? В общем, так.

Времени у нас почти не осталось…

Оглядевшись, он неожиданно встал и помог мне подняться с земли.

— Ты ходишь?! — возмутился я. — Так какого черта…

— Стоп! — сказал Лаки. — Слушай меня. Через неделю я заеду за тобой. К этому времени ты должен быть в форме. Я не знаю, как ты это сделаешь. Меня это не волнует. Я знаю одно: эта больница — наше лучшее алиби.

— Ты бредишь! — вырвалось у меня.

— Нет. Я все придумал. Я расскажу тебе, но позже.

— Мне придется убивать?

— Думаю, да…

— Но ты же не сможешь драться! — вырвалось у меня.

— Его глаза потемнели.

— Ты так думаешь?

Я промолчал.

— Прикидывайся слабым изо всех сил, — продолжал Лаки. — И не жри никаких таблеток. Понял?

Мы должны все сделать, пока нас не перевели на общую терапию!

Лаки появился примерно через неделю. В этой больнице я потерял счет времени. Целыми днями я качал пресс, выжимал гантели, которые притащила мне Ритка, приседал и старался ни о чем не думать, так что дни были похожи один на другой. А еще ко мне повадилась Ритка, и я бы не сказал, что ее посещения были мне противны. Она не приставала ко мне больше, и это я объяснял своим внешним видом — меня побрили налысо. Зато мы много болтали, и я выяснил для себя, что она вовсе не такая глупая, как мне казалось.

— Меня скоро переводят на общую терапию! — радостно сообщил Лаки, вваливаясь в комнату на своей каталке. — Еще неделя — и я буду дома!

Вот и все.

Улыбка сползла с моего лица.

— Как ты себя чувствуешь? — продолжал Лаки валять дурака перед несуществующими видеокамерами. — На улице лето…

— Тепло? — слабым голосом спросил я.

— Тепло. И светло. Идем.

Я нехотя встал и повез его во двор.

На этот раз Лаки не успокоился до тех пор, пока я не завез его черт знает в какую даль, а больничный сад был немаленьким. Мы остановились у распиленного на кольца тополиного ствола.

— Ну-ка, отожмись! — приказал Лаки. Я послушно упал на кулаки и отжался шестьдесят четыре раза.

— Ладно, сойдет, — поморщился он, но я понял, что он доволен моими успехами.

— Действовать надо быстро, — сказал Лаки. В своем кресле он напоминал мне Диктатора Крэга из сериала «Цена жизни — смерть». — Сегодня ночью, ровно в час, ты выпрыгнешь в окно мужского туалета. Там, под окнами, есть лужа. Ты как следует изваляешься в грязи…

— С этого места — подробнее…

— Ричи, я тебя сейчас ударю, честное слово! Ты намажешься грязью для того, чтобы охрана не засекла твою белую пижаму, когда ты будешь перелезать через стену…

— Через стену?..

— У тебя есть другой план? — ледяным тоном осведомился

Лаки.

— Хорошо, — сдался я. — Продолжай.

— Я буду ждать тебя с той стороны стены. Пока все.

— А дальше?

— Дальше? Сделай хотя бы это! И придумай какую-нибудь легенду, если они тебя схватят. Ты все понял, Ричи?

Я понял только то, что Лаки просто лихорадит от безумия.

Ночью я сделал все, как он велел. Я прокрался в туалет, открыл окно и выглянул наружу. Там было холодно. Я вздохнул — и спрыгнул вниз, думая только о том, чтобы не сломать ногу. Я упал прямо в грязь, и это решило часть проблемы. Я честно вывалялся в ледяной грязи и стал похож черт знает на кого. Теперь мне было что терять. Если меня сейчас поймают, психушка примет меня с распростертыми объятиями… Короткими перебежками, от дерева к дереву, я добежал до стены.

Теперь мне предстояло преодолеть три метра железобетонной ограды. Я пошел вдоль стены и довольно скоро наткнулся на грязные разводы. Так, значит Лаки уже на той стороне… Я подтянулся на выступе, сорвался, попробовал еще раз… Мне показалось, что я слышу шорох. Собаки!.. Я мысленно взвыл и бросился на стену. Я слышал о том, что на ночь охранники выпускают собак, но, конечно же, забыл об этом. Адреналин придал мне новые силы, и я не понял, как оказался по ту сторону больничной территории.

Лаки сидел на корточках под деревом и глядел на меня. Он был весь в грязи, как и я, и еще он здорово замерз, пока ждал меня. Мы побежали, чтобы согреться. Лаки был в прекрасной форме. Он мчался, как бешеный, я просто не успевал за ним. Мы добежали до моего дома минут за двадцать, и тут я понял, что у меня нет ключей.

Я беспомощно поглядел на него. Лаки улыбнулся своей демонической улыбкой и достал из кармана ключ. Сунул его в мою руку.

— Давай, отрывай! Холодно же!

— Я смотрю, ты неплохо подготовился, — признался я, открывая дверь.

— Я спер его из кладовой, где хранятся наши вещи. Поэтому я так долго откладывал акцию…

Щелкнул замок, и мы ввалились ко мне домой.

— Свет не включай. Всю одежду — в стиральную машину. Сам — в душ, — командовал Лаки.

Мы быстро переоделись. Я выставил нужный режим стирки. Теперь, когда мы вернемся, пижама снова станет чистой и сухой…

— Как мы вернемся назад? — спросил я, закончив одеваться.

— Тебя должно волновать другое, — сказал Лаки. — Принеси консоль!

Я принес на кухню консоль. Лаки уже накачивался кофе, судорожно затягиваясь сигаретой.

— Как давно я не курил… Ричи, это такое счастье — курить на кухне в темноте… Включай ее скорее! Нам нужен адрес торговца белками!

— Адрес кого? — не понял я. Кажется, у меня начинался жар.

— Торговца белками! — прокричал Лаки мне в ухо. — Я сам забивал его в твою долбаную консоль!

Лаки приметил его еще во время своего первого посещения птичьего рынка. Этот мужик торговал исключительно белками. Тогда же Лаки поведал мне, что белки не живут в неволе, и что их надо спасать в первую очередь, а то все они вымрут, как летяги. Торговец белками тоже жил в Частном секторе, но Лаки это не интересовало.

— Отлично, — сказал он, когда закончил рассматривать карту. — Лиственная, семнадцать… Туда и обратно на мотоцикле — час. На этот раз мы угоним машину. На угнанной машине мы протараним забор, передавим всех собак и ворвемся в дом…

— На машине?..

— Там ты убьешь этого кренделя, затем мы выпустим белок и подожжем дом. В багажник машины мы положим велосипеды, на которых и поедем обратно. Ну-ка включи карту еще раз! Я должен просмотреть пути отступления.

— Лаки, ты это все серьезно? — кажется, мой голос дрогнул. Я никогда ни кого не убивал.

— Ну надо же когда-то начинать, — ответил Лаки, прекрасно поняв меня.

— Ты быстренько забьешь его монтировкой. Главное, следи за тем, чтобы на одежде не осталось никакой крови. И не забудь про перчатки.

Меня едва не стошнило, стоило мне представить эту картину. Лаки даже не заметил моих страданий. Просмотрев на карте пути отступления, он закрыл консоль, тщательно вымарав перед этим адрес белочника. С конспирацией у этого парня было все в порядке.

У нас на все — три часа, — объявил Лаки, не слушая моих возражений. — Через три часа мы должны лежать в своих кроватках. Бери монтировку, пошли!

Лужи подернулись корочкой льда. Климат в Стад-Рее все больше напоминал пустыню — днем жара, ночью — холод. Мы аккуратно объезжали лужи, чтобы не оставлять следов от

протекторов.

Лаки знал, где в моем доме хранятся отмычки для машин, мне даже не пришлось ему подсказывать.

Я ехал вслед за ним и думал только об одном — что все это просто сон, и скоро я проснусь в своей палате и тут же попрошусь на общую терапию…

— Вот эта, — сказал Лаки, подъезжая к одиноко стоящей «берте». Мы слезли с велосипедов. Лаки быстро открыл машину отмычкой. Я ожидал, что сработает сигнализация, но этого не произошло.

— Где ты этому научился? — вырвалось у меня. Он не удостоил меня ответом. Открыв заднюю дверь, я запихал в салон «берты» наши велики. Лаки, прыгнув за руль, с места втопил на полную, я даже не успел захлопнуть дверцу. Лаки водил очень грамотно. Я подозревал, что в другое время он не стал бы останавливаться на красный на пустынном перекрестке. Так мы свернули на Лиственную улицу, никого не задавив и ни разу не нарушив правила дорожного движения.

Доехав до дома номер семнадцать, Лаки резко крутанул руль, и, не сбавляя скорости, бросил машину на забор. Неожиданно для себя я понял, что стена несется прямо на нас, заорал, и, кажется, схватился за руль. Мы врезались с грохотом и треском. Забор не выдержал натиска и рухнул. Взвыли собаки. Послышались голоса. Лаки опередил меня, вышиб досчатую дверь ударом ноги и влетел в дом. Как в бреду, я ввалился следом за ним с монтировкой в руке. Все происходило быстро, но мне казалось, что секунды тянуться, как жевательная резина. Белочник бросился на меня с топором, и я ударил его. Он выронил топор, но не из-за моего удара, нет — у него в боку уже торчала рукоять ножа.

— Где белки?! — заорал на него Лаки.

— В сарае, — прохрипел мужик.

— Добей, — велел мне Лаки.

Хорошо, что белочник не смотрел на меня, иначе я просто не смог бы этого сделать. Я обошел мужика и ударил его монтировкой по голове.

— Еще раз, — подсказал Лаки.

Я зажмурился — и ударил еще раз.

— Идем.

Мы вышли из дома и подошли к сараю. Собаки за окрестными заборами заливались вовсю. Я был в таком шоке, что даже не думал о том, как мало у нас времени. Белки верещали, они явно чувствовали грядущие перемены в своей судьбе. Мы открыли сарай — и в нос мне ударил отвратительный смрад.

Здесь были десятки белок, и все они метались в панике по своим вольерам. На каждой из клеток висел замок. Лаки вырвал у меня монтировку, лихо сбил эти замки, и поганые твари бросились прямо на нас. Я вдруг понял, что у меня в руках снова оказалась включенная видеокамера, и я фиксирую все происходящее. Лаки не стал ничего писать, как в прошлый раз — на это просто не оставалось времени. Мы бросили видеокамеру тут же, в сарае, а рыжая волна белок все текла и текла… Это был какой-то животный водопад! Мы добежали до машины. Я принялся вытаскивать наши велосипеды, а Лаки, схватив непонятно откуда появившуюся канистру, облил бензином машину и выплеснул остатки в открытую дверь дома. Достал из кармана зажигалку, крутанул колесико…

Наши взгляды встретились. Он бросил зажигалку в салон машины, и мы вскочили на велосипеды.

Мы уходили какими-то огородами. Я изорвал штаны об проволоку, когда мы мчались по свалке.

За нашими спинами вставало зарево пожара. Мы неслись сквозь ночь, в ушах свистел ветер. Я не думал ни о чем, я просто крутил педали.

Мы бросили велосипеды около школы-интерната для трудных подростков. К утру их уже не будет. Остаток пути мы проделали пешком. Я дико устал. А нам еще предстояло вернуться в больницу…

Моя пижама за время нашего отсутствия стала сухой и чистой. Я надел ее, бросил в стиральную машину одежду, в которой пришел. Лаки плескался в душе. Я подошел к зеркалу. Мне хотелось взглянуть в глаза эмпи, только что совершившего убийство. Сначала я не узнал себя — еще бы! Я здорово похудел, у меня совершенно отсутствовали волосы. Лысый, с дикими глазами, я меньше всего напоминал гордость психотехнического лицея. Но зато во мне было что-то от Доброго Героя.

Проникнуть обратно не составило труда, Лаки рассчитал все верно. От прелой земли поднимался туман, запущенный больничный сад служил нам прикрытием. Мы осторожно подкрались к корпусу и влезли в открытое окно туалета по водосточной трубе. Лаки заставил меня вымыть ноги, окинул критическим взглядом. Затем встал зачем-то на унитаз, потянулся к вентшахте, забранной решеткой.

— Что ты делаешь? — с трудом выдавил я. Меня лихорадило.

— Сейчас… — он отодвинул решетку и залез в отверстие рукой. А потом протянул мне две таблетки.

— Держи. Съешь это.

— Что это?

— Реланиум.

Я проглотил таблетки, даже не запивая их водой.

— Вот так. Молодец. А теперь ложись спать. И никаких обсуждений, запомни — никаких. Все. Иди.

Меня шатало. Я добрел до своей палаты и упал в кровать.

— Это был сон, — прошептал я. В голове все плыло.

Утром мне стало хуже.

Меня выписали в среду, девятого мая. Лаки — на десять дней раньше. Я шел по улицам, глядя по сторонам. Деревья были уже зелеными, в ветвях чирикали птицы. Как хорошо, что меня накачали нейролептиками, думал я. Ведь стоит той же Мэйджи провести со мной беседу, как она сразу поймет, что со мной что-то не так. А теперь все подгонялось под нервный срыв. Я верил, что все будет хорошо, и приближался к своему дому в отличном настроении.

Окна были открыты, во всех комнатах горел свет, не смотря на то, что ярко сверило солнце. Все похолодело у меня внутри. Я подумал, что копы добрались до нас и сейчас обыскивают мою комнату… Я сделал еще несколько шагов, прежде, чем до меня дошло, что из окон вырывается громкая музыка. Тоже мне, слабонервный нашелся!.. Тем не менее, я подошел к окну, и, поднявшись на цыпочки, заглянул в гостиную. Посреди комнаты стоял накрытый стол, и чего там только не было! Я понял вдруг, что дико хочу есть. Лаки ждал меня на пороге, поглядывая на часы.

— Ричи! — заорал он, бросаясь мне на шею. — Какой же ты дохлый!.. Идем скорее!

Все в моем доме осталось прежним, но было подозрительно чисто. Мы зашли в гостиную. На столе дымилось мясо, стояли салаты. Я почувствовал, как предательски защипало в глазах. И тут в комнату вошла Ритка. Она выглядела, как девушка из моих грез. Весь вульгарный налет куда-то делся, на ней было длинное синее платье, волосы падали волнами на плечи. Она сняла всю бижутерию, и я впервые заметил, какие у Ритки длинные пальцы. Обычно их было не видно из-за колец.

— Вот, — скромно потупилась Ритка, указывая рукой на стол. — Угощайся, Ричи…

— Ну, Ритка… Ты такая…

Она улыбнулась. Я поглядел на нее, поглядел на салаты и набросился на еду. Лаки подливал мне вина. Он явно что-то замышлял. Когда я раздулся, как дирижабль, от всех этих кушаний, Ритка вынула из сумочки «Стразз», и мы закурили.

— Приятно вернуться домой, да, Ричи? — Ритка коснулась моей руки. Я взглянул на Лаки.

Лаки блаженно улыбался, но я успел его прекрасно изучить. Мне стало тревожно. Я решил не обращать на него внимания и занялся Риткой. Мы много танцевали, смотрели визор, курили «Стразз», пили вино — словом, отдыхали. Потом я уснул в кресле, казавшимся таким уютным, а когда открыл глаза, было уже светло.

Я отправился искать Лаки и обнаружил его в своей комнате, в постели с голой Риткой. Это неприятно оцарапало меня. Лаки ничем не выдал своего пробуждения, даже не открыл глаза, но стоило мне вернуться в гостиную, как он вошел следом, уже полностью одетый.

— Поговорим? — предложил Лаки.

— Ты спал с ней? — тут же спросил я.

— Я сплю с ней уже одиннадцать дней. Переспи теперь и ты. И забудем об этом.

Я промолчал. Он был прав. Ритка никогда не была моей девушкой.

— Пока ты прохлаждался в больнице, я вычислил адреса еще четырех подонков, — продолжал Лаки. — Мы все сделаем следующей ночью. Ритку мы напоим так, что она даже под препаратами покажет, что мы бухали всю ночь.

Я молчал.

Он поглядел на меня, наклонив голову.

— Эй! Токада! Что-то не так?

— Я не знаю, — сказал я.

— Что? Депрессия? Это не страшно. Я уже придумал, как избавить тебя от этого. Тебе нужна встряска!

— Еще одна?! — разозлился я.

— Стоп! Сейчас мы с тобой будем пить виски. — И Лаки, метнувшись к бару, схватил оттуда пузатую бутыль с длинным горлышком. Выломал пробку и начал хлестать из горла. Меня передернуло. Он сплюнул и протянул бутылку мне:

— Давай. Ты сможешь!

— Если ты называешь это встряской… — я запрокинул голову, сделал несколько больших глотков. Задохнулся от отвращения, но усилием воли удержался от рвоты. А потом по моим венам побежало тепло.

— Ты как? — подозрительно поглядел на меня Лаки.

— Отлично! — я чувствовал подъем. Мне было уже хорошо.

— Кстати… Ты ведь умеешь стрелять из пистолета? — спросил Лаки,

— Нет, — не задумываясь, ответил я. — А что?

— Это несложно. Я тебя научу.

— Лаки, пойми… Я не хочу убивать! Не хочу!

Он улыбнулся.

— Знаешь, когда-то я думал так же. Хочу, не хочу… Это несложно. Главное — нажать на курок, а пистолет все сделает сам.

— Но я не хочу!

— Ты привыкнешь. Выпей еще.

Я выпил. На этот раз пойло влилось в меня гораздо легче. Я потянулся к пачке «Стразза», так как других сигарет у нас все равно не было.

— Тебе ведь приходилось убивать, правда? — спросил я, глядя ему в глаза.

— Ты же видел, — хмыкнул он.

— У тебя это получалось очень легко. У тебя, должно быть, большой стаж, верно?

— Это ты сочувствуешь мне или издеваешься надо мной, я не понял? — в его взгляде промелькнуло удивление. — Ричи, давай не будем ссориться из-за ерунды. Ты затеваешь долгий, неприятный, а главное — ненужный разговор. А я обещал тебе встряску! Поговорим об этом в другой раз, по трезвости. А сейчас — пей.

Я редко употребляю спиртные напитки крепче семнадцати градусов. У меня нет надлежащей практики в этом вопросе. Мы еще не ополовинили бутылку, а у меня уже начинало двоиться в глазах. Поняв, что я готов к новым испытаниям Лаки отставил бутыль и сказал:

— Пошли!

— К-куда?

— В твою комнату!

— Зачем?

— Увидишь!

Я попробовал подняться, но ноги плохо служили мне, и Лаки пришлось вздернуть меня за шкирку.

— Вставай, здесь недалеко…

— Я должен знать, что это за встряска, — захихикал я. — Может, ты подбираешься к моей заднице!..

Он разжал пальцы и я упал лицом в пол.

— Уй…

— Токада, ты и вправду так нажрался? — он попробовал меня поднять, плюнул и потащил мое тело за воротник куртки по полу.

— Куда вы меня тащите?! — орал я. — Я не хочу!..

Он приволок меня в комнату и бросил прямо на Ритку, с бесконечным изумлением взиравшую на нас.

— Лаки, ты что? — спросила она, хлопая глазами.

— Ритка, познакомься. Это — Ричи, — сказал Лаки.

— Я Ричи… — бормотал я, ничего не соображая, в то время как мои руки сами собой потянулись к ее голым грудям.

— Да ты пьяный! — с возмущением крикнула она. — И ты! Да вы что?!

Лаки с циничной улыбкой стянул с себя футболку, бросил ее Ритке на лицо.

— Ритка… Ты такая… — я обслюнявил всю футболку, прежде чем до меня дошло, что я делаю. Я отшвырнул ее в сторону, случайно ударив Ритку по лицу

— Чтоб ты сдох! — крикнула мне Ритка.

Пружины дивана скрипнули под тяжестью тела Лаки, и до меня, наконец, дошло, что он задумал.

«Вот это да!», — подумал я. — «Неужели это наконец-то происходит!..» Ритка, конечно же, немного повырывалась, но потом сама полезла на меня. Краем глаза я отметил, что у Лаки под сердцем шрамы от двух пуль. Ну и ну… Кто же ты, Лаки?..

Но в следующий момент это стало совсем не важно.

Не помню, сколько длилось это невероятное переживание. Скорее всего, в виски был растворен мой же «Нон стоп!». Когда я проснулся, у меня все болело, а за окнами снова был день. Тут я вспомнил, что сегодня мне обязательно надо в лицей, и захохотал. Ритка сонно заворочалась у меня под боком. Я захохотал еще громче. В комнату заглянул Лаки с опухшим от пьянства лицом, и тут со мной едва не приключилась истерика.

— Что ты ржешь? — спросил Лаки, с трудом ворочая языком.

— Лаки… — выдавил я сквозь спазмы. — Мы не проспали… школу?

Лаки фыркнул и засмеялся вместе со мной.

— Ну что… трахаем Ритку… и в школу? — я уже начинал задыхаться. Очевидно, Лаки имел в виду именно психологическую встряску, а вовсе не групповуху в пьяном виде под препаратами.

Мне было смешно настолько, что я испугался, как бы меня не перекинуло.

Если эмпи находится в разработке, федеральной или какой-нибудь еще, его шансы пройти перезагрузку увеличиваются вдвое, но и без этого достаточно процентов того, что от малейшего стресса у тебя перемкнет все мозги, если, конечно, ты — эмпи.

Перезагрузка — это термин из «теории ментального воздействия», он означает бесконтрольную боевую трансформацию. Мозги отключаются напрочь, зато безмерно возрастает сила удара, скорость реакции, вырубается болевой центр, увеличиваются ловкость, выносливость и прочие качества, а главное, от взбесившегося тестостерона возникает

беспричинная агрессия, направленная на все живое. Таких эмпи обычно убивают, но они все равно успевают наделать дел. В лицее нам объясняли, что бесконтрольная боевая трансформация — это естественный отбор, и рано или поздно эмпи будут улучшены настолько, что порог контроля увеличится в десятки раз, но это будут уже другие, счастливые эмпи, а мне хотелось жить сейчас.

Усилием воли я заставил себя замолчать. Потом меня вырвало, я успел свеситься с постели в последний момент.

— Посмотри на меня, — попросил Лаки.

Я поднял голову.

— Дьявол! — выругался он. — Я и не знал, что ты псих!

Ритка заглянула мне в лицо и тихо ойкнула.

— Что-то не так? — мой голос дрогнул.

— Ричи, у тебя глаза… — зашептала Ритка.

Только не это!

— Спокойно, — сказал мне Лаки. — Никакой школы! Сейчас я принесу чего-нибудь… — он не договорил, скрылся за дверью.

Ритка отреагировала естественно для тех, кто понимает, отчего у эмпи светятся глаза. Она потихоньку оделась и отошла подальше от кровати. Лаки принес два фужера и бутылку, потом посмотрел на Ритку, и та серой тенью скользнула за дверь, в полумрак коридора. Лаки озадаченно взглянул на меня, потом покачал головой и наполнил фужеры.

— Ну-ка выпей.

Я послушно выпил. На этот раз в виски было снотворное. Мне почти сразу захотелось спать.

— Ты плывешь? — спросил Лаки.

— Кажется, да.

— Здесь что-то не так… Тебя не может перекинуть из-за ерунды.

— Что ты называешь ерундой? — вскинулся я. — То, что я забил его мон…

— Тсс. — Лаки оглянулся на дверь. — Да. Именно это. Я вдруг понял, что вообще ничего о тебе не знаю. Ты давно в Программе?

— С семи лет.

— Кто определял тебе специализацию?

— Я сам…

— Ты сам?

— Я не помню…

— У тебя провалы в памяти? Странно, я не знал…

— Не знал? — не понял я.

— Я «просматривал» тебя.

— Что? ТЫ?!

— Я бы знал про эти твои провалы. Значит, ты просто забыл, что у тебя были провалы в памяти.

Смешно. Хотя… Не стоит списывать то, что тебя накачали нейролептиками с полным подавлением контроля, но, если я что-нибудь понимаю в программах, провалы появились гораздо раньше, и перезагрузка может быть следствием снятия контроля…

— Ричи, ты под программой, — торжественно произнес Лаки. — Поздравляю, — он пожал мне руку.

Я не понял ни слова из его монолога, и этот вывод не был для меня очевиден.

— Что будет, когда я усну? — мне хотелось спать все больше и больше.

— Может, ничего, — пожал плечами Лаки. — А может, ты впадешь в непродолжительный транс, где тебе перемкнет все системы, а потом ты убьешь сначала меня, затем — Ритку, а после и всех остальных. Спи…

У Лаки за спиной болтался рюкзак, в котором лежали четыре пистолета. Мы пробирались ночными улицами к развалинам монастыря, где обычно собирались рейдеры перед тем, как поехать покататься на виадук. Я чувствовал себя легко, мне хотелось приключений. Перезагрузка отступила, лишь слегка задев меня своим крылом, но уровень гормонов в крови был по-прежнему предельные для существа моего вида, и поэтому мне не терпелось подраться. Лаки все это объяснял мне, пока мы передвигались по мощеным улицам древнего города, поглощенного Стад-Реем лет двести назад.

Единственным раздражающим фактором были темные очки, но Лаки сказал, что в парке их можно будет снять.

В парке оказалось совсем темно. Все фонари были расстреляны рейдерами. Мы побежали. Я наслаждался запахами весеннего леса, поглядывал на яркие звезды, мои геномодифицированные инстинкты обострились и предчувствие кровавой охоты гнало меня вперед. Я представлял, что буду драться руками, но Лаки протянул мне ствол, когда мы перешли на шаг.

— Подождем их здесь, — сказал он, кивнув на одинокую скамейку, стоящую среди кустов сирени. Я уселся на нее. Лаки, покрутив пальцем у виска, велел мне спрятаться за скамейкой.

— Что дальше? — спросил я.

— Нам нужны два мотоцикла, — пояснил Лаки. — Они остановятся, мы убьем их и заберем мотоциклы себе. Ты прикрутил глушитель? — он кивнул на пистолет в моей руке.

— Они не остановятся, — возразил я.

Лаки не ответил.

Через пару минут мимо нас проехала группа рейдеров на мигающих, как новогодние елки, дредах, или как они там называют свои мотоциклы… Я непроизвольно оскалил зубы.

— Ждем, — шепнул Лаки, видимо, принимая меня за последнего кретина. Мы ждали.

Во второй раз нам повезло больше. Заслышав звук мотора, Лаки размахнулся и бросил на дорогу сверкающую спираль, из тех, что рейдеры так любят цеплять на свои дреды. Мотоциклистов оказалось трое. Они остановились, и я услышал, как один говорит другому:

— Кто-то из наших потерял… — а потом рейдер спешился, наклонился за спиралью, и Лаки сказал «Огонь!».

Я вскинул пистолет. Указка заметалась по брюху растерянного рейдера, успевшего схватить сверкающую штуку. Я плавно нажал на курок, как учил Лаки, раздался сухой щелчок, и рейдер упал рядом со своим собратом. Третий решил от нас удрать, но пуля Лаки настигла его через пару метров. Он завертелся по земле вместе с мотоциклом.

— Вперед! — Лаки вылетел из укрытия, схватил одно из тел за ноги и потащил к обочине. — Быстрее!

Я помог ему отволочь оставшиеся трупы и лишний мотоцикл за кусты, после чего мы надели шлемы, и, свернув на боковую аллею, погнали по направлению к частному сектору.

Мы мчались рядом. Лаки знаком привлек мое внимание. Когда я посмотрел на него, он поморщился и жестом показал, чтобы я надвинул на глаза щиток. Я последовал его совету, вовремя успев сбросить скорость. Забыв, что на щитки таких вот шлемов выводится модулятор трассы со всеми обозначениями, спидометром и оптимальным маршрутом, я просто обалдел от неоновых символов, зависших в трехмерном пространстве вокруг меня. Лаки притормозил, подождал, пока я подъеду, и залепил мне подзатыльник. Тут же в наушниках раздался треск эфира и язвительный голос Страйка:

— Ричи, соберись! Ты слишком рассеян… Ты там еще не перекинулся?

Дальше мы окунулись в серебристый поток ночного воздуха, и мне ничего не надо было делать самому, так как мерцающий ветер вокруг был полем в чистом виде. Ментальным полем, дающим эмпи жизненную силу. Я почувствовал ту грань, за которой начиналось манящее безумие льющейся крови, но у меня хватило остатков самоконтроля не переходить ее.

Даже когда мы ворвались в очередной дом.

Мне стало немного легче, я огляделся. Мы были в шлемах, и

каждая из целей на экране обзора снабжалась фиксатором. Кажется, это были коповские шлемы, причем, скорее всего, из Единицы.

Стрелять было одно удовольствие. Я почти ничего не соображал, но то, что я делал, мне нравилось.

Мы расстреляли голых людей вокруг мраморного бассейна, уставленного по бортику кадками с какими-то деревьями, и Лаки сбил замок с вольера, в котором жили два стервятника. Кажется, я совершил ошибку, пристрелив одно из чудовищ. Лаки отвесил мне еще один подзатыльник.

Выкинул из рукояти пистолета обойму, вставил новую. Оставшийся стервятник метался с воплями по клетке, не собираясь оттуда вылезать. Лаки схватил баллончик с краской и начал писать на стене «Экотерра не прощает!». Я завертел головой в поисках цели. Все были мертвы, в бассейн стекала кровь. В подсвеченной воде плавали рыбы, и я успевал заметить фонтанчик брызг, прежде, чем пуля пробивала очередное продолговатое тело. Лаки прекратил эту рыбалку новым подзатыльником. Он вел себя очень грубо по отношению ко мне. Назло ему я начал пинками заталкивать мертвецов в воду, но Лаки потащил меня вон из этого дома, и мы поехали дальше.

У меня в голове крутилась дурацкая песенка:

«Где живет смерть?
Внутри телефона.
Случайный звонок —
И она у тебя дома.
Если ты знаешь правду, ответь,
Где живет моя смерть?»

Я был уверен, что смерть носит такой же шлем, как у меня, и, может быть, едет сейчас мне навстречу, так же как и я еду сейчас навстречу очередному убийству. Экотерра не прощает… не прощает… не прощает…

Пистолеты мы оставили на месте последнего преступления. Лаки положил их на обеденный стол, стволом к стволу, в виде свастики. Не помню, как я вернулся домой.

Проснувшись, я первым делом побежал в ванну, смотреть в зеркале свои глаза. С ними было все в порядке, они ни капли не светились. Я воспринял это неожиданно спокойно. Что-то случилось с моей оценкой реальности. Воспоминания об убийствах больше не повергали меня в ужас. Я улыбнулся отражению. И начал искать различия, вспомнив, каким был раньше, какой-нибудь месяц назад. Волосы немного отросли.

Правда, у меня больше не было такой стрижки, как у Доброго Героя, но до меня, наконец, дошло, что не обязательно отращивать косую челку, ведь сходство зависит совсем от другого. Сходство было в наших с ним глазах. Я проторчал у зеркала минут десять, разглядывая себя со всех сторон. Моя фигура стала гораздо лучше, чем была, ведь я и раньше мечтал скинуть килограмм пятнадцать, да только все никак не получалось. Я сказал себе: «Ричи, посмотри, какое у тебя тренированное тело, какие у тебя мышцы на руках, какой у тебя жесткий волевой взгляд. Ты убил этой ночью кучу людей. И кто ты после этого? Добрый Герой! Ты — Добрый Герой!»

— О, да! — прошептал я, включая душ.

Ритку я обнаружил на кухне.

— Ты чего так рано встала? — спросил я у нее.

— Разве рано? — удивилась она. — Девять часов уже! Будешь завтракать?

— А куда ты собралась? — ответил я вопросом на вопрос, увидев, что она уже в туфлях.

— Как куда? В школу…

— Дура! Сегодня выходной!

— Ох, и правда…

И все-таки что-то в ней было. Я почувствовал острое желание, глядя, как она, отставив зад, грудью легла на подоконник. Я подошел к ней, обнял за талию. Ритка была задумчивой, даже печальной. Впрочем, не так уж это меня и волновало. Я прошелся руками по ее бедрам, давая понять, что готов к брачным играм.

И тут она спросила:

— Ричи, скажи… А ты не знаешь, отчего у Лаки такие шрамы на руках?

— На руках? — не понял я.

— Он резал вены, да? У него обе руки разрезаны вдоль…

Ах вот оно что…

— Не знаю. Не обращал внимания. — ответил я.

— Думаешь, это от несчастной любви? — сморщила носик Ритка.

— Думаешь, Лаки романтичен? — усмехнулся я. Но трахаться мне уже расхотелось. К тому же, на кухню выполз Лаки, в моем любимом черном халате с золотыми драконами. Ритка подобралась, стоило ей его увидеть:

— Водички?..

— А?.. — спросил Лаки. — Да, да…

Он нашел визорный пульт, упал в кресло и нажал на кнопку.

Кухня у меня не очень большая, так что визор занимает почти всю стену. Лаки угадал. «Новости Второй черты» только начались,

и экран заполняла надпись «Экотерра не прощает!». В правом углу взволнованная дикторша зачитывала невидимый текст:

— …массовые убийства, причем в число сорока четырех жертв попал известный ученый-эколог Бруно Двайс, отдыхавший в доме владельца частного зоопарка Тарко Ли, иммигранта с Островов. Вряд ли руководители террористической организации «Экотерра» могли не знать об этом…

Лаки захихикал. Я улыбнулся. Тем временем по экрану поползли кадры мертвых тел на краю бассейна. Убитую мною птицу сняли крупным планом. Вторую, живую и довольную — тоже. Затаив дыхание, я смотрел, как стервятник-падальщик рвет один из трупов, но мужчины или женщины — было уже не понять. Федералы в гермошлемах пытались отогнать его при помощи шокеров, он бросался на них, гневно потрясая крыльями, не желая делить ни с кем свою добычу. Потом показали убитых мною рыб, уныло плавающих вверх брюхом по поверхности воды.

— Двадцать девять участников кровавой вечеринки у Ли были застрелены из пистолетов системы «Ригстон» армейского производства. Всего боевики «Экотерры» навестили этой ночью шесть частных домов, где проживали торговцы животными, и не пощадили никого, даже женщин и детей. В ходе террористической акции также погибли многие животные…

На экране показали дохлого стервятника, рыбок, сторожевых собак, четырех кошек и одного волнистого попугайчика. Лаки зашелся от хохота. Ритка непонимающе глядела то на него, то на меня.

— Ну попугайчика-то за что? А, Ричи? — смеялся Лаки.

— Кошмар, — поддержал его я. — Просто ужас.

Дикторша поведала нам о панике, накрывшей птичий рынок, рассказала что животных становится просто опасно держать у себя дома, а потом высшие чины из региональной полиции, федеральной полиции и Комитета по экологии Второй черты обсуждали неожиданно свалившуюся на них проблему экотерроризма и вместе искали пути выхода из кризиса где-то на протяжении часа.

Вечером Лаки решил устроить банкет. То есть, это он сказал, что банкет, а вообще такие вещи называются «пьянкой». Ритка, как полноправный член семьи, настояла на выборе меню, но спиртные напитки Лаки выбирал сам, и это были мои последние запасы алкоголя. Я спросил, кого он хочет позвать, на что он ответил, что вечеринка эта — корпоративная, и кроме нас больше никого не будет.

— Тогда зачем надевать костюм? — не понял я.

— Ричи, — сказал он покровительственным тоном. — У

жизни должен быть вкус. Ты понял? Не опаздывай. И не забудь про галстук.

Все мои костюмы оказались велики. Я нашел в шкафу старые джинсы и дырявую футболку, надел галстук, накинул на плечи пиджак и растрепал отросшие волосы. Пошел этот Лаки к чертовой матери!..

Они уже сидели за столом. Он — в костюме от «Саламандер», она — в вечернем шелковом платье. Я ударом ноги распахнул дверь, и, рухнув в кресло, с грохотом водрузил ботинки на праздничный стол. В этот момент часы пробили девять раз. Ритка остолбенела. А Лаки мой поступок, похоже, развеселил.

— Детка, — обратился я к Ритке. — Подкинь мне бутылку!

Она передала мне виски «Декстер Клаб».

— Будешь пить прямо из горла? — ледяным тоном осведомился Лаки.

— Бокал!

Ритка протянула мне бокал. Я опрокинул бутылку в бокал, долил до краев, остальное поставил под стол, рядом со своим креслом.

— Я хочу сказать тост, — покачивая хаками из стороны в сторону, объявил я. — Я пью это отвратительное пойло за вас, за моих дорогих друзей!

И, залпом осушив до дна, бросил бокал через плечо. Брызнули осколки.

— На счастье, — сказал я.

Лаки выпил, даже не поморщившись. Потом он отдал должное салатам, навалив себе полную тарелку.

— Ричи, тебе положить салата, или ты поешь прямо из салатницы? — поинтересовался Лаки.

— Положи, — разрешил я.

— А чего тебе налить? — не унимался Страйк.

— У меня все есть, — я помахал в воздухе бутылкой.

— Тогда выпьем за животных! — они с Риткой сблизили бокалы, но со мной чокаться не стали.

— Мы все — животные, — продолжал Лаки, закусывая салатами. — И ты Ричи, тоже животное.

— Ну и что? — я не понимал, что он пытается мне сказать.

— Ничего, — ответил Лаки с набитым ртом. — Ты такое же геномодифицированное животное, как и бройлерный цыпленок. Я просто вспомнил, что ты — расист, извини… Ты отличаешься от остального животного мира только тем, что тебя можно программировать. Феноменальное достижение! Полностью подконтрольное животное, умеющее впадать в боевой транс, в голову которого, наряду с микрочипами, можно засунуть

многоступенчатую программу с возможной перезагрузкой в конце, когда ты будешь больше не нужен! Ты — оружие людей, хоть ты и ставишь их ниже себя. Подавляя одних людей, ты служишь другим. Ничего, что я тебе об этом сказал?

— Ничего. Твои слова — обычная реакция на изменение поведения подконтрольного субъекта. Ты чувствуешь раздражение, глядя на то, как я себя веду. Знаешь, я вчера неожиданно понял, что ты контролируешь меня.

Лаки прыснул в свой бокал, закашлялся.

— Не пытайся меня разубедить, — попросил я.

— Договорились! — он отвернулся к Ритке, пощекотал ей подбородок.

— Главное, это жить так, чтобы не хотелось умирать, — сказал Лаки, глядя ей в глаза. — Да, Ритка? Выпьем! Выпьем за друзей! — он посмотрел на меня, отставил в сторону свой бокал и взял бутыль с коньячным спиртом.

Мне пришлось убрать ноги со стола, чтобы чокнуться с ним своей бутылкой. Я понимал, что скоро меня вырвет, но упрямо пил, даже не думая себя ограничивать.

— Ты хочешь сказать, раньше я жил гораздо хуже? — зачем-то спросил я, прекрасно зная ответ.

— Не знаю, — признался Лаки. — Сейчас ты хотя бы не боишься.

— Почему вы такие умные, мальчики? — неожиданно спросила Ритка. — Мне иногда кажется, что я — полная дура. Я не понимаю, зачем я нужна Программе.

— Главное, что ты нужна мне, — сказал Лаки, обнимая ее. — Мне и Ричи. Ричи, ты не слышал, что через год уровень солнечной радиации повысится еще на двадцать восемь микрорентген? Это означает, что и для нас, и для людей, наступают последние дни. Эпохе всего живого приходит конец. Только вокруг Стад-Рея, в Седьмой черте, сосредоточено восемь ядерных станций, два завода по переработке урана, двадцать шесть КПТ… Ты в курсе, что это такое? Мы с тобой живем перед концом света. Ты чувствуешь гордость? Мы — последние в линии своей крови. Мы можем все!

Скоро над Единицей будет достроен и запущен купол, и тогда вспыхнут гражданские войны, ядерные войны с той же Туаканой и много с кем еще. Выживут только те, кто удержится под куполом. Избранные. И что, если ими окажутся эмпи? Что в этом плохого, Ричи? Что, если эмпи ворвутся в Единицу, разве люди способны оказать нам достойное сопротивление? Все ресурсы, все технологии, имеющиеся в Единице, будут нашими. Купол защитит нас от внешних воздействий, прочий же мир обернется

пустыней. Чистой землей…

Ритка, давай выпьем на брудер… давай сначала выпьем, а потом поцелуемся? — Лаки, неожиданно переменив тему, подлил Ритке виски из моей бутылки. — А после ты спляшешь для нас с Ричи стриптиз? Прямо здесь, на столе!

— Только надо переменить музыку, — капризно надулась Ритка, но потом рассмеялась. — Лаки, ты такой извращенный…

— Она права, — согласился я.

Ритка, шатаясь, вышла из-за стола и направилась к музыкальному центру.

— Захватить купол?.. — переспросил я, немного протрезвев. Что, если этот псих говорит правду?

Лаки расхохотался.

— Что-то я совсем окосел… Забудь, ладно?

Ритка полезла танцевать на стол. Танцевать ее научили, как надо, и ее танец действительно заводил! Я решил допить то, что было в бутылке, поперхнулся, меня, наконец, вырвало, и после этого мой разум заснул. Помню, что я танцевал на столе вместе с Риткой, как мы упали, опрокинув стол, и ползали вместе с Лаки по комнате, пытаясь поймать нашу голую подружку. Потом наступила тьма…

Я осознал себя лежащим рядом с перевернутым столом. Я был совершенно голым, у меня дико болела голова, очень хотелось пить. Я поискал глазами воду, но увидел лишь спящую Ритку, неприлично раскинувшуюся в кресле. И тут я заметил, что мою грудь покрывает засохшая кровь.

Я резко вскочил и метнулся в ванну. Первой мыслью было то, что мы с Лаки устроили пьяную драку и порезали друг друга ножами. Я подбежал к зеркалу и уставился на свое тело. У меня на груди, с левой стороны, была свежая татуировка. Я плеснул водой на себя, смывая кровь, но и без этого я уже понял, что это такое. Меч, выполненный в неоготическом стиле, заслонял собой планету.

Сверху полукругом шла надпись, и когда я осознал до конца, ЧТО у меня на груди, у меня задрожали колени. Написано было «Экотерра не прощает!», что же еще?

— Путь назад отрезан, — послышался голос Лаки за спиной. Я растерянно посмотрел на его отражение. Он встал рядом со мной, снял футболку и на его груди, прямо над следами от пуль, я увидел точно такой же символ с надписью.

У меня в глазах замелькали черные мухи. Я попытался ударить его, но он вывернул мне руку, затолкал в ванную и открыл холодную воду.

— Остынь, Ричи. Так надо.

Мне резко расхотелось жить. Потом мне резко захотелось нажраться. Потом меня начало рвать.

Лаки проследил за сотрясавшими мое тело спазмами и цинично заметил:

— Вечеринка удалась.

Вечеринка удалась. Я стоял под ледяной водой, проклиная все на свете. Я ненавидел его. Я ненавидел себя за то, что позволил командовать собой какому-то кретину. Он был ненормальным, и теперь я понял это, и теперь, когда я это понял, отступать было некуда. Экотерра не прощает… Этот слоган был разрекламирован по всей черте! Запрет «Экотерры» со всеми вытекающими последствиями — это вопрос времени. Членов подобных организаций в нашем городе было принято убивать. Рано или поздно мы попадемся, с такими-то татуировками! Я стоял под холодным душем, судорожно хватая ртом воздух, но ничто не могло меня успокоить.

Когда мне удалось накрутить себя до последней степени, я вышел из ванны, прошлепал по полу, оставляя мокрые следы, в гостиную, где Лаки пытался разбудить Ритку, и, неожиданно для себя самого, ударил его ногой.

Мы выкатились в коридор под грохот мебели и вопли Ритки, и Лаки позволил ей растащить нас. Я с удовольствием отметил, что мне удалось разбить ему нос.

— Все? — спросил он у меня, вытирая кровь рукавом.

— Все, — ответил я.

— Мог бы одеться.

Я наконец-то понял, что все еще голый, и начал искать свои вещи.

— Ты на редкость депрессивный тип, — сказал мне Лаки с легкой укоризной. — Ты все время трясешься за свою сраную жизнь. Так нельзя, Ричи.

— Лаки, я просто стараюсь не совершать необдуманных поступков! — крикнул я.

— А я? Разве я совершаю необдуманные поступки? Что ты знаешь о моих мотивах? Что ты вообще знаешь обо мне? Ты живешь, как улитка в раковине, и боишься высунуть свою рожу из домика. Но этот домик — он непрочен, Ричи, достаточно просто наступить на него — и он сломается! Мы все умрем, так или иначе. И я постараюсь, чтобы мы с тобой погибли в неравном бою…

— О, нет!..

— …Это — единственная достойная смерть, какую я вижу для себя. И для тебя тоже. Все! — он распахнул окно, и занавески вздулись пузырем.

— Сегодня же ты прыгнешь с парашютом, я так решил!

— Зачем? — вырвалось у меня.

— Зачем?! Ты сам не знаешь, чего ты боишься, вот зачем! После этого прыжка ты поймешь, что все твои глупые страхи — просто ничто!

Самолет незаметно стронулся с места, и до меня дошло, что мы летим, только когда тело вдавило ускорением в спинку кресла. Я посмотрел на Лаки. Он сидел через проход и отрешенно глядел в круглое оконце. Мы набрали высоту и поплыли над лесами. Закатное солнце раскрасило облака, ползущие совсем рядом, небо казалось прозрачным.

Кроме нас, в салоне были еще пятеро парней и инструктор, потративший целый час перед стартом на объяснения. Я ничего не запомнил. Я все никак не мог поверить, что решился на такое.

Лаки перестал обращать на меня внимание, едва мы залезли в самолет, откуда мне было уже никак не сбежать — с самого начала я не проявлял особенного рвения к новым ощущениям. Самолет набрал нужную высоту, мы пролетали над полем, куда нам предстояло упасть, и инструктор сказал:

— Приготовиться!

И открыл дверь.

Салон наполнился ветром. Я почувствовал, как у меня отнимаются ноги. Лаки встал, хлопнул меня по плечу:

— Идем!

Я не хотел вставать, но тут меня подняли и поставили на ноги.

— Не бойся, браток! Первый раз, что ли? — спросил кто-то. Все, включая инструктора, негромко рассмеялись. Лаки поглядел мне в глаза, замерев на пороге целого океана света.

— Я не боюсь, — жалко улыбнулся я.

Вот и все.

— До тех пор, пока я жив… — непонятно сказал Лаки, и, оттолкнувшись, улетел в дверной проем.

Я закрыл глаза. Заставил себя сделать шаг по направлению к огненной бездне, занес над ней ногу, но тут мощный толчок в спину выбросил меня из самолета. А потом, через несколько размазанных секунд, хлопнул купол, разворачиваясь над моей головой. Я повис на ремнях, уцепившись за них руками, ощущая, как в ладонях бьется ветер. И только когда закончился воздух, я осознал, что все это время я истошно орал, как последний дебил, и мне захотелось смеяться.

ЛАКИ СТРАЙК — 2

Принцесса дредов.

Врагом Найка был Лында. Экстра всегда говорил Найку, что тот зря связался с рейдерами. Во-первых, от того, что все рейдеры были, как правило, людьми, а во вторых — потому что Найк не умел водить мотоцикл. И боялся высоты. И был щуплым невысоким подростком с наглыми зелеными глазами, а вовсе не здоровенным дядькой, выпивающим ящик пива за раз.

Флегматичный Найк оказался бесконечно терпелив. Он терпел то, что его называли «сынок», и то, что его били, если он отказывался мыть мотоцикл Шейда, Короля дорог, и даже то, что длинноногие подружки рейдеров с выбеленными волосами постоянно хохотали, когда он слезал со своего сияющего дреда. Однажды Барго и Мачо внагляк скрутили все спирали, бортовые огни и «сиялку» с его мотоцикла, но больше всех Найк все равно ненавидел Лынду. Любопытный Лаки узнал через знакомых рейдеров, что Лында, избив Найка, помочился на него при всей стае, и после этого Найк никуда с ними не ездил.

Рассказывая, какой мести он хочет, обычно хладнокровный Найк постоянно смеялся, подпрыгивал и жестикулировал руками, так что с ним никто не спорил. Предложение Эрлига на счет того, чтобы завалить рейдера к хренам собачьим и все, было с возмущением отвергнуто.

Все четверо съездили для начала к Прис за соответствующей амуницией, а потом отправились вычислять Лынду. Путешествие совершалось на «бентоне» армейского образца, черном, с золотой тонировкой и подсветкой в виде языков адского пламени. Машина принадлежала Эрлигу, возомнившему себя жрецом вуду, и над рулем качался амулет, дьявольский симбиоз птичьих перьев, сморщенных горошин и крысиных хвостов. Эрлиг верил, что амулет помогает против копов.

Они подловили Лынду на закрытой стоянке, откуда тот собирался отправляться в путь. Рейдер уже завел мотоцикл и собирался надеть шлем, когда Экстра остановился напротив, и, опустив стекло, обратился к нему:

— Послушай, друг, у тебя не будет зажигалки?

Разводка была детской, однако Лында не отличался особенными способностями. Он нехотя слез со своего дреда и с надменным видом протянул Экстре зажигалку. Экстра тут же схватил его за воротник и хрястнул лбом об металлический борт.

Лаки и Найк, выскочив из машины, подхватили обмякшее тело и затолкали его в багажник, после чего Лаки подобрал шлем и, прыгнув в седло покинутого хозяином мотоцикла, помчался к выезду на трассу. «Бентон» последовал за ним.

Когда Лында пришел в себя, ветер трепал его волосы высоко-высоко на крыше, откуда был виден весь город. Солнце почти ушло, с небес лился сумеречный свет.

Лаки, Эрлиг и Найк сидели на парапете, то и дело поглядывая на Лынду, впадающего в транс, и на Экстру, чьи слова рывками доносил ветер:

— Я не знаю, сознаешь ли ты, что ты глубоко в трансе… Это не то, что ты хочешь… Это должно заставить себя чувствовать хорошо и комфортно…

— Думаешь, выйдет? — этим вопросом Эрлиг донимал Найка весь день, сомневаясь в способностях Экстры хоть кого-то эмпировать. Сам Эрлиг имел специализацией «боевую блокаду» и достиг в ней ненормальных успехов — даже его облик теперь внушал подсознательный ужас и отпугивал всех, кроме таких же, как он.

— Получится! — Найк с вызовом поглядел ему в глаза. — Если только ты все не испортишь, обезьяна!..

Голова Лынды свесилась на грудь. Состояние транса было достигнуто, и Экстра склонился к его уху.

— Ну что он так возится! — Найк в нетерпении спрыгнул на крышу и начал ходить туда-сюда.

— У каждого из нас своя пропасть и своя высота, — тихо проговорил Лаки, глядя на бетонные щупальца виадуков, по которым лился сверкающий поток вечернего транспорта. — Моя бездна начинается здесь… Я стою на пороге бездны и стучу в открытую дверь.

Сеть виадуков змеилась навстречу закатному солнцу, поблескивая железом конструкций, и уходила вдаль, достигая отдельными нитями полосы отчуждения, где вставали ряды ядерных станций. А дальше не было ничего.

— Завтра обещали адскую жару, — припомнил неожиданно Найк.

— Да пошел ты! — отозвался Эрлиг.

Лында, пробуждаясь, протер глаза рукавами. Экстра что-то сказал ему, и рейдер начал раздеваться.

— Работает! — подпрыгнул Найк.

— Заткнись! — рявкнул Эрлиг.

— Тише! Смотрите! — Лаки приготовился смеяться.

Рейдер снял сапоги, кожаные штаны, куртку, футболку и трусы, и даже носки, а взамен всего этого надел на себя черные

кружевные чулки, тут же разошедшиеся на его объемных ляжках. Пояс к этим чулкам Лында застегивал где-то полчаса, но никто не стремился помочь ему. Потом он одел бюстгалтер, ошейник с шипами и цепи, и свои высокие сапоги с загнутыми носами, и все это сопровождалось взрывами хохота со стороны парапета. Лында вел себя вполне естественно, ему казалось, что он одет, как обычно. Взяв у Экстры ключи от дреда, рейдер начал спускаться вниз, как делал это тысячи раз, выходя из своего дома, неторопливо и вальяжно.

— Тсс… — предупредил Экстра. — Не подходите близко!

Они прокрались за Лындой, зажимая ладонями рты, и залезли в машину, где у Найка случилась истерика.

Закрепив шлем, рейдер взвыл своим мотоциклом и помчался по безлюдным улицам Мертвого квартала к выезду на южную трассу.

Они проводили его до юго-восточного виадука, который был закрыт из-за лопнувшего троса, и с тех пор участок дороги протяженностью около ста километров перешел во владение рейдеров. Но сначала Лынде пришлось проехать по второму и двадцать восьмому кварталам, где его появление вызвало фурор. Замерев на перекрестке, Лында деловито поправлял лямку бюстгалтера, а из стоящих рядом машин ему орали:

— Куда едешь, педик?..

— Эй, принцесса дредов!..

— Рейдерская соска!..

Лында, как и полагается настоящему рейдеру, кричал в ответ:

— Завали хлебало, козлина пидерская! Вы все у меня отсосете! Короли дорог вам покажут!..

На что в ответ летело:

— Минетчики! Минетчики дорог! Короли минета! Проваливай, пидовка, к своим пидерским королям!..

Им и еще многим другим удалось разозлить Лынду, не понимавшего, отчего к его персоне проявляется столь повышенное внимание, и он начал подрезать, колотить сапогами в борта машин, а вся трасса сигналила, улюлюкала и оскорбляла его, поэтому рейдер был в бешенстве и гнал, как безумный.

Эрлиг упустил его, не успев вовремя перестроиться, и тащился за фурой до самого поворота на виадук, так что к развязке они опоздали. Расправа была кровавой. Короли дорог не стерпели такого позора. Тело Лынды лежало посреди пустой трассы, толстыми ягодицами вверх. Эрлиг не стал подъезжать очень близко, но и с расстояния ста метров было отлично видно, что в рейдерской туше, засело, по меньшей мере, пуль пятьдесят.

— Ну, ты доволен? — поинтересовался Экстра.

Найк блаженно улыбнулся.

— То, что надо, брат. То, что надо!

— Это было плохое шоу, — сказал вечно недовольный Эрлиг. — Неинтересное шоу. Скучное шоу. Эрлиг покажет вам, что такое настоящее шоу! Эрлиг знает все!

Пистолет.

Эрлиг не зря состоял в клубе Зануд. Он почти разучился улыбаться — смеяться было запрещено клубным уставом. Сначала — штраф, потом — исключение из Зануд. Эрлигу этот клуб был чем-то дорог, и он улыбался крайне редко. Он говорил, что избавил себя от глупой привычки улыбаться каждому встречному-поперечному. Лаки, впрочем, Эрлига другим и не помнил. Но сейчас Эрлиг улыбался. Его мимические мышцы замыкало от непривычных положений, улыбка выходила кривой и немного нервной.

— Что лыбишься? — буркнул Экстра.

Гримаса смеха медленно сползла с квадратного лица.

— Это ты мне сказал?

— Иди лучше помогай!

— Да пошел ты!

Экстра в ярости разбил стул, ударив его об стену. Эрлиг мог довести кого угодно. Неожиданным движением Экстра выхватил из кобуры пистолет и нацелил ствол Эрлигу в грудь.

— Я сказал, иди помогай!

Эрлиг недобро ухмыльнулся.

— Да пошел ты!

— Иди помогай, урод! — не выдержал Найк.

— Да пошел ты! — блокатор снова полез на бильярдный стол.

— Экстра, убей его, ну, пожалуйста! В полиции тебе за это спасибо скажут! — заныл Найк.

— Спасибо в гроб не положишь! А я не нанимался тут все шмонать! — гнул свое Эрлиг. — Понял?

Лаки повернул голову и посмотрел на него. Эрлиг опять улыбался. Это было отвратительно, Лаки едва не вырвало прямо на ковер. С похмелья дико болела голова.

Вот уже второй час все они искали пистолет Эрлига. Все они. Кроме, разумеется, Эрлига.

Если бы не то обстоятельство, что из этого ствола стреляли в пяти уличных драках, все были бы только рады этой пропаже. Тот день, когда Найк подарил ему двенадцатизарядный Т-300,

оказался не самым удачным. Эрлиг не расставался с новой игрушкой ни днем, ни ночью. Он выхватывал его пятью различными способами в разнообразных общественных местах — в клубах, в машинах, в парке детских аттракционов и много где еще. Ему нравился сам процесс выхватывания — он был у Эрлига на грани рефлекса.

В подвале своего коттеджа Эрлиг оборудовал тир и проводил там все свободное время. Обычно он стрелял в собственную фотографию — квадратное лицо с нанесенной сеткой прицела. Когда его спрашивали, зачем он это делает, Эрлиг отвечал, что он убивает в себе чудовище. Но Лаки был уверен, что это чудовище убивает в себе Эрлига.

Так или иначе, пистолет исчез.

Пьянка длилась уже третий день. Все это время пистолет, естественно, был. Он появлялся внезапно, в самые неподходящие моменты, когда пьяному Эрлигу казалось, что кто-то или что-то ему угрожает. В последний раз Эрлига видели с пистолетом в кабинете директора клуба.

Пили не просто так, а по поводу удачного концерта. Пили главный менеджер проекта и руководитель клуба «Затмение», где происходил концерт, пили музыканты из дружественных групп и ребята из групп поддержки, и, конечно же, пила группа «Нет Прощения!» Пила полным составом и больше всех.

На манипуляции с пистолетом никто не обращал внимания, и вот теперь он пропал, и где его искать, было неизвестно.

— Постарайся еще раз вспомнить, куда ты его дел! — попросил Экстра, убирая свой пистолет обратно в кобуру.

— Да пошел ты!

— Козлина! Как же я тебя ненавижу!

— Сам смотри не сдохни! Я — бокор, темный колдун! — Эрлиг бросил в него бильярдным шаром.

— Экстра, я поражаюсь твоему терпению! — с ехидной улыбкой заметил Лаки. — Этот гад члененосит тебя уже два часа, а ты даже в рыло засветить ему не можешь!

— Вот только без драки! — оскалился Экстра. — И так паленый ствол прое…

Эрлиг с удовольствием закончил фразу. Лаки укоризненно поглядел на него.

— Не выражайся в моем кабинете.

— Да пошел ты!..

— Ты ругаешься, как маленький, — устало сказал Экстра, останавливаясь рядом с бильярдным столом. — И вообще, ты ведешь себя, как ребенок. Скольких ты завалил из этого пистолета? Двоих?

— Там было три надсечки, — вспомнил Найк.

— Надо же! — Эрлиг неожиданно утвердился на пятой точке, сверля Найка злобным взглядом.

— Кто бы говорил! Кстати, Найк, ты не хочешь вступить в занудный клуб? Тебя бы взяли! Ты какой-то другой стал в последнее время. Какой-то… — Эрлиг замолчал, подбирая правильное слово.

— Есть такая идиома — «Как в воду опущенный», — подсказал Лаки.

— Тебя в воду опускали, да, Найк? — спросил Эрлиг. — Или не в воду?

— Я уже мечтаю найти этот ствол! — прошипел Найк. — А в твой пидерский клуб я вступать не буду! — крикнул он Эрлигу.

— Найдешь — разбуди меня. — Тот улегся обратно на зеленое сукно, где провел всю ночь и где его с утра обнаружили друзья.

«Эрлиг в яйцах», — сказал тогда Лаки, разглядывая спящего Эрлига в окружении белых шаров, а Эрлиг открыл глаза, привычно потянулся к своей игрушке, но обнаружил, что пистолет исчез — кобура была пустой, как луза…

Экстра рухнул в кресло с таким видом, будто всю ночь его заставляли разгружать вагоны. Лаки и Найк закончили перетряхивать шкаф и развалились в соседних креслах. Целую минуту длилась полная тишина.

— Ну и что, что ствол паленый? — спросил Эрлиг, прикуривая сигарету «Стразз». — Подумаешь, ствол паленый! Может, у меня его украли! Украли и завалили троих!.. Это уже не мои проблемы! — он выплюнул фильтр в сторону Экстры.

— Он прав, — поддержал его Лаки. — Давайте про это просто забудем!

— Я вообще скажу, что первый раз вижу этот ствол, — фантазировал Эрлиг. — Если, конечно, спросят… Я скажу, что мне Найк его подарил! Завалил из него троих — и подарил на День Рождения…

— Можно повесить объявление, — предложил Найк. — Объявление прочитают и ствол тут же тебе вернут!

— Проще заявить в полицию, — сказал Экстра. — Мол, так и так, украден Т-300, федеральный образец, только что со склада…

— Да пошел ты… — лениво протянул Эрлиг. Он уже засыпал.

За дверью послышались шаги. Они медленно приближались, иногда затихая, и тогда слышался удар расслабленного тела об пол, вперемешку с обрывками мата.

— Кажется, кто-то идет! — непонятно почему обрадовался Экстра.

— Да пошел он… — сквозь сон пробормотал Эрлиг и заворочался на зеленом сукне, пытаясь пристроить под голову шар.

Дверь со скрипом открылась и показалась всклокоченная голова Берса, менеджера «Нет Прощения!».

— Можно? — вежливо спросил Берс. Его левый глаз заплыл, а кулаки были сбиты в кровь.

Должно быть, Берс расковырял царапины, и красная струйка пунктиром срывалась по белой штанине костюма — руку он пытался засунуть в карман, чтобы вытащить платок и замотать им рану.

— Черт… Куда-то дел очки… — Берс пошатнулся, но успел привалиться к стене. — Без очков ничего не вижу… А куда все ушли?

— А, это ты! — узнал его Экстра.

— Экстра, это ты? — удивился Берс. — Тебя же забрали в полицию… Или нет? — он посмотрел на Найка и тот пожал плечами.

— Странно, — продолжал Берс, видя, что сумел заинтересовать окружающих. — Странно… Кого же тогда забрали? — тут он вытащил, наконец, свой платок и начал перевязывать кисть. — Вот ведь зараза… Рейдер вонючий…

— Кто рейдер вонючий? — насторожился Найк.

— Кто — кто… Жопа долото! — это словосочетание показалось Берсу смешным и он судорожно рассмеялся.

— Ты пистолета не видел? — хмуро спросил у него Найк, но

Берс уже не слушал. Он медленно погружался в мир образов, навеянный близостью белой горячки.

— Найки, забудь про пистолет. Мы никогда не найдем его. — попросил Экстра. Он почти не мог говорить, так как умудрился сорвать голос, и даже не во время концерта, а прошлой ночью, горланя песни вместе с Эрлигом.

— Я уже забыл, — вздохнул Найк, устраиваясь в кресле поудобнее.

Распятие.

Когда распятие было готово и Эрлиг, отдуваясь, забил в перекладину последний гвоздь, все повернулись и посмотрели на Пижму, того самого рейдера, что однажды порвал Эрлигу плащ. Пижма не реагировал. Он был настолько избит, что напоминал, скорее, мешок с костями. Лаки подошел к неподвижно лежащему телу и пнул его легонько ногой.

— Зря. Надо было не так.

Найк презрительно фыркнул. Он один не принимал участия в подготовке вудуистского обряда, но у него была уважительная причина: Пижма, защищаясь, достал его ножом.

— Все под контролем! — Экстра порылся в кармане плаща и в его ладони оказался шприц.

— Сейчас сделаем ему укол и будет, как новенький.

Экстра сходил с ума, и это было все заметнее и заметнее. Если раньше ему хватало прыжков с парашютом, падений в шахту и драк на бойцовских площадках, за деньги и просто так, то в последнее время он перешел на инъекции адреналина, так что шприц был у него всегда с собой.

Пижму перевернули. Экстра разорвал окровавленный рукав, довольно уверенно вогнал иглу под локтевой сгиб, и Пижма начал проявлять признаки жизни. Во всяком случае, из его рта потекла слюна.

— Дайте ему воды, — попросил Лаки.

Эрлиг наклонился над рейдером, и скорее облил, чем напоил его из фляги. Пижма задышал, открыл глаза. Зрачки почти полностью закрывали радужку.

— Это нечестно! — завопил Эрлиг. — Вы, идиоты! Что вы наделали? Он же ничего не почувствует!

— Боль — это не главное, — успокоил его Экстра.

— Боль — это главное! — вскинулся Эрлиг. — Ты будешь учить меня, как проводить обряды?!

Лаки отошел к машине, забрался в нее. Скоро к нему присоединился Экстра.

— Ты чего? — обеспокоено поинтересовался Экстра, заглядывая ему в глаза. — Лаки? С чего ты решил, что тебе не нравится убивать?

Лаки мрачно поглядел на него.

— Дать бы тебе в рыло…

— Почему ты не отказался сразу? — не слушал его Экстра. — Это же человек! Это даже не эмпи! Может, тебе надо убить эмпи, чтобы избавиться от дурацких комплексов?

— Экстра, замолчи! — Лаки злился все больше, но останавливаться не хотел. — Я не люблю убивать, но я умею это делать. Я могу убить настолько быстро, что ты даже пернуть от страха не успеешь! И если это будет надо, я убью эмпи. Просто мне от этого погано. Я чувствую себя, как в грязи.

Экстра задумчиво поглядел на него.

— Как в грязи? Я бы еще понял, если бы ты не хотел убивать равных себе… Но людей…

— Просто я — хороший, а ты — плохой, вот и все, — объяснил Лаки. — Ты плохой, а я — хороший… Мы же напарники!

Экстра хмыкнул.

— Да и зачем мне убивать, если у нас есть Эрлиг?

Экстра нахмурился.

— Ну, вы идете? — прокричал Эрлиг. — Что вы там застряли?

— Они не оставят тебя, — сказал Экстра. — Трайтор и все остальные. Если ты не будешь убивать. Они будут ломать твою голову, пока не выбьют всю дурь. Идем. Ты сможешь.

— Я не хочу.

— Это твое окончательное решение?

— Да.

— Все равно идем.

Эрлиг успел переодеться в черный балахон, на его шее болтались разнообразные амулеты. Экстра и Лаки подошли к Пижме, и, ухватив за одежду, оторвали его от земли.

— Несите его на перекресток! — прогудел Эрлиг.

— Он тяжелый… Помочь не хочешь? — крикнул ему Лаки.

— Заткнитесь и несите!

— Не спорь с ним. Он — жрец! Бокор! — предупредил Экстра. Лаки засмеялся. Они притащили Пижму на небольшую площадь, образованную перекрестком двух пустых дорог. Вся площадь была уставлена свечами. Внутри их черных пирамид горели огоньки, посреди перекрестка был очерчен круг чем-то белым, и Лаки с ужасом понял, что поганый Эрлиг израсходовал на это весь

кокаин, готовясь к встрече с Темным Папой. В центре круга была вырыта яма под распятие. Эрлиг с дистанционного пульта запустил музыку, и из открытой машины потек сухой ритм маленьких культовых барабанов.

— Они готовы, — Эрлиг выплюнул жвачку. — Они уже здесь!

В правой руке Эрлиг сжимал строительный пистолет, стреляющий скобами. Экстра и Лаки подтащили стонущего Пижму к кресту, бросили на доски. Рейдер выгнулся, почувствовав под спиной острые углы перекрещенных шпал. На это распятие Эрлиг угробил весь день, но оно того стоило.

Экстра встал на колени, приладил правую руку Пижмы к перекладине. Забрал у Эрлига пистолет и выстрелил скобой в запястье лежащего на кресте рейдера. Металл, порвав мышцы и сухожилия, накрепко воткнулся в дерево.

— Красота, — восхитился Эрлиг.

— Кости выдержат? — спросил у него Экстра. — Может, сверху ремнями примотаем?

— Да пошел ты!

Экстра выпрямился, передал инструмент Лаки. На щеке у Экстры засохла царапина — Пижма защищался, как зверь.

Лаки нехотя опустился рядом с распятием. Ему было плохо. Он чувствовал запах ужаса и боли, исходящий от жертвы, и это нервировало его.

— Давай же, — шепнул Экстра. Лаки приставил скобострел к другой руке и нажал на курок.

Пистолет дернулся, Пижма опять застонал.

— Извини, — сказал ему Лаки.

— Он тебя не слышит! — зловеще захохотал бокор. — Эй, Найки! Ты нам нужен!

— Под тяжестью тела вывернет руки из суставов. Здесь и вот здесь, — показал на Пижме Экстра.

Лаки содрогнулся.

— Ты, главное, в обморок не падай. — попросил его Эрлиг. — Эй, Найк! Что ты там возишься?

— А как вы будете прибивать ему ноги? — поинтересовался Экстра. И тут вышел спор. Эрлиг утверждал, что ноги должны быть прибиты рядом. Экстра предлагал прибить одну поверх другой, как и положено по канону. Эрлиг шипел, что этот канон к истинной вере никакого отношения не имеет, и что Экстра может этим каноном подтереться. В итоге они бросили жребий, и выиграл Эрлиг. Схватив пистолет, он пристрелил к столбу правую стопу Пижмы, согнув тому ногу в колене. После чего все четверо озадаченно поскребли затылки и решили перекурить.

— А я говорил, что нужна дополнительная перекладина! —

ехидно захихикал Найк. —

Говорил! Это все ты, обезьяна!.. — он плюнул в сторону Эрлига. Правая рука Найка была примотана к телу, а распоротые артерии — туго перетянуты.

— Дай сюда! — Он покачиваясь, подошел к кресту, споткнулся, ударился коленями об асфальт, но даже не поморщился.

— Ну? И куда, интересно, ее прибивать?

— Сюда, — подсказал Экстра, и положил одну ногу Пижмы поверх другой, как и предлагал с самого начала.

— А мне кажется, надо так, — возразил ему Эрлиг, прислоняя стопу к соседней грани столба. Так было гораздо смешнее. Колени жертвы разошлись в стороны, и у Пижмы был такой вид, будто он приседает с разведенными руками. Найк справился со своей частью не сразу, получилось немного криво.

— Ладно, черт с ним! — махнул рукой Эрлиг. — Не будем переделывать. Ну что, потащили? — ему не терпелось приступить к обряду.

Черная тень терпеливо ждала, она не шевелилась и была заметна лишь ему одному. Демон смерти ждал свою долю. Демону предназначалась жертвенная кровь и предсмертные муки, а душу рейдера Пижмы Эрлиг обещал Темному Папе. Лаки догадывался, для чего он все это делает на самом деле — Эрлиг хотел свободы, как и все они. Свободы от Трайтора…

Дуновение ветра едва не загасило все свечи, но они вспыхнули вновь.

— Он пришел, — прошептал Эрлиг, глядя в темноту за дорогой.

Экстра щелчком выкинул сигарету, поплевал на ладони.

— Ну, с Богом!

Они подняли крест и торжественно понесли его в центр перекрестка. Рокот барабанов плыл над землей. Они донесли крест до ямы, воткнули цоколь в землю, и тело Пижмы с хрустом обвисло.

Когда все было готово, а крест держался, как надо, Эрлиг шепотом попросил друзей покинуть пределы круга. Они отошли к машине. Лаки вытер руки об футболку, подумал — и вообще ее снял.

Экстра залез в машину, вытащил упаковку «Спринта». Лаки открыл банку и сделал пару глотков. Они молча смотрели, как Эрлиг, нараспев читая мантры, прохаживается вокруг столба.

Пижма начинал подавать признаки жизни. Под тяжестью плотного тела скобы рвали его плоть. Рейдер уже задыхался.

— Он вколол ему антишок, — пояснил шепотом Лаки. —

Реаниматор хренов!

— Иначе неинтересно смотреть, — отозвался Найк.

— Да тихо вы! — зашипел на них Экстра.

Крики, полные мучительной боли, повисли в неподвижном воздухе, вплетаясь в кружево рваного ритма ударных. Эрлиг запел громче. Скорее всего, он был уже в трансе, его голос изменился..

— Сюда бы фанфары, — мечтательно прошептал Найк.

— Заткнись!

— Экстра, подойди! — отчетливо проговорил бокор.

— И чтоб ни звука! — Экстра с ненавистью поглядел на товарищей. Он миновал море огоньков и вошел в круг.

В руках у Эрлига неожиданно сверкнул ритуальный нож, которым он наотмашь ударил обалдевшего от неожиданности Экстру.

— Живым нет места в этом круге, — пояснил свои действия Эрлиг. Они перебросились парой фраз.

Потом Экстра вынул еще один шприц, и, разорвав Пижме штанину, уколол его в ногу.

— Что он делает? — Найк, в отличие от Пижмы, боли не испытывал никакой. От потери крови у него в голове весело звенело. Ему требовалось срочно обсудить процесс жертвоприношения, иначе зрелище теряло половину своей прелести.

— Это «Подавление класса А», — охотно пояснил Лаки. — Слушай, а давай залезем в машину!

Найк отпихнул его с дороги и забрался на заднее сидение. Лаки упал на переднее. Они закурили.

— Зачем Пижме «Подавление»? Он же человек!

— Ты не понимаешь. Эрлигу нужно погрузить Пижму в мир чудовищных галлюцинаторных омрачений. Вместе с физическими страданиями это сведет его с ума. Только так Легба сможет получить его душу, и никак иначе.

— Неплохо придумано, — похвалил Найк. — Как ты думаешь, еще долго?

— Уже все. Ты не видишь?

— Все? — разочарованно протянул Найк.

Неожиданно пылевые вихри закрутились на мостовой, а свечи в пирамидках затрепетали. Лаки посмотрел на звезды. В Мертвом квартале ночь была натурального цвета, без малейшей примеси неона. Пустые дома, сумрачные свечи и крест с умирающим на нем человеком создавали настолько мощную картину, что у Лаки запершило в горле от сильных эмоций. Это ошеломляло. Даже Найк проникся величием момента и перестал хлебать свой любимый «Спринт». Барабанная дробь улетала в высоту. Пижма

больше не стонал. Ветер неожиданно усилился, и так же неожиданно Экстра и Эрлиг бросились из круга вон. Лаки вскочил.

— Что там? — встрепенулся Найк. — Что за спешка?

Экстра запрыгнул в салон, захлопнул дверцу. Эрлиг остался снаружи. Ветер со свистом врывался на площадь со всех четырех улиц, огоньки свечей танцевали. Их мерцание казалось дыханием ночи.

Порывы ветра утихли так же внезапно, как и начались.

— Легба забрал его душу, — торжественно произнес Эрлиг, заглядывая в открытое окно. — О Темный Папа…

— Ну ты и тварь! — сказал ему Экстра. — Мог бы и предупредить… — Он скинул плащ и, чертыхаясь, снимал теперь футболку с надписью «Нет Прощения!». Его грудь была порезана довольно сильно.

— Давай, зашивай, чего вылупился? — бросил он Лаки. Тот вздохнул и потянулся за аптечкой. В машине Эрлига было полно запрещенных препаратов, но набор кривых иголок тоже там был, и не один. Экстра откинулся на спинку сидения. Лаки подумал и выбрал один из нескольких шприц-тюбиков с армейской маркировкой.

— Дьявол! — неожиданно выругался Эрлиг, открывая дверцу. — Лаки, нам же вдвоем все это убирать! — он кивнул в направлении мертвого тела. Я так и знал! — Лаки побольнее воткнул иглу, и Экстра заорал.

— Терпи, — сказал ему Лаки. — Пижме было гораздо хуже.

— Лаки, скотина, смотри, что делаешь! — крикнул Экстра. — А ты, бокор хренов, чего хотел? Я просил тебя об этом? — он взглядом указал на свою рану. — Просил?

— Да, Эрлиг, — подхватил Лаки. — Хорошо еще, что машина — твоя, ты ее один будешь отмывать. Смотри, как льется…

— Что там с пистолетом? — спросил Экстра, говоря сквозь зубы. — Ты обещал рассказать…

— Да ничего! В клубе нашли пистолет и отнесли его в полицию. Адвокат сказал, ничего страшного… — Эрлиг оскалился в своей чудовищной улыбке.

— И кто его нашел? — спросил Найк.

— Уборщики, кто! Какая-то сука запихала его в унитаз. И вряд ли это сделал я!

— Нет, пистолет тебе не вернут, — пообещал Найк. — И новый я тебе не подарю. Никогда.

— Да пошел ты!

— Да… Нехорошо получилось с твоим пистолетом… — блаженно прищурился Экстра. Анестезия наконец-то схватилась,

Лаки не сделал и пары стежков.

— Смотри! — Найк схватил Страйка за руку, тот от неожиданности ткнул иголкой, и Экстра взвыл. Все посмотрели на площадь. Черная птица сидела на верхушке распятия, вертя головой.

— Разве вороны ночью летают? — прошептал Лаки.

— Это не ворона, — так же тихо ответил Эрлиг. — Это он. Легба.

Рокот барабанов был едва слышен, сердце колотилось гораздо громче. Лаки остро почувствовал нереальность всего, что его окружало. Это было слишком.

Это была черта.

РИЧИ ТОКАДА — 3

«Экотерру» внесли в список запрещенных организаций, наряду с «Кровавыми Братьями» и «Единым Наркотическим Фронтом» — на следующий день после того, как Лаки сделал нам татуировки. Теперь любая ерунда вроде медосмотра могла привести к смерти. Я не понимал, зачем ему это было надо, он же вел себя, как будто ничего не случилось. Ритка узнала об этих татуировках первой, но Лаки объяснил ей, что сейчас так модно. Между ними вышла непонятная сцена — Ритка упрашивала сделать ей такую же картинку, говорила, что любит его и хочет стать одной из нас. Не знаю, что он на это ответил. Я вышел из дома подышать воздухом. Ненавижу подобные сцены!

Сквозь хаотичные обрывки воспоминаний пробивалось неприятное ощущение недосказанной фразы, и я, уцепившись за это чувство, вернул себя назад во времени, пытаясь вспомнить хоть что-то. И вспомнил. Несмотря на жаркий полдень, мне стало холодно. Как он сказал? Мы живем в последние дни перед концом света? «Экотерра» — это «Чистая Земля»? А вовсе не погромы на птичьем рынке? Что он пытался сказать этим?.. Я впервые задумался над тем, что же такое

«Экотерра» на самом деле. Лаки контролировал меня, я сопоставил свои пробуждения в уютном кресле с последующим пересмотром собственных взглядов и понял одно: нельзя меняться так быстро.

Нельзя из пугливого брэдмена за какой-то месяц превратиться в блокатора с холодными глазами Доброго Героя. Нельзя.

Без соответствующей программы.

Мне было о чем подумать. Я бесцельно побрел по улице. Дорога спускалась вниз, справа и слева тянулись древние стены, сложенные из каменных блоков. Интересно, как назывался этот город до того, как его поглотил гигаполис Стад-Рей? Ведь как-то же назывался… Может, он выдерживал штурмы и осады, и по этой самой мостовой лилась кровь, но теперь старый город утратил свою душу, просто став частью чего-то другого. Я представил, что вокруг, вместо аккуратных одинаковых газонов, простирается радиоактивная пустыня, а вдали мерцает силовой купол, и на фоне его сияния высятся обломки ратуши с пустыми проемами окон, и что-то в этом было, что-то зловещее и прекрасное одновременно.

Мне захотелось пить и я зашел в кафе, где неожиданно наткнулся на Кула.

— Ричи! — взревел он. — Ты уже ходишь? Я слышал, ты мочишься в штаны с тех пор, как тебя накачали разными таблетками? Ну-ка иди сюда, детка!

От неожиданности я растерялся и не знал, что делать. Лаки не было рядом, и на секунду я вспомнил все прежние страхи. Но потом вдруг пришло ощущение ветра в ладонях и я, испугав самого себя, спросил:

— Кул, а ты прыгал с парашютом?

— Чего? — он был один, без компании своих подонков, и выпендривался не так, как обычно.

— С парашютом, — повторил я. — Не с параши, как тебе, скорее всего, послышалось, с параши ты прыгал и не раз, иначе бы от тебя так не воняло… А с парашютом?..

У него побагровело лицо, но меня уже понесло. Я уселся напротив него и принялся доводить Кула, невзирая на спазмы ужаса в центре живота.

— Посмотри на себя, Кульчик. Ты не эмпи, ты — вонючая человекоподобная обезьяна. Ты похож на кучу собачьего дерьма! Ты когда умывался в последний раз, а, козлина? Козлиный урод! Ты — дешевка, понял? Рядом с тобой даже неприятно находиться, не то, что говорить…

Кул сначала ничего не понимал, и только хлопал своими водянистыми глазами, а потом, когда понял, перевернул на меня стол, и мы покатились по полу, молотя друг друга кулаками. Лаки заставлял меня отжиматься не зря. Я едва не придушил его.

— Я тебя урою, — хрипел Кул, исходя слюной. — Тебе конец!..

Осознав, что задушить его вряд ли удастся, я начал колотить его головой об пол, но тут нас растащили. Хозяин заведения не стал разбираться, кто из нас разбил больше тарелок, просто выписал счет и сказал, что если я не оплачу его, то он вызовет копов. Я спросил, почему к Кулу нет никаких претензий, хоть это он первый напал на меня.

— Оплати счет, сынок, — повторил хозяин. — Или я вызову копов.

Счет был не особенно большой, денег мне хватило. К тому же воспоминание о татуировке отбило всякое желание препираться. Но все равно я чувствовал себя героем, ведь мне удалось побороть собственный страх.

Лаки, выслушав мою историю, вовсе не обрадовался и не похвалил меня.

— Ричи, ты кретин и идиот, извини, что мне приходится применять к тебе эти термины. Ты мудак!

Кажется, он действительно разозлился.

— Но он первый… — заскулил я.

— Ему можно!

— Почему?!

У Лаки затвердели скулы. Он ткнул меня пальцем в грудь.

— Потому! Понял? Попади ты к копам, нас с Риткой нахватили бы прямо здесь, по твоему адресу! Ты идиот, если не думаешь о таких вещах! Тебе плевать на собственную стаю!.. То, что ты устроил драку в людном месте, еще не значит, что ты — крутой!..

— Но у меня не было выбора… — защищался я, хотя и понимал, что он прав.

— Выбор есть всегда, — сказал Лаки. — Ты мог бы просто уйти.

— И он бы решил, что я струсил!..

— И что? Тебе было не подождать до школы? Если ты не научишься думать, то станешь такой же тупорылой козлиной, как и твой драгоценный Кул! — он включил на пульте кнопку громкости, и стало слышно, как по визору опять обсуждают «Экотерру».

— Извини, — вздохнул я. — Я действительно кретин.

— Ладно, расслабься… — Лаки протянул мне зажженную сигарету «Стразз».

— Покури и успокойся. Когда-то я был таким же. Это потом пройдет.

Из ванной вышла сияющая Ритка. Она прыгнула на колени к Лаки и прижалась к нему; и мы все вместе смотрели передачу про экологический терроризм, пока она не сказала:

— Ричи, смотри! — и развернула полотенце.

— О, нет! — выкрикнул я, увидев такую же татуировку, как у меня и Лаки. — О, дьявол!.. Зачем?!

— Ритка одна из нас, — непререкаемым тоном заявил Страйк. — Разве ты против? Она сможет нам помочь.

— А если…

— Что если? — он пристально поглядел мне в глаза. Ритка вцепилась в него покрепче.

— Да и черт с вами! — крикнул я. — Давайте всей школой теперь сделаем такие татуировки!

— То, что ты носишь на своей груди, напротив сердца, это всего лишь символ. «Экотерра» начинается отсюда, — он постучал себя по лбу. — Ты уделяешь слишком большое внимание ерунде. Ритка не дерется с Кулом среди бела дня в людных местах. И теперь, когда ей не раздеться перед посторонними, она ни с кем не будет нам изменять…

— А давай на ней женимся! — буркнул я, и он зашелся от

смеха.

На следующий день нам все же пришлось отправиться в лицей, и первым делом мы посетили кабинет директора. Хоть мы были и не виноваты в том, что угодили в больницу, директор говорил с нами довольно жестко. Но это ничего не значило — учитывая сложившиеся обстоятельства, ему все равно пришлось допустить нас до экзаменов, проставив многие зачеты автоматом.

— Кажется, федералы тебя списали, — обрадовал меня Лаки, когда мы вышли в коридор.

— Списали? — не понял я.

— Ну, забраковали. Нейролептический шок в юном возрасте мешает становлению специализации, и ты вряд ли попадешь в федеральную разработку.

— А ты?

— И я тоже. Мне никак не удается дотянуть до выпускных уже второй год подряд.

— В прошлый раз было что-то подобное? — спросил я. — У тебя два шрама на груди. Это от пуль?

— Ну, да… — беззаботно отозвался он.

— Ну, не хочешь говорить…

— Да тут говорить-то не о чем! — засмеялся он. — Вот я возьму пистолет, пальну в тебя пару раз, и у тебя будут такие же точно шрамы! О чем тут говорить?

— Тебя из-за этого перевели в Двойку, да? — не удержался я. Мне давно хотелось узнать про него хоть что-нибудь. Но он перевел разговор на другую тему.

— Я уверен, что мы сдадим экзамены без проблем. Мы им больше не нужны… Определенный процент таких, как мы, всегда отсеивается в процессе обучения, это же система!

Я хотел сказать, что мне плевать, как я сдам эти экзамены, но тут мы вышли из здания на крыльцо, где, обступив магнитофон, тусовались приятели Кула, и эти псы снова слушали «Нет Прощения!».

«…За окном
Все укрыто белым полотном.
Лети
К себе
На волю
По заснеженному полю.
Мне почти не холодно,
И не умереть от боли,
Я под контролем.
Время смерти — зима, время смерти — зима..

— повторял гипнотический голос Ирчи Эстерры по прозвищу «Экстра», —

«Время смерти — зима…»

— Привет, козлина! — сказал Лаки, вступая в круг. — Я вижу, ты все тот же Кул, все тот же педрило Кул, твою мать!.. — он, широко улыбаясь, хлопнул Кула по плечу, и тот пошатнулся.

— Привет, педики! — поздоровался Лаки с остальными. — Быстро выключить музыку!

Никто не спешил следовать его указаниям, и Лаки пинком ноги отправил магнитофон вниз по ступеням. Тут нас схватили за руки. Я рванулся, но взгляд Лаки был настолько красноречив, что я остановился. Я ничего не понимал. Неужели нам достанется и во второй раз?.. И тут что-то случилось. Они не стали нас бить, кулаки, занесенные для удара, разжались. Я услышал, как Кул скрипит зубами. И посмотрел вверх. Директор лицея глядел на нас из открытого окна на втором этаже, прямо над крыльцом, и барабанил пальцами по металлопластиковой раме.

— Ты за это ответишь, — пообещал Кул, свирепо глядя на Лаки. Тот даже не стал разговаривать с ним, ограничившись высокомерным взглядом. И мы ушли.

Все экзамены, а именно — «теорию ментального воздействия», «психическое подавление» и «лингвоструктуры» я сдал на «отлично», и до сих пор не понимаю, мне поставили высший балл из жалости, или я действительно все знал. Но красного диплома мне не дали, так как из больницы, где я лежал, пришла бумага, что медосмотр мне не пройти никогда: «Обширная гематома в правом полушарии исключает ментальное взаимодействие категории «альфа» и ограничивает возможности личностного подавления до десятого уровня включительно…» и так далее, и это был приговор. В графе «Федеральная разработка» стояло «отказать». Вот так.

Дипломы нам вручали в актовом зале. Мне пришлось купить себе новый костюм, но Лаки сказал, что скоро мою карточку аннулируют, поэтому разумнее будет потратить все деньги, которые пока у меня есть. Так что я купил кучу всякой ерунды, в том числе и новое платье для нашей девушки.

Лаки приперся в джинсах и футболке, словно все эти костюмы были не для него. На Ритке было платье из черного синтетического материала, в мерцающей глубине которого вспыхивали созвездия, взгляд словно затягивало в бездну. Кул

скривил физиономию, когда мы вошли втроем, держась за руки, и я слышал, как он шептался со своими идиотами всю церемонию. А когда нас отпустили на «последнюю большую перемену в нашей жизни», как сказала Мымра, он подошел к Ритке, стоявшей у окна, и начал к ней приставать. Лаки, увидев это, подскочил, отбросил его руку, и шум в коридоре затих. Я встал рядом с Лаки.

— Ритка наша, — сказал Лаки. Он говорил тихо, но разговоры вокруг начали замирать, так как всем было интересно, чем это закончится. — Она моя и Ричи. И больше ничья. Ты понял меня?

— Она модель! — выкрикнул Кул. — Да здесь все с ней спали… Что, не так?! — он прошелся взглядом по толпе, ожидая поддержки, но никто ничего не сказал.

— Ты не будешь даже смотреть в ее сторону, — продолжал Лаки. — Ты понял, урод? Она не изменяет ни мне, ни Ричи. Она — порядочная женщина. И не лезь в наши дела. Даже близко к ней не подходи, или я убью тебя! Все!

Ритка глядела на Лаки, как на божество, и слезы благодарности катились по ее щекам. Он обнял ее, она взяла меня за руку, и мы вернулись в зал.

После перерыва нам сообщили, что выпускной бал начнется в девять вечера и будет длиться всю ночь, что разрешается курить запрещенные сигареты и пить алкоголь крепче семнадцати градусов, и что на всякий случай на улице будет стоять машина «скорой помощи», так как молодые эмпи — крайне агрессивные особи (это явно относилось к Кулу, который послушно покраснел), и ограничивать свободу никто не собирается. Администрация знала, что это последний свободный вечер для тех, кто попадает в федеральную разработку, а таких было процентов девяносто, и нам разрешили все. Тем более, что в шести специализациях был побит рекорд красных дипломов по сравнению с выпуском прошлого года, на целых две штуки. Мымра молола что-то еще, Мымра вообще любила поговорить на абстрактные темы, но что конкретно она говорила, я совершенно не запомнил, как почти не запомнил и сам выпускной бал — последующие события развивались настолько стремительно, что произошедшее перед этим просто стерлось из моей памяти, как ничего не значащие эпизоды.

— А теперь послушай меня! — сказал Лаки, усаживаясь напротив и делая музыку тише. — И ты, Ритка, тоже!

— А я успею накраситься? — донеслось из ванны.

— Иди сюда!

— Я голая…

— Так одевайся!

— Что-то случилось? — встревожился я. Страйк был бледнее смерти, его глаза отражали слишком много света. Это испугало меня, ведь еще пять минут назад с ним было все в порядке.

— Что-то случилось? — повторил я. Из ванны выскочила Ритка, подбежала к нему с тем же вопросом.

— Ричи, Ритка… — он серьезно смотрел то на нее, то на меня. — Сегодня ночью мы проберемся на водоочистительный комбинат и взорвем его.

— Чего? — спросили мы хором, переглядываясь, и я увидел, что у Ритки отвисла челюсть.

— Комбинат называется «Истоки». Ричи, принеси консоль.

Мысленно матерясь, я пошел за консолью. Поведение Лаки не могло не тревожить. Когда я вернулся, Ритка что-то говорила ему шепотом, но, судя по отсутствующему виду, он вряд ли понимал ее. Я включил консоль, Лаки тут же вывел карту.

— На границе между Единицей и Двойкой находится водоочистительный комбинат, — начал он. — Вот это место.

— Довольно сраное место, — заметил я, разглядывая увеличенный объект, вертевшийся и так и эдак.

— Его задача — фильтровать воду. Но не выходящую из Единицы, как об этом принято говорить, а наоборот, текущую туда. Это означает одно: как только они достроят купол, «Истоки» запустят на полную мощность. Вы ведь понимаете, что это означает?

— Что? — спросила Ритка. Я промолчал. Гораздо больше всяких слов меня беспокоили его глаза.

Они начинали светиться.

— То, что вода будет заражена, везде, кроме Единицы… Сегодня в новостях передавали, что «Истоки» выводятся на второй уровень мощности. А когда запустят купол, мощность возрастет до первого уровня. А первый уровень — это фильтрация радиоактивных отходов. По сообщениям в прессе можно вести дневник конца света, честное слово!..

— И ты предлагаешь… — я не договорил.

— Да, предлагаю. — Лаки глубоко вздохнул. — Я предлагаю заложить взрывчатку, отъехать на безопасное расстояние и устроить террористический акт.

— Так… — протянул я. Сердце билось где-то в горле. — И когда?

— Сразу же после выпускного бала.

— А мы переоденемся? — тут же спросила Ритка. — Просто я пойду на каблуках, и будет не очень удобно…

— Естественно! — фыркнул Лаки. — И переоденемся, и возьмем оружие со взрывчаткой, и уничтожим то, что стоит

уничтожить. Потому что есть вероятность того, что мы не вернемся.

Он замолчал.

— Как мы туда проникнем? — спросил я.

— Я знаю дорогу.

— Ты там уже был?

— Один раз. Периметр не охраняется, во всяком случае — явно. Территория вокруг объекта сильно заброшена. Закладывать взрывчатку буду я. Ваша задача — прикрывать меня.

— И где эта взрывчатка?

Я все еще думал, что Лаки шутит. Ну откуда у него взрывчатка? Ведь мы избавились от всего оружия…

Лаки поднял за ремень довольно тяжелую сумку, стоявшую под его стулом, и водрузил ее на стол.

— Здесь два автоматических пистолета системы «апостол», из Содружества, между прочим, и десять «блинчиков» туаканского производства. Кстати, в Туакане, судя по слухам, недавно началась война.

— Ядерная? — спросила Ритка.

— Пока гражданская. Туакана в изоляции, ее даже приемник не ловит.

Туаканой назывался соседний гигаполис, чуть меньший по численности, чем Стад-Рей — на два или три миллиона жителей.

— Говорят, они запустили купол, — закончил Лаки.

Неотвратимость катастрофы повисла в воздухе, как распыленный психотропный газ, вызывающий панику. Я даже не спорил. Я знал, что мы просто обязаны спасти свою расу. И если не всю, так хотя бы часть. Высший инстинкт не только запрещал убивать себе подобных, он не вызывал даже тени сомнений относительно смерти ради своего вида. Федеральные программы сделали невозможным размножение эмпи в естественной среде, и Высший инстинкт был единственным шансом нашего вида сохранить себя. У меня, стоило мне задуматься над этим, возник естественный вопрос:

— Даже если мы возьмем Единицу и запустим купол, как мы восстановим численность вида?

— Ричи, не будь кретином, — попросил меня Лаки. — Генные лаборатории достанутся нам. И мы сможем даже выбрать ребенка для нашей женщины.

— У нее же нет материнского инстинкта! — засмеялся я.

— Ты уверен? — холодно спросила Ритка.

— Нет, но…

— Вот и заткнись!

— Терракт на «Истоках» отсрочит запуск купола, и у нас,

эмпи, появится шанс. — Лаки встал, менторским жестом уперся кулаками в стол, нависая над нами.

— Вы готовы?

— Да, — сказал я.

— Готовы, — подтвердила Ритка

— Ритка, пересядь, пожалуйста, в это мягкое кресло, — попросил Лаки. — Ты слишком напряжена… Ричи, сотри всю информацию.

Он указал глазами сначала на консоль, потом — на дверь, и мне пришлось уйти, хотя я очень хотел посмотреть, как работает оператор ментального воздействия, ведь именно это и было, скорее всего, истинной специализацией Лаки.

Около девяти вечера мы, счастливые и веселые, вывалились из взятой на прокат машины и, войдя в лицейский холл, остановились напротив зеркала. Близость развязки обострила мои ощущения. Я запомнил навсегда то, что отражалось внутри — раскрасневшуюся Ритку, подправлявшую и без того безупречный макияж, Лаки в серой куртке, черных очках и начищенных до блеска хаках, но при этом — со спутанной гривой светлых волос, падавших ему на лицо, и себя самого; то, что я видел, мне безумно нравилось, ведь у меня теперь были глаза Доброго Героя — такие же черные, холодные и опасные.

Ритка взяла нас под руки и мы отправились наверх, в актовый зал. Все здесь было совершенно иначе, чем на выдаче дипломов. Ряды стульев исчезли, вдоль стен стояли накрытые столы. На сцене играла живая музыка, а по центру зала расхаживали наши товарищи, половину из которых я уже и не помню по именам. На нас они поглядывали очень странно, но нам было на это наплевать. Вечер прошел спокойно. Мы ели, пили, по очереди танцевали с нашей дамой, и даже Кул умудрился не испортить этот праздник, держась на расстоянии. В общем, время пролетело незаметно.

В двенадцать ночи мы незаметно ушли. Всю дорогу назад я думал, что Ритка наверняка будет нам мешать, и даже накручивал себя по этому поводу, но она была совершенно спокойна. Лаки что-то с ней сделал, Ритка двигалась автоматически. Она танцевала, пила и говорила, как автомат, и я подумал, что, если придет такое время, с тем же автоматизмом она нажмет на спусковой крючок.

Предстоящей акции я боялся так же, как и раньше, но привкус у этого страха был совершенно другим. Я хотел убивать, и мне нравилось это делать. Мне действительно это нравилось, У нас не было такой специализации, но Лаки рассказывал про блокаторов — убийц по зову крови, и, кажется, я был таким же,

как они.

Приехав домой, мы первым делом занялись любовью с Риткой, а в два двадцать, переодевшись, снова залезли в машину и помчались по федеральной трассе в направлении Единицы. Спутники слежения висели прямо над нами, но Лаки это ничуть не смущало. Он уверенно проехал двести километров, дважды луч со спутника определял номер и параметры нашей машины, и на долю секунды у нас отказывала электроника, а потом мы свернули на северо-западную магистраль, огибавшую Единицу вдоль коллектора, от чего ее называли еще «коллекторной трассой». С одной стороны тянулся кишечник толстенных труб, высотой с двухэтажный дом, с другой шла полоса лесонасаждений. Мы подъехали, выключив фары, как можно ближе к комбинату и вышли из машины. Лаки раздал нам оружие, обоймы, повесил на плечо спортивную сумку и жестом показал, чтобы мы раскатали свои маски-шапочки и шли за ним. Еще дома мы договорились, что будем соблюдать полное молчание, объясняясь лишь знаками.

Комбинат «Истоки» оказался незаконченной стройкой. С одной стороны к нему подключался коллектор, с другой темнел примерно километровый бассейн водосборника, перегороженный шлюзами, а за слоями железных створов начиналась река, уходящая в лес. Периметр захламленной территории, больше напоминающий свалку промышленных отходов, был оплетен колючей проволокой, и здесь даже висело несколько тусклых фонарей. Лаки дошел до заграждения, вынул из кармана разгрузки кусачки и быстро вырезал ими небольшую дыру, куда мы и пролезли все по очереди.

Прячась за кучами искореженного железа, короткими перебежками, меньше чем за десять минут мы подобрались к уродливой громадине «Истоков» и остановились перед последним рывком.

Все было тихо. Лаки посмотрел на меня, его глаза светились гораздо ярче. Я указал ему на это, он махнул рукой. Мы подняли головы и взглянули на пустые оконные проемы. Все стекла были выбиты, и подобное запустение начинало действовать на нервы. Со стороны водосборника потянуло свежестью, без всякой примеси тины. «Истоки» действительно работали на всю катушку, в воздухе не висело и следа той затхлости, что обычно сопровождает большие объемы застоявшейся воды. Лаки указал на нужное нам окно. Я подбежал к стене, уперся ладонями в колени. Лаки, запрыгнув мне на спину, залез в проем, куда втащил сначала Ритку, а потом и меня. Оказавшись внутри, мы оглянулись. Ритка сняла свой пистолет с предохранителя, как

если бы всю жизнь только этим и занималась. Она действовала максимально четко. Я последовал ее примеру. Мы миновали коридор без каких-либо затруднений, здесь действительно никого не было. Лаки открыл дверь, я прыгнул вперед, водя стволом из стороны в сторону, и понял, что вокруг — огромное пространство, наполненное гудением гигантских агрегатов, фильтрующих воду, которые нам и предстояло, наверное, взорвать. Но здесь не было ни одного окна, а тусклый свет падал откуда-то сверху.

Мне стало не по себе от вида этих мегаломанических чудовищных насосов, я даже не мог себе представить, что воду фильтрует столь допотопная техника. Мы пошли вдоль одного из монстров, периодически издающего тоскливые протяжные звуки, рождающие очень неприятное эхо. Лаки, шедший сразу за Риткой, вынул из сумки блинчик и прицепил его к какому-то щиту с лампочками и надписью «пульт УСВ». Металлические стенки покрывали капельки воды, но блинчик прилип.

Мы дошли до конца сливной установки, и за ней была дверь пожарной лестницы под номером три. Ритка обернулась к нам, ожидая от Лаки подтверждения. Лаки кивнул, она стала подниматься.

Лестница вела снаружи стены. Мы забрались на один уровень вверх, но дверь открывать не стали, чтобы не шуметь лишний раз, а залезли в пустую оконную раму. Скорее всего, учитывая примитивную электронику, на «Истоках» работала ночная смена, но нам пока никто не повстречался. Лаки выглядел угрожающе, его глаза сияли кольцами радужки. Так, подумал я, внутренне содрогаясь, Лаки может перекинуться прямо сейчас, Ритка — подконтрольный зомби…

Ричи, что ты делаешь здесь, с этими психами?.. Но потом мое внимание полностью поглотило помещение, в которое мы проникли через незапертую железную дверь с дактилоскопическим замком и четырьмя засовами. В продолговатой комнате без единого окна тускло горели лампы дневного света, мигающими вспышками освещая пустоту заброшенного пространства, а на полу чернели пятна от стоящих там когда-то агрегатов. На двери была табличка «цех № 7». Я впервые почувствовал неуверенность. Что-то было здесь не так. Лаки тронул меня за плечо. Он был встревожен не меньше меня.

«Валим отсюда!» — показал Лаки. — «Сначала ты, потом я, потом — она.». Мы отправились назад в указанном порядке. Снова прошли по машинному залу мимо сливных и фильтрующих аппаратов, достигли выхода в коридор, я проскользнул в полуоткрытую дверь, успел сделать шаг в сторону, освобождая место идущим следом — и мне в глаза ударил яркий луч.

Реакция Ритки была самой совершенной — она первая начала стрелять, пока я хлопал в панике глазами.

— Сзади! — послышался крик Лаки.

Тут я вспомнил, что он безоружен и кинулся обратно в цех. Ритка прикрывала наше отступление, а я даже не понимал, что происходит. Огромный зал наполнился нестерпимо ярким светом. Мы стояли лицом к лицу с целой толпой парней в форме федеральных войск. Это было так неожиданно, что я даже не успел испугаться.

— Бросить оружие! — услышал я приказ. — И лечь на пол! Считаю до трех!

— Огонь! — еле слышно скомандовал Лаки.

Тут же мы начали стрелять. Я ожидал, что пули пробьют мое тело, но этого не было. Сначала ударило по глазам, и в голове разорвалась световая бомба. Я знаю, что я стрелял даже тогда, совершенно ослепнув от взрыва шоковой гранаты, а рядом со мной стреляла Ритка, только длилось это не очень долго. Цепенящие волны, одна за другой, сковывали мои движения, мои мысли, я падал в черный колодец, проваливаясь в бездну шока, упорно продолжая стрелять, а может, мне только так казалось, что я стреляю, может, это просто колотилось взбесившееся сердце. А потом со всех сторон обрушилась ночь, но я так и не понял, что у меня закончилось раньше, патроны или воздух.

ЛАКИ СТРАЙК — 3

Эль.

Тряска закончилась, и Найк облегченно простонал. Остальные с ненавистью глядели на него, закрывая лица воротниками — Найк всю дорогу блевал, и не всегда — в пакет. Еще он наблевал на Эрлига, и тот разбил ему нос.

В закрытом кузове небольшого армейского «рейса» было тесно, душно, а главное — жарко, сидения вдоль бортов оказались на редкость неудобными, и Лаки отбил себе всю задницу, подскакивая вместе с машиной на ухабах серпантина. Если всю Вторую черту они миновали в относительном комфорте, внутри нормального туакановского трафика, то здесь, в Тройке, сразу же начались проблемы.

Сначала нажрался Найк, неизвестно с кем и неизвестно как. Он вышел в туалет из автовокзала, где они ждали транспорт, всего на пару минут, а вернулся уже полностью невменяемым. Лаки подозревал, что Найк вез бухло с собой, но Экстра с Эрлигом выходили его искать и видели двух привокзальных алкашей, ползавших рядом с туалетом. Потом приехал «рейс» — худшее, что можно только придумать для путешествия по горной местности и раздолбанным трассам Тройки. Военные машины всегда отличались минимальными удобствами, но зато кузов оказался совершенно герметичным, и, если бы не тусклая лампочка, у Эр-лига, скорее всего, началась бы клаустрофобия.

За рулем оказался Бэни, что также не прибавило веселья. Найка, раскачав, забросили в кузов, где он проблевался в первый раз, и очень недовольный Экстра потребовал, чтобы его посадили в кабину. На это Бэни сказал, что Трайтор ему подобных инструкций не давал, и что Экстре придется ехать в кузове, вместе со всеми. Сунул в руки обалдевшего Экстры полиэтиленовый пакет и добавил, что Трайтор велел шевелиться.

Экстре пришлось лезть в кузов под злобное хихиканье Эрлига, и всю дорогу Найк блевал, так что под конец второго часа изуверской тряски Лаки сдерживал себя изо всех сил, не желая к нему присоединяться. Потом они остановились. Бэни распахнул створки кузова, и одуревший Лаки увидел Трайтора.

Трайтор совсем не изменился за последние полгода, он даже был одет точно так же, как и во время их последней встречи — в спортивный костюм, высокие ботинки и черные горнолыжные очки, которые он никогда не снимал. Пластиковое удостоверение

инструктора по лыжной подготовке болталось у него на шее, серебристо-белые волосы топорщились над клетчатой повязкой вокруг головы.

— Добро пожаловать на Базу, — широко улыбнулся Трайтор, глядя на заблеванный кузов, а Бэни захохотал.

База в Гранитных скалах считалась одним из элитных горнолыжных курортов, и все эти парни, лихо проходящие склоны, в большинстве своем были эмпи со специализацией «боевая блокада».

Здесь их тренировали как физически, так и ментально, накачивая всевозможными программами, отсюда они уезжали в рейды, и иногда возвращались назад.

— Отдыхайте, — сказал Трайтор, когда Бэни, наконец, нашел ключи от номера и открыл дверь.

— До встречи через неделю. — И это означало, что они действительно не увидят своего шефа целую неделю, он давал им время на психологическую адаптацию перед программированием.

Экстра, проводив его недобрым взглядом, начал распаковывать сумку. В их распоряжении был один из лучших номеров отеля, огромное помещение необычной формы с четырьмя кроватями в самых неожиданных местах и кухонным блоком посередине. Экстра выбрал себе место рядом с оранжереей, бросил зубную щетку рядом с небольшим каменным фонтанчиком и вышел на балкон. За зелеными лугами начинался склон — отель стоял у подножья ослепительно белых снегов, и все это было накрыто небом, как мороженое — перевернутой фарфоровой тарелкой. Эрлиг забился в угол и принялся собирать и разбирать пистолет, успокаивая нервы после утомительной дороги. Найка бросили неподалеку от ванны, потому что возник спор, стоит ли положить его в воду, или же сначала ванной воспользуются живые. Выиграл Лаки, и долго оттирал въевшийся запах запертого кузова.

Когда он переоделся в чистые вещи и вернулся обратно, Эрлиг вовсю дурачился, наставляя пистолет то на Экстру, то на храпящего Найка.

— Что ты делаешь? — поинтересовался Лаки, пятерней зачесывая назад спутанные пряди темных от воды волос.

— Да вот, решил завалить эмпи, не знаю, с кого начать. Выбираю. — Блокатор прищурился, прицелившись в Лаки.

— Его надо вывести на прогулку, — предложил Экстра. — Иначе он взорвется.

— Скажи ему, чтобы он не злил меня, — попросил Эрлиг у Лаки, взводя курок. — Скажи это прямо сейчас!

— Косишь под Трайтора? — язвительно поинтересовался

Лаки. — Тебе глаза не жмут?

Экстра захохотал. Эрлиг быстро приставил ствол ко лбу Лаки и нажал на курок. Щелкнул механизм, но выстрела не последовало.

— Что, переклинило патрон? — спросил Лаки. — Ладно, вы как хотите, а я пойду, выпью чего-нибудь этакого. А то и покурю.

— Да пошел ты! — оскалился Эрлиг.

Лаки развернулся и вышел из номера.

В баре легально продавалось почти все, исключая калечащие виды наркотиков. Лаки расписался в карте посетителей, спросил пачку «Стразза» и сто пятьдесят грамм «Муртази», после чего, в ожидании заказа, начал разглядывать окружающих. Кроме него, в небольшом баре находилась компания эмпи с нашивками блокаторов, парочка моделей и несколько людей, предпочитавших держаться отдельно. Здесь, на Базе, не было никакого расизма, но люди не общались с эмпи все равно, из каких-то своих, сугубо человеческих, принципов.

— Ваш заказ, — сказал бармен. Лаки повернулся к стойке, чтобы прикурить сигарету, и в зеркале над рядами бутылок увидел входящего Трайтора. Тот сделал вид, что не заметил его. Лаки поморщился. Ему не хотелось лишний раз даже напоминать себе о том, что на свете существует Трайтор, тем более сейчас, когда они недавно разговаривали. Но рядом с шефом находилось очень странное существо, и Лаки выбрал повернуться к ним лицом.

Трайтор по-прежнему игнорировал его, более того — он был недоволен, и, кажется, собирался уходить. Подросток женского пола с черными волосами, падающими на бледное лицо, просверлил Лаки гипнотическим взглядом, и тот, к своему удивлению, почувствовал дрожь эфира. Трайтор перехватил его взгляд, обнял девчонку за плечи и быстренько увел.

— Это что еще за педофильские замашки… — пробормотал Лаки. Затем повернулся к бармену:

— Это кто?

— Эта девчонка? Новая протеже нашего шефа. Ничего особенного. Моделью ей никогда не стать, данные не те… Не знаю, зачем он ее сюда притащил. Целую операцию провернул, чтобы ее заполучить, и знаешь, откуда она?

— Откуда? — хмуро спросил Лаки. Что-то не давало ему покоя, но что — он пока не понимал.

— Из Четверки. — И бармен хитро поглядел на него.

— Из Четверки… — повторил Лаки, и неожиданно до него дошел весь смысл сказанных слов.

— Откуда?! — выдохнул он.

— Ты все правильно понял, — подтвердил бармен, а глумливое выражение его добродушного лица лучше всяких слов говорило о том, что у Трайтора совсем поехала крыша.

В Четвертой черте не было никаких генетических программ, там жили одни только люди.

— Она — человек? — не поверил Лаки.

— Вот именно, — бармен, многозначительно поджав губы, покачивался с носков на пятки. —

Старик, должно быть, устал от моделей, вот и притащил сюда эту… Дьявол, как же ее назвать? На шлюшку вроде не тянет…

— И давно она здесь?

— Никто не знает, — пожал плечами бармен. И, воровато оглянувшись, перегнулся через стойку. Лаки наклонил к нему свое ухо.

— Но говорят, — зашептал бармен, — что она однажды уже убегала.

— Откуда? — не понял Лаки. — С Базы?

— Вот именно.

— Это невозможно, — нахмурился Лаки.

Бармен развел руками.

— А я здесь при чем? Что знал, то и сказал.

Лаки забарабанил пальцами по стойке.

— Это невозможно, — повторил он больше для себя.

Бармен отошел, насвистывая непонятную мелодию, и тут компания эмпи разразилась веселыми криками. В бар пришли Экстра и Эрлиг.

— Привет! — кричали им блокаторы. — Когда играете?.. «Нет Прощения!». Вы давно приехали?

Эрлиг тут же полез к ним, размахивая пистолетом, и обрушился на колени сидящих, сдвинув при этом стол, и его сначала сбросили на пол, а потом достали обратно и начали накачивать коньяком. Экстра ограничился тем, что помахал всем рукой и присоединился к Лаки.

— Угадай, кого я сейчас встретил? — быстро спросил он.

— Трайтора? — угадал Лаки.

— Ты тоже его видел?

— И ее. Она — человек.

— Да не может быть! Брат, ты бредишь!

— Она из Четверки, Экстра отвернулся, созерцая ряды бутылок, его орлиный профиль резко выделялся в ореоле рассеянного света. Потом так же медленно повернулся, и Лаки вздрогнул от неожиданности, заметив тонкую серебряную полоску вокруг зрачков в глазах своего друга.

— Экстра, ты чего? — встревожился Лаки, быстро

оглядываясь по сторонам. — Стоп! Что с тобой?

— Я устал, — признался Экстра. — Хочу нажраться, а потом — скатиться с горы. Ты со мной?

— С тобой. Съедем на Эрлиге.

— Да здравствует Темный Папа! — ревел Эрлиг. — Да чтоб мы все сгорели в Аду… Ад-ский э-мис-сар!.. Ад-ский э-мис-сар!..

— Слышишь, он зовет тебя? — засмеялся Лаки. — Иди, напугай их всех своими глазами.

Скажи, что перекинешься на спор.

— Она не человек, — обаятельно улыбнулся Экстра.

И, спрыгнув с высокого стула, направился к галдящим блокаторам.

— Я не понимаю, какой смысл в шумных развлечениях, если можно шуметь?! — возмущался изрядно пьяный Эрлиг. — Где справедливость, где рациональное зерно, где все это?! Где копы, Легба меня забери?!

— Брат, ты настолько плохо отдохнул? — кричали его приятели. — Ты, должно быть, сидел в федеральной тюряге? Или все время пролежал в коме? Или тебя держали в плену похотливые извращенцы?..

— А вот и нет! А вот и нет! Ад-ский э-мис-сар!..

Экстра остановился в двух шагах от вопящего Эрлига, не в силах преодолеть звуковой барьер.

— Проваливай, говно! — крикнул ему блокатор. — Убирайся вон с моей базы, козлина! Ты уволен!

— Ты остаешься? — спросил Экстра.

Лаки кивнул.

— Да, наверное.

— А я пойду. А то и вправду… — Экстра провел рукой по лицу и направился к выходу.

— В следующий раз убью! — Эрлиг успел сорвать голос.

Оглянувшись по сторонам, Лаки понял, что люди уже исчезли, зато здорово прибавилось эмпи, а бармен успел поменять диск и теперь из динамиков орало «Нет Прощения!».

Среди пришедших эмпи трое оказались Высшими, скорее всего — оэмвешниками из отдела лингвоструктур. Лаки уловил легкое напряжение, повисшее в зале — оэмвешников нигде не любили, так как в будущем им предстояло программировать своих же братьев. Лаки и Экстра тоже были операторами ментального воздействия, как и эти Высшие, но они никогда не колотили таких понтов.

Один из Высших «погнал эфир» на расшумевшегося Эрлига, но тот уже ничего не замечал, кроме бутылки. Лаки перехватил «волну», вернул ее обратно. Постепенно установилась тишина,

только голос Экстры из динамиков просил тьму помочь ему нажать на курок. Лаки ждал, что Высший вызовет его на дуэль, но тот, заколебавшись, оборвал взаимодействие, слегка поклонился, как велел ритуал, и отвернулся к своим друзьям. Лаки перевел дыхание. Ментальные дуэли не были его коньком, драться ногами получалось гораздо лучше. Он подошел к блокаторам, подвинул Эрлига, и в его руке оказалась бутылка.

— Выпьем, братуха!.. — Эрлиг смахнул скупую слезу, полез обниматься. — Страйк, дружище, это ты!

Лаки с трудом удалось вырваться, вся одежда оказалась облитой коньяком. Он выпил, отдал бутылку обратно.

— Эрлиг, держи себя в руках. Посмотри, что ты сделал!

— Слышишь, братуха… Мы опять на этой сраной базе! — крикнул вдруг Эрлиг, в отчаяньи сметая все, что стояло перед ним, на пол. — Уй!.. Я нажрался, да? Месса Темного Папы, оа-а-а! Эо! О-о-о!..

— Хватит дурачиться, — попросил Лаки. — Они уже пьяны.

Эрлиг мрачно оглядел перепившихся блокаторов, с умилением растянул в ухмылке губы.

— Гы-ы… И я уже пьян… Дружище Эрлиг пьян… А скоро в бой нас трубы позовут!.. О Легба, как же меня задолбало все это … Жизнь… А что такое жизнь, Страйк, скажи мне?!

— Эрлиг, тебе хватит…

— Жить! — Эрлиг захрюкал, закачался на стуле. — Я напился в говно! — заорал он на весь бар. — Я с друзьями напился в говно! Я не видел их очень давно! А теперь в моем доме темно!.. А давай завалим Трайтора! И отпустим их всех на свободу!

— Ты освободишься, когда умрешь, — возразил ему Лаки. — Тебе всего-то подождать…

— Да пошел ты, — махнул рукой Эрлиг. — Ты слишком мало пьешь.

— Пойдем, посмотрим мультик про Фею Смерти и я уложу тебя спать, — предложил Лаки.

— Нас скоро убьют, а ты говоришь про мультики! — расстроился Эрлиг. — Тоже мне, друг!

— Ну и нажирайся! — Лаки встал. — Вместе со своей тупорылой специализацией, блокатор хренов!

— Ой-ей-ей! — прогнусавил Эрлиг. — Тоже мне! Твоя специализация — модель! Понял?

— Как ты сказал, козлина? — переспросил Лаки.

— Драться — на улицу! — неожиданно завопил бармен, уже давно наблюдавший за ними. — На улицу, господа Высшие! На улицу!

— И когда ты собираешься играть? — спросил Лаки, заходя в

комнату.

Эрлиг отказался уходить из бара, и он бросил его там.

Экстра не шелохнулся. Шторы на окнах не пропускали вечернего света. На бортике фонтана, среди причудливых растений и модифицированной травы, горели пирамидки свечей, а Экстра застыл в медитации, напоминая каменного идола. Резкие тени искажали черты лица, и Лаки вздрогнул, когда Экстра открыл глаза. Две тоненьких серебряных дуги блестели из черных провалов, и без того впалые щеки запали еще глубже, отсветы огня не могли закрасить мертвенной бледности его лица. Лаки замер, ожидая, что Экстра кинется на него в любой момент. Все случилось слишком неожиданно. Жизнь Лаки зависела теперь от правильных интонаций, потому что Экстра вряд ли что-либо понимал.

— Ты плывешь… — вспомнил Лаки старую шутку Трайтора. Экстра закрыл глаза. Лаки сделал шаг назад, выходя из освещенного пространства, изо всех сил пытаясь слиться с полумраком.

Потом вспомнил про Найка, спящего где-то в темноте на полу, и тут же на него наступил. Найк не проснулся. Лаки, переведя дыхание, отправился дальше.

Комната оказалась слишком большой, а Экстра мог среагировать на что угодно, и Лаки едва не поддался нахлынувшей вдруг панике, переступая порог. Ему хотелось побежать по коридору, но он заставил себя успокоиться.

Когда он вошел в номер Трайтора, тот сидел за консолью. Система безопасности среагировала мгновенно — перед Лаки тут же упал силовой занавес, преграждая путь.

— Что-то случилось? — Трайтор дотронулся до своих часов и занавес исчез с непередаваемым звуком. Лаки вошел в апартаменты шефа «Экотерры».

— Экстра перекинулся…

— Дьявол! — выругался Трайтор и резко вскочил. Черные очки грозно блеснули защитными стеклами. Что за ними находилось, Лаки не знал, а предполагать можно было все, что угодно. Вплоть до того, что у Трайтора есть глаза. Шеф повернулся к консоли, его пальцы побежали по кнопкам.

— В номере Найк, — напомнил Лаки.

— Что он там делает?

— Спит. — Лаки оглянулся, рассматривая обстановку, и заметил на диване в дальнем углу ту девчонку. Она, не отрываясь от визора, методично доставала из пакета что-то съедобное.

— Дьявол! — Трайтор ударил кулаком в перегородку, к которой крепился экран. — Полное дерьмо! Я так и знал! Ладно.

Придется идти самому.

— Все готово, шеф! — доложил из динамика голос Бэни, и Лаки лишний раз напомнил себе, что стены Базы просто нашпигованы следящей аппаратурой.

— Блокировать помещение, но не врываться, — распорядился Трайтор. — Я сам!

Он торопливо прошел мимо Лаки, даже не оглянувшись, идет ли тот за ним, и Страйк решил использовать этот шанс.

Существо на диване притягивало его все больше и больше. Даже отсюда Лаки чувствовал ее ненормальный фон. Он направился через комнату, мягко ступая по толстому ковру. Она не отрывала взгляда от экрана, где шли какие-то запрещенные мультики.

— Эй! — сказал ей Лаки, присаживаясь рядом. — Посмотри на меня!

Она неохотно перевела на него взгляд.

— Ты мне мешаешь.

— Смотреть эту дрянь? Сколько тебе лет?

Она молчала.

— Как тебя зовут? — он дотронулся до ее подбородка.

— Я не хочу с тобой разговаривать, — улыбнулась она. Кожа ее щеки была бархатной, совсем юной, черные волосы оказались мягкими, как шелк, и эти новые ощущения испугали его. Он отдернул руку.

— Почему ты не хочешь разговаривать? Тебе запрещает Трайтор?

При этом слове тень пробежала по ее отрешенному лицу.

— Он что-то делает со мной… — в светло-серых глазах отразилось замешательство, она дотронулась пальцем до лба. Пластика ее жестов завораживала.

— Что-то, от чего я не могу мечтать.

— Он ставит тебе программу, — объяснил Лаки, беря ее за руку. — Как тебя зовут?

— Эль, — сказала она.

— Эль — это напиток, — хрипло проговорил Лаки. — Довольно вкусный…

— Нет. Эль — это просто буква.

— Ты давно здесь?

Она пожала плечами.

— Смотри.

Осторожно подняв рукав рубашки, она показала ему следы инъекций.

— Я почти ничего не помню. Здесь всегда снег, я даже не знаю, началась весна или нет…

Она вопросительно взглянула на него.

— Весна? — переспросил Лаки. — Ты из какой черты?

— Из Четверки. Ты ненавидишь меня за это? За то, что я человек?

— Нет.

— Почему?

— Я не знаю, кто ты… У тебя бешеный фон. Какая у тебя специализация? Трайтор не говорил тебе?

— Что это?

— Что ты умеешь делать?

Она провела перед собой рукой, и в комнате запахло озоном.

— Я читала сказку, давным-давно. Про существо, умеющее делать электрические бури. Но его никто не принимал всерьез. Мне нравилась эта сказка, она была очень странной. Там было написано, что никто так и не узнал, что он умеет управлять бурей, вызывая каскады синих и белых молний. Никто… Знаешь, это было правильно. Но однажды я вышла на улицу, и все эти разряды были там, в высоте… Я забыла об осторожности. Все, о чем я мечтала, вышло на волю, и небо рвалось на части… Многие видели это, и многие поняли, что это сделала я. А потом приехал Трайтор и забрал меня.

— Тебе здесь плохо?

Лаки начинало лихорадить. Он остро чувствовал опасность, исходящую от Эль, и у него все сильнее кружилась голова.

— Так же, как и всем… — грустно сказала она. — Так же, как и тебе.

Если она провела здесь целый год, ее личность должна быть уже мертва, думал Лаки, скользя взглядом по твердой линии ее губ, она должна уже превратиться в боевого зомби. Скоро Трайтор дожмет ее, это видно по следам инъекций, и тогда великолепное существо, повелевающее бурями, исчезнет навсегда.

До него вдруг дошло, что он обнимает ее, а желание утешить стремительно перерастает в другое, более животное, и он отбросил Эль от себя. Трайтор мог вернуться в любой момент. Лаки прислушался. В нижних ярусах все было тихо. Он подкрался к двери, чувствуя с облегчением, как ее поле перестает на неге действовать, и разум снова возвращается. Выглянул в коридор. Там было пусто Стены, оклеенные золотисто-зелеными обоями, тускло отражали неестественный свет галогенных ламп.

Лаки быстро спустился по лестнице и вернулся в бар, где все осталось по-прежнему. Эрлиг все так же пил, он уже ничего не понимал и только требовал «адского пойла». Из блокаторов половина валялась под столом, а вторая вяло переругивалась между собой. Иногда Эрлиг авторитетным тоном вставлял

совершенно бессмысленную реплику, и они замолкали на время, а потом опять возобновляли разговор. Лаки уселся рядом с Эрлигом, хлопнул его по плечу.

— Экстра-то наш перекинулся! Что скажешь?

— Что ты — говно! — рявкнул Эрлиг.

— Другого я от тебя и не ожидал. Ладно, давай трезветь!

— Не надо.

— Я сказал — глотай!

Он затолкал Эрлигу в пасть отрезвляющую капсулу, тот замычал, замотал головой.

— Глотай! — Лаки протянул ему бутылку. — На, запей!

Эрлиг выпил остатки, выбросил бутылку за спину.

Кто перекинулся? — спросил он уже более трезвым голосом минуту спустя.

— Экстра.

— Экстра? Да иди ты…

— Сам видел.

— Ладно, пошли.

Они начали вставать, когда нарисовался Трайтор, торопливо входящий в помещение. Кажется, он был в ярости.

— Ну, как он… — начал спрашивать Эрлиг, но Трайтор решительным жестом прервал его.

— Ты говорил с ней? — зашипел он, подлетая к Лаки.

— Да, — ответил тот.

— О чем?

— О тебе.

— Больше ты не сделаешь этого! Тебе ясно? Не лезь в это дело!

Трайтор тяжело дышал. У Лаки начинало звенеть в ушах. Эрлиг ошарашено переводил дикий взгляд с одного на другого.

— Ты меня понял? — почти закричал Трайтор.

— Понял, — выдавил Лаки. Он уже начинал проваливаться в пустоту мертвого эфира, когда Трайтор решил, что с него хватит, и он действительно все понял. Взаимодействие закончилось. Лаки рухнул на колени. Прямо перед ним упали капли крови. Каждый удар сердца отдавал головной болью. «Это моя кровь», — догадался Лаки.

— Вставай. Он ушел. — Эрлиг потряс его за плечо. — Пойдем.

Лаки вытер нос рукавом.

— И чем ты так довел его? — ворчал Эрлиг, поднимая его с пола. — Тоже, нашел, с кем связаться! Знаешь ведь, что шефа лучше не злить. Понял? Не злить!

Страйк утвердился на ногах, откинул руку Эрлига.

— Я в порядке… Все под контролем… И ты знаешь, идти нам некуда. В номере наверняка все вверх дном… Может, останемся и выпьем?

— Хочешь поплакаться старине Эрлигу в жилетку? Или мечтаешь о сеансе психоанализа?

Лаки слабо улыбнулся.

— Давай просто выпьем.

Терминатор.

Лаки услышал сигнал тревоги за две секунды перед тем, как Эрлиг, подбежав, скинул его пинком с дивана, но все эти две секунды нарастало ощущение чего-то непоправимого, так что пинок Эрлига оказался своеобразным катализатором. Когда Лаки вскочил, его глаза начинали светиться.

— Что?! — заорал он на Эрлига.

Тот кивком указал ему на дверь. За бронебойным квадратным стеклом металлических створок мерцало силовое поле.

— Тревога номер один, вот что, — подтвердил голос Эрлига то, что Лаки увидел своими глазами.

Все помещения Базы были заблокированы намертво, снять защиту мог один лишь Трайтор.

Найк выскочил из-за кухонного блока, уже совершенно одетый, его волосы торчали в разные стороны над опухшим лицом.

— Что случилось? — крикнул он. — Кто-нибудь что-нибудь понимает?

Лаки поспешно зашнуровывал ботинки.

— А где Экстра? — вдруг спросил Эрлиг, озираясь по сторонам. — Экстра! Да включите же этот долбанный свет!

Найк рассмеялся.

— Ты забыл, старик, что никакие приборы уже не работают! Мы здесь заперты! Понимаешь, заперты!

— Зачем ты ему это сказал? — укоризненно поинтересовался Лаки, с трудом сдерживая нервную дрожь. — Он же — клаустрофоб!

— Это не смешно! — рявкнул Эрлиг.

За дверью мигал свет и противно завывала сирена.

— Экстра! — позвал Лаки.

— Его нет! — Найк успел обежать кухонный блок. — Лаки! Что с глазами?

— Только не это! — отшатнулся Эрлиг. — О, Темный Папа…

Лаки, не вздумай!

— Я тебя, козлину, первого растерзаю, — пообещал Лаки, заглядывая в зеркало. — Я тебе все припомню!

Эрлиг захохотал.

— Вы просто долбаные психи! — Найк достал из отделения для мусора парализатор, отошел к двери, держа обоих друзей под прицелом. — Только шевельнитесь, гады, я всех убью!

— Вам не кажется… Что мы зашли в тупик?.. — сквозь смех проговорил Эрлиг. — Я уверен, что Экстра опять выкинул какую-то срань! Вот кого стоило бы пристрелить. Слышишь?

— Ты можешь говорить все, что захочешь, — ответил ему Найк. — Но не делай резких движений.

— Эрлиг, дай сигарету, — попросил Лаки. Тот протянул ему пачку «Стразза».

— У меня только такие, дружище.

Они закурили. Найк, не выпуская оружия из рук, подошел к кухонному блоку и вынул из шкафа бутылку коньяка.

— Заключим перемирие? — предложил он. — Или немного подеремся?

— Да нажремся! — Эрлиг осторожно подкрался к оставленной на столе бутылке, в то время, как Найк, вытирая губы рукавом, отошел назад, не спуская с него напряженного взгляда.

— Что будем делать? — спросил Лаки, забирая у Эрлига бутылку и делая несколько глотков. — Идеи?

— Я лично буду пить. — Эрлиг достал себе еще одну бутылку. — Я сейчас выпью все это, и срал я на вас и на вашего Трайтора!

— Верно, — согласился Лаки, усаживаясь на стол.

Но он не успел выпить и половины, как за дверью послышались торопливые шаги.

— Ну, это за нами, — резюмировал Найк, картинно щелкая затвором. — Приготовились!..

— Это Трайтор, — со вздохом произнес Эрлиг.

— Кто же еще? — проворчал Лаки.

Разблокировав дверь, Трайтор ворвался в помещение. Взмах руки — и Лаки полетел на пол. Рядом грохнулся Эрлиг. Трайтор пинком перевернул стол ее стоявшей на нем бутылкой, подскочил к Лаки и ударил его ногой по почкам.

— Встать!

Они послушно поднялись.

— Только что, — заговорил Трайтор, тяжело дыша, — ваш приятель совершил непоправимую ошибку… Ну-ка положи! — приказал он Найку, и тот машинально разжал пальцы.

Парализатор с глухим стуком грохнулся на ковер.

— Что случилось? — у Лаки дрогнул голос. Невидимые клешни сдавили ему горло.

— Ваш приятель только что перечеркнул целый год напряженной работы… — Неестественно спокойный голос шефа заставил всех содрогнуться. Лаки, задыхаясь, упал. Трайтор не обратил на это внимания.

— Ваш идиот приятель удрал вместе с ней! И вы вернете их обоих! Прямо сейчас!

— Кого — их? — уточнил Эрлиг, не сводя взгляда с Лаки, чье тело выгибалось дугой рядом с перевернутым столом.

— Экстру и Эль! — Трайтор рассеянно поглядел на Страйка, лицо которого успело посинеть. — Вы поедете и вернете их. И вам придется поторопиться. Вы должны остановить их прежде, чем они перейдут «терминатор». У вас меньше получаса. Вперед!

Он шагнул к Страйку, пнул его несколько раз, после чего вышел из номера. Лаки закашлялся, попытался встать. Эрлиг помог ему подняться.

— Сколько… у нас времени? — прохрипел Лаки.

— Полчаса, — подсказал Найк, поднимая с пола парализатор. — Но на самом деле меньше… Ты как?

— Не знаю.

— Нам лучше поторопиться, — хмуро произнес Эрлиг. — Или нам пиздец.

— И как мы его остановим? — вырвалось у Найка. Эрлиг вместо ответа кивнул на парализатор.

— Но я не стану…

— Заткнись! Все, бегом! Где пушки?

— Куда? — крикнул Найк, выходя, наконец, из себя. — Куда мы, к дьяволу, поедем?

— За мной, — выдохнул Лаки. Эрлиг и Найк переглянулись.

— Я чувствую ее, — Лаки забрал у Найка оружие. Его повело.

— Кого — ее? — не понял Найк.

— Бегом! — заорал на них Эрлиг. — Разговоры — потом!

— Эль, — у Лаки колотилось сердце, перед глазами роились черные точки. Он наклонил голову, касаясь лбом ледяного металла. Эрлиг грубо схватил его за плечо, швырнул в направлении двери.

— Бегом!!! — проревел он прямо в ухо. И они побежали.

«Терминатором» назывался периметр глушилки, не позволяющей федеральным спутникам следить за территорией Базы. За пределами этой защиты у Экстры появлялся шанс уйти от погони, так как никто не стал бы рисковать общей безопасностью, преследуя его. Но у Лаки не было и тени

сомнений относительно того, как поступит с ними Трайтор, если они опоздают. Все трое, добежав до стоянки, уставились на Бэни, который уже ждал их с двумя офицерами безопасности.

— Они взяли «флешкарр», — Бэни копировал поведение Трайтора и говорил очень жестко, но это не выглядело смешно или нелепо. Хоть он и не был эмпи, Бэни считался правой рукой шефа «Экотерры», занимая должность начальника внутренней безопасности. Все его офицеры также были людьми, хотя бы по крови, и, уступая блокаторам в боевых характеристиках, славились особой жестокостью. Они выполняли приказы Трайтора, если дело касалось наказания, а Трайтор по каким-то причинам не занимался этим лично. Они с удовольствием расправлялись с эмпи, которых ненавидели всей душой. Сейчас они скалились, разглядывая Лаки, у которого все еще текла из носа кровь.

— Скорее всего, они поехали туда, — Бэни указал рукой в сторону восточной трассы, мягко уходящей в предгорья Четверки. В том направлении уже мчались блокаторы, с проворотами срываясь со старта. Лаки даже не взглянул на него. Он закрепил шлем, перекинул за спину парализатор, и, сев на ближайший к нему мотоцикл, взревел мотором, направляясь в противоположную сторону.

— Эй, ты куда? — крикнул Бэни. — Куда он? Эрлиг? Найк?..

Они помчались напрямик через площадку, подрезав «рейс» с блокаторами, им вслед полетели проклятья.

— Лаки, ты уверен? — спросил по связи Эрлиг.

— Да, — ответил тот. — Скорее всего, он едет к виадуку. Если мы не перехватим его у поворота, нам лучше не возвращаться.

Эрлиг хмыкнул. Лаки мчался напрямик, вниз по темному склону, это был единственный способ достичь поворота на федеральную трассу раньше Экстры, если только Экстра не выбрал этот же путь. Тогда их шансы равнялись нулю. Про Эль он предпочитал не думать вообще. Они катились, лавируя между камнями, иногда подлетая вверх на внезапных обрывах, иногда влетая в заросли кустарника, ветви которого лупили их градом ударов.

— Ты сумасшедший! — орал Найк. — Ты угробишь нас к чертовой матери!..

А Эрлиг матерился последними словами.

Все вместе напоминало какой-то ненормальный вид спорта, склон тем временем становился все круче, и голос Найка звучал все истеричнее. Под конец они обрушились с трехметровой высоты и Найк, наконец, упал, заорав так, что у Лаки заложило уши.

— Догоняй! — взревел Эрлиг. — Йох-хоу! Лаки, это еще веселее, чем падать в шахту!.. Найк, шевелись давай!

Они подождали, пока Найк заведет мотор и помчались дальше, напрямик по высокогорному лугу, врезаясь в густую траву.

— Чтоб я еще хоть раз куда-то с вами поехал!.. — жаловался Найк. — Экстра урод! Я ненавижу его!

До поворота оставалось километров двадцать. Шоссе, идущее вдоль кромки поля, было слабо подсвечено редкими фонарями. С другой стороны дороги вставали стены отвесных скал.

— Я вижу его! — услышал Лаки голос Эрлига. — Всем выключить фары! Радиомолчание!

Лаки поглядел на радар. Там уже была красная точка, но она двигалась с предельной для «флешкарра» скоростью, они не успевали. Интуитивно выбирая оптимальный маршрут, Лаки каким-то чудом удалось вывести группу на шоссе в тот момент, когда «флешкарр» еще только заходил на поворот, скрытый выступом скалы, и они остановились поперек дороги, приготовившись стрелять.

Сверху донесся гул вертолета. Экстру засекли, скоро должна была подъехать подмога. «Флешкарр» вылетел прямо на них. Они открыли огонь, машину занесло, она пошла юзом, потом сорвалась задними колесами в придорожный овраг, и, перевернувшись, замерла.

— Приготовились! — скомандовал Эрлиг. Лаки слез с мотоцикла, подходя к краю шоссе. Все трое держали машину на прицеле.

— Не стреляйте! — услышали они голос Экстры. — Я безоружен!

— Ты врешь! — гаркнул Эрлиг, а Найк захохотал. Экстра уже вылезал в окно. Он махнул им рукой, потом помог выбраться Эль, они перебрались через овраг и оказались на асфальте. Экстра поднял руки.

— Зачем ты это сделал? — спросил Найк, отбрасывая шлем. — Это твоя девчонка? Нахрена ты это сделал?

Экстра глядел только на Лаки.

— Ты все знаешь, правда? Они не чувствуют этого, но ты ведь понимаешь, почему я так поступил? Да? Посмотри на меня! Она должна уйти. Я хочу, чтобы она жила. Пускай недолго, зато на свободе. Отпусти ее.

Вертолет завис над ними, залив пятачок вокруг перевернутой машины мертвенным светом.

— Отпусти ее! — крикнул Экстра.

Лаки подошел к Эль. На ее бледном лице темнела царапина,

то ли от пули, то ли от осколка стекла, она не сводила взгляда с такого близкого виадука, чей остов выгибался адским позвоночником в светлеющее небо. «Терминатор» был совсем близко. Лаки заглянул ей в глаза, чувствуя, как проваливается сердце.

— Всем стоять! — донеслось сверху. Сильный ветер трепал ее волосы, и Лаки опять услышал запах летнего солнца.

— Иди, — сказал он, отворачиваясь. Экстра незаметно пожал его руку.

— Я ничего не понимаю! — разозлился Эрлиг. — Трайтор нас убьет!

Лаки небрежно пожал плечами. Найк поднял свой мотоцикл, подвел его к Эль.

— Микрочип у тебя? — спросил Экстра.

— Да, — ответила она.

— Постарайся достичь виадука за десять минут, и тогда ты свободна. Прощай. Она еще раз взглянула на Лаки, вскочила на мотоцикл и умчалась прочь.

— И что мы будем теперь делать? — задал Найк интересующий всех вопрос.

С вертолета вдогонку Эль полетели пули.

— Мы задержим их, — ответил Экстра, вынимая из-за пояса пистолет.

— Что? — выдохнул Найк. — Экстра, ты совсем спятил?!

Эрлиг оскалился в усмешке.

— О да! И правда, почему бы нет?

— Встретим их здесь, или за поворотом? — уточнил Лаки.

— Это совершенно неважно, — улыбнулся Экстра, и Найк схватился за голову.

Колонна блокаторов замерла напротив. Все четверо стояли в конусе синеватого света, ветер сверху едва не сбивал их с ног, а вертолет продолжал опускаться. Среди блокаторов не оказалось ни одного офицера, никто не собирался стрелять первым. Напряженная пауза затянулась.

— Оружие на землю! — прогремело с вертолета в который раз, и Эрлиг сделал в ту сторону неприличный жест. Подобные тупиковые ситуации периодически случались, и тогда никто не знал, что делать, до тех пор, пока не приезжал Трайтор.

Трайтор неторопливо выбрался из машины. Вместо спортивного костюма на нем красовалась черная форма, горнолыжные очки дополняли мрачноватый имидж. Блокаторы расступались, Трайтор шел по подсвеченному коридору, мимо мотоциклов, мимо армейских машин, мимо линии стрелков, державших под прицелом тех, кто временно вышел из-под

контроля, и, дойдя до границы яркого света, вскинул обе руки ладонями вперед. На Лаки обрушился фон, он полетел лицом вниз, корчась от непереносимой боли.

— Вы нарушили закон, — диктовал голос Трайтора сквозь вату в ушах. — Вы понесете наказание.

Кто-то сдавленно закричал, и Лаки заставил себя повернуть лицо к свету. Экстра бился на асфальте, его ребра начинали ломаться, разрывая одежду, из оскаленного рта вытекала кровь.

Трайтор стоял прямо над ним. А чуть левее замер Найк, единственный из их группы, кто не поддавался ментальному воздействию. И он не придумал ничего лучше, чем подскочить к Трайтору и пнуть его по заднице ногой. Эрлиг хрипло захохотал. Трайтор, обезумев от злости, выстрелил в Найка из парализатора, и когда тот упал, стрелял в него еще и еще, до тех пор, пока Лаки не провалился в пустоту мертвого эфира.

В сопли.

— У вас всего неделя, — сообщил Трайтор, играя желваками. — Через неделю она перекинется.

Если вы не привезете ее мне, эти двое придурков сдохнут, вам ясно?

— Ясно, — сказал Эрлиг, угрюмо глядя на шефа.

— А тебе?

Лаки посмотрел на свое отражение в черных защитных стеклах и кивнул.

— Я не слышу. Ты понял меня? Или нет?

— Я все понял, — подтвердил Лаки.

Трайтор встал, прошелся по комнате из угла в угол. Он все еще не мог успокоиться.

— Вы идиоты, — сказал он, наконец. — Зачем вы это сделали? Она была у вас в руках! Ну зачем? Я так устал от вашего идиотизма!.. Вы думаете, мне это нравится, да? Что я получаю от этого удовольствие, да? Да?! Каждый из вас обошелся мне в хренову тучу денег, и не только денег. Вы — лучшие. Вы умеете работать командой. И я не скоро найду таких, как вы. Я не хочу убивать никого из вас, но закон — это закон. Бэни с удовольствием пристрелит Ирчи, он ненавидит его. Вам это нужно, да? — он вздохнул, провел рукой по лицу. Потом продолжил:

— Она должна быть либо в Двойке, либо в Единице. Если она попала к федералам, ваша задача — найти ее и убить. Если она

все еще где-то прячется, вы привезете ее сюда. Как же я вас ненавижу!

До Лаки неожиданно дошло, что Трайтор безумно устал. Он поглядел на Эрлига, тот злобно сверкнул глазами. Кто действительно бесился, так это Эрлиг. Все утро он проводил свои непонятные обряды с применением волос Трайтора, которые каким-то образом добыл, но все знаки указывали на то, что магия на шефа не действует, и Эрлига это приводило в отчаянье. Экстра и Найк уже второй день лежали в реанимации, с ними было запрещено общаться, да они, наверное, ничего сейчас не понимали, пребывая в мире фантастических грез. Лаки вздохнул.

— Идите, — Трайтор безнадежно махнул рукой. — Зайдите сначала к Бэни, он выдаст вам оружие, микрочипы и все такое. И кое-что из программ.

Лаки поморщился.

— Несколько планов, которые помогут вам пройти сложные участки маршрута, — пояснил шеф. — Я не знаю, где вы будете ее искать, а времени, чтобы все это запомнить, у вас нет. Идите.

Они зашли сначала к Бэни, который нагрузил их «железом», идентификационными чипами и прочими необходимыми вещами, потом посетили операционную с экраном во весь потолок и модуляторными креслами, вызывающими самые неприятные ощущения. Операторы в белых халатах быстренько накачали Лаки необходимыми программами, а Эрлигу, неспособному к высшему воздействию, поставили временную болевую блокаду, сроком, опять же, на неделю. После чего они отправились в бар, где Эрлиг с горя напился и едва не заснул, так что Лаки пришлось тащить его до машины.

Все заднее сидение «флешкарра» было завалено горнолыжной снарягой. Имелись даже фотографии, на которых Эрлиг и Лаки покоряли горные склоны. Эрлигу фотографии понравились, он заявил, что глупо было бы уезжать с Базы, так и не покатавшись на лыжах.

— Через неделю, — пообещал ему Лаки. — Первым делом. Как только приедем, сразу же. Я видел лыжи как раз для тебя, такие черные, с охранными знаками, птичьими перьями и сморщеными ягодами… Кстати, а где твой антикоповский амулет?

— Да пошел ты!

— Ты давай лучше займись микрочипом.

— Зачем ты напомнил? — разозлился Эрлиг. — Как же я тебя ненавижу! — сообщил он, пародируя Трайтора, и, положив микрочип на кончик мизинца, засунул глубоко в ноздрю и вдавил в носовую перегородку.

— Ненавижу все это дерьмо…

— На, вытрись, — Лаки протянул ему платок. — С чего начнем?

— С того самого места, где мы ее видели в последний раз… Давай, поехали!

— Не мешай.

— Чем ты таким, интересно, занят?

— Я думаю, где она могла бы спрятаться.

— Лучше подумай, где мы будем сегодня ночевать. Я предлагаю отправиться в Двойку, там на окраине, я слышал, есть неплохой клуб, называется «Розовые Сопли». Там можно неплохо развлечься. Она вряд ли проехала мимо такого места.

— Уж ты бы точно не проехал, — ехидно заметил Лаки.

— Как и ты. Надо же с чего-то начинать… Кстати, расскажи мне про нее. Как она, ничего? У вас уже было?..

— Все, поехали! — Лаки резко тронулся с места. Эрлиг рассмеялся своим отвратительным смехом и вытащил откуда-то бутылку коньяка.

— Идиот, — сказал ему Лаки. — В Двойке тебя за это убьют. Напитки крепче семнадцати градусов…

— Да пошел ты! Я, между прочим, блокатор, если ты забыл.

— Постарайся управиться за полчаса, хорошо? Иначе не успеешь проспаться!

— Тогда помогай!

— Идиот, — сокрушенно вздохнул Лаки.

К вечеру они доехали до границы, остановились на пропускном пункте, Эрлиг проснулся и уставился на рекламный щит, стоявший недалеко от продуктового магазина. На картинке изображалась семья улыбающихся дебилов, и все они курили сигареты «Лучший друг». Надпись гласила: «Будем дружить семьями!».

— Неплохо задумано, — похвалил Эрлиг, выбрасывая в окно пустую бутылку. — Не хватает только младенца с сигаретой… В Двойке что, нет возрастных ограничений вообще?

— А что? — спросил Лаки. — Подумываешь о детях?

— Козлина. Включи лучше кондиционер, из-за тебя дышать нечем. Урод.

— Я вижу, у тебя плохое настроение.

— Да пошел ты!

— Выйди лучше, купи сигарет. А то за «Стразз» тебя расстреляют, если ты не в курсе.

— Меня не станут, я блокатор.

— У тебя что, ограничение на расстрел, да?

— Чтоб ты сдох!

Эрлиг вылез, хлопнул дверцей и побрел в магазин. Было душно и жарко, должно быть, близилась гроза. Небо неестественно желтого цвета било по глазам, солнце садилось в тяжелые серые тучи.

Лаки включил радио, поймал веселую музыку и откинулся назад. Пробка медленно ползла мимо контрольно-пропускного пункта, федеральные копы в гермошлемах с поднятыми забралами изнывали от духоты. Дальше шоссе уходило в марево заката, и возле горизонта превращалось в виадук Первой черты, и все это пространство занимала нарождавшаяся пустыня, заполненная жухлой травой. Мрачная картина никак не сочеталась с веселой музыкой. Лаки заметил, что за последние полгода вдоль трассы стало больше щитов с рекламой солнцезащитных кремов, йодсодержащих препаратов и даже одноразовых респираторов. В Единице конец света чувствовался не так остро, а вот на Базе участились оползни, что только добавило веселья отдыхающим, но, в общем, картина была ясна, просто об этом не было принято говорить.

Вернулся Эрлиг, швырнул на колени Лаки упаковку «Спринта» и блок «Лучшего друга», с грохотом захлопнул дверцу и уставился в потолок.

— Бодун? — участливо поинтересовался Лаки. — Давай, пристегнись, на всякий случай. В Двойке — драконовские законы…

— Ты так говоришь оттого, что ты не блокатор. А меня пули не берут. Я заговоренный.

— А кто говорит про пули? — удивился Лаки. — Как насчет парализатора?

Они рассмеялись.

— Я думал, я сдохну, — признался Эрлиг. — Мне и так было херово, а тут еще Найк… Когда он пнул Трайтора ногой по жопе, у того было такое лицо… Никогда так не смеялся. Передай мне банку и пачку сигарет… На улице душно, пиздец!

— А кондиционер вот-вот накроется, — подхватил Лаки. — Бэни, урод, подсунул нам самую херовую машину!

— Надеюсь, что она — без криминала, — хмыкнул Эрлиг, расковыривая пачку. — Наверняка дерьмовые сигареты! Смотри, какой фильтр!

— Детские, — улыбнулся Лаки. — Тебе еще рано их курить, сынок.

— Да пошел ты!

Эрлиг оторвал фильтр, затянулся. Задумался.

— Ну что? — поинтересовался Лаки.

— Вполне применимо к ситуации, — резюмировал Эрлиг.

— Когда куришь табак, надо выдыхать сразу, — посоветовал Лаки.

Федеральная полиция, вымотанная задень, выглядела не лучшим образом. Парни в пыльной форме хмуро начали досмотр. Они ни о чем не спрашивали, глядя на свои приборы, и Лаки даже посочувствовал им. Пограничный контроль был далеко не лучшей работой. Даже обнаружив запрещенные к ввозу предметы, вряд ли они смогли бы кого-нибудь задержать. Но все было чисто. «Флешкарр» пропустили.

Лаки с удовольствием разогнался. Они открыли, наконец, окна и прибавили громкость, и теперь Эрлиг распевал во всю глотку очередной попсовый хит из Содружества, переведенный и выдаваемый за Стад-Рэйский шлягер, про то, что дети играют в смерть, а взрослые играют со смертью, но и те, и другие, не знают, что же такое смерть на самом деле, и так далее. Стремительно темнело, на небе проступали звезды. Если присмотреться, можно было увидеть яркие точки, курсирующие в определенном порядке. И когда одна из звезд неожиданно срывалась, нельзя было сказать наверняка, что это падает там, в небесах, метеорит или спутник, сошедший с траектории.

— Кстати, ты слышал новость про Редонну? — вспомнил Эрлиг, следя за такой звездой. — Я вчера подслушал, о чем треплются эти пидоры оэмвэшники, в баре, перед тем, как нажраться… Вобщем, христиане уронили на нашу столицу свой крейсер, и Редонны больше нет. Представляешь? Хорошо еще, что дождь со стороны Туаканы, — добавил он, выбрасывая смятую банку в полуоткрытое окно, в пелену тропического ливня.

— В Редонне все погибли? — спросил Лаки.

— Можешь в этом не сомневаться.

Музыка прервалась, и голос диктора сообщил, что со стороны Туаканы движется штормовой фронт, и лучше укрыться в каком-нибудь надежном месте, если вы все еще за рулем. Эрлиг посмотрел на Лаки горящим взглядом.

— Укроемся в «Соплях»!

Лаки захохотал. Машину повело, они едва не въехали в несущийся навстречу трейлер, тот с ревом пролетел мимо, и неприличное напутствие шофера растаяло вдали.

— В «Соплях»! — воскликнул Лаки, не прекращая смеяться. — Пожалуй, ты прав, нам стоит туда заехать… А где это?

— А ты поройся у себя в голове, — подсказал Эрлиг.

Лаки послушно закрыл глаза и расслабился, Эрлиг едва успел перехватить руль.

— Нет, — сказал Лаки через пару минут. — Про «Розовые

Сопли» на Базе ничего не знают. Запроси через спутник.

— Через федеральный спутник, — уточнил Эрлиг.

— Ты чего-то опасаешься?

— Ты лучше смотри на дорогу!

— Тогда спросим у копов.

— Это дело! Только что-то я не вижу никаких копов…

— Хочешь, я кого-нибудь задавлю? — предложил Лаки.

— Ты еще безумнее Экстры, — обреченно вздохнул Эрлиг.

Когда они все же добрались до «Розовых Соплей», шторм уже начинался. Порывистый ветер гнал мутные волны дождя, остро чувствовался запах моря. Циклон с побережья во всю резвился среди пустынных полей.

Лаки припарковал «флешкарр» около клуба, одиноко торчащего посреди сумеречных пустошей. Жестяная вывеска с яркими буквами грохотала, буква «и» в слове «сопли» искрила, все пространство перед входом оказалось забито мотоциклами.

— Эти сволочи уже здесь, — заметил Эрлиг, надевая свои любимые очки. Они шагнули под дождь и тут же вымокли до нитки. Вода, льющаяся с неба, была теплой и солоноватой на вкус, и Лаки пожалел несчастную Туакану, по которой прошлась первобытная стихия, всколыхнувшая океан.

Добежав до дверей, они ворвались внутрь, и море рейдерской музыки поглотило их. На сцене играла группа, в клубе творилось что-то дикое. Заплатив за вход, они начали протискиваться сквозь толпу рейдеров и их подруг, одна из которых, завизжав, повисла на шее у Эрлига. Лаки, не обращая на это внимания, добрался до стойки и жестами привлек внимание бармена, так как кричать было совершенно бесполезно. Этот клуб, рассчитанный, максимум, на пятьдесят человек, трещал по швам. Перепившиеся бородачи отрывались так, будто завтра и впрямь наступал конец света.

Бармен, привлеченный пантомимой Лаки, обратил на него свой затуманенный наркотиками взор, и Страйк протянул ему синюю купюру в десять кредитов. Обитатели стойки заинтересованно покосились на Лаки, но тот бросил на них парочку взглядов из арсенала Эрлига, и они сразу же отвернулись.

Бармен вопросительно мотнул головой. Лаки щелкнул себя по горлу и показал два пальца. Бармен потянулся к пиву. Лаки энергично замотал мокрыми волосами и повторил первый жест. Бармен закатил глаза и взял деньги. Лаки обернулся, разглядывая колышущуюся массу. В клубе было довольно темно, сполохи неонового света, как в замедленной съемке, выхватывали кадры безумия, поглотившего этот мир. В основном, это были рейдеры и

их бабы, несколько дальнобойщиков в рабочих комбезах жались к стенам, не желая участвовать в диких плясках. Трое копов, спасавшихся от шторма наравне со всеми, разливали под столом коньяк, но никто не обращал на них внимания. Бармен выставил на зеркало стойки бутылку и пару стаканов. За спиной Лаки услышал рев — это вернулся Эрлиг с двумя подружками. Тут же, стоило ему обрушиться на стойку, освободились места, и Эрлиг затянул к себе на колени одну из девиц, совершенно пьяную. Вторая с интересом поглядывала на Лаки. «Только не это!» — подумал он.

— Насиловать и вешать! — проревел Эрлиг, сгребая бутылку и прикладываясь к горлышку.

— Ты нас изнасилуешь или повесишь? — захихикала одна из девиц.

— Ему абсолютно все равно, — засмеялся Лаки. Эрлиг протянул ему бутылку.

— За наших дорогих друзей!

— Ты уверен, что стоит чокаться? — Лаки, запрокинув голову, отпил, сколько смог и плеснул немного девочкам в стаканы. Тепло заструилось по венам, он расслаблено повис на стуле. Эрлиг вовсю дымил «Страззом».

— Я сегодня обязательно напьюсь, — пообещал он непонятно кому. Лаки прикрыл глаза, глядя сквозь ресницы на сполохи неонового света, и сконцентрировался на своих ощущениях.

Марево ментального поля расходилось волнами животных взаимодействий, так свойственных людям, не умеющим контролировать свои чувства. Человеческая популяция, напуганная взбесившейся погодой, объединилась за общим застольем, празднуя грядущее вымирание. Все вместе напоминало бурлящий котел, в котором варился суп из похоти, агрессии и страха. В группе, ревущей на сцене, вероятно, играл кто-то из эмпи, сумасшедшее соло зажигало кровь, подливая масла в огонь. Еще немного, и вспыхнет массовая драка, понял вдруг Лаки. Здесь было слишком тяжело дышать от скопившегося адреналина, и они не могут не ощущать этого, здесь слишком тесно, темно и страшно, а буйство стихии за тонкими стенами все ближе и ближе… Смерть остановилась на пороге, и ее вот-вот должны были позвать. Смерть замерзла и продрогла, она припарковала свой призрачный дред довольно давно, а теперь собиралась погреться, выпить и послушать музыку наравне со всеми. Смерть носила имя «Эль» и не знала, началась весна или нет, та весна, что закончилась год назад, прямо в модуляторном кресле, затерявшись среди нереализованных программ.

Что-то темное бесстыдно скользнуло по кромке поля,

зацепило натянутые до предела струны, и Лаки почувствовал почти физическую боль. Он открыл глаза. Бледные тонкие руки уже расстегивали молнию на его штанах. Он с трудом сдержался, чтобы не ударить это по лицу.

— Я хочу тебя, — шептали ему в ухо. — Возьми меня, прямо здесь! Давай же!

Он посмотрел на нее. За застывшими глазами жила пустота. Она тянула свои пальцы, напоминавшие щупальца инсектоида, полупрозрачные, с острыми зазубринами на каждом сегменте. Он отмахнулся, опрокинув бутылку, и увидел Эрлига, яростно пыхтевшего здесь же, справа, над одной из тварей. Эрлиг повернул к нему пьяное лицо, омерзительно ухмыляясь. Его змеиные глаза не выражали ничего, он не чувствовал поля, он умел лишь убивать. Он был таким же животным, как и все остальные.

— Я ухожу, — сказал Лаки, но Эрлиг вряд ли что-то понял. Лаки начал пробиваться к выходу, но входная дверь оказалась заблокированной намертво.

— Как отсюда выбраться? — спросил он у охранника.

— А никак! — высокий парень в неоновой разгрузке поглядел на него, как на сумасшедшего. — Там пиздец! Просто пиздец!

Лаки бессильно привалился к стене. Ему становилось все хуже, непонятная паника подступила вплотную.

— Тебе плохо? — забеспокоился охранник. — Блевать — вон туда.

— Я не хочу блевать. Но все равно спасибо.

Они помолчали. Парень прикрыл деревянную створку, отгораживающую помещение охраны от небольшой прихожей со стойкой для приема денег. В комнате на выцветших обоях пестрели плакаты с мотоциклами и разными ландшафтами Стад-Рэя, на столе лежала газета с заголовком «Правда о технологиях». Над входом в комнатку была прибита ржавая подкова, а рядом с газетой горела свечка.

«Он боится чего-то», — понял Лаки. — «Неужели дождя?».

— Спэлл, — парень протянул ему ладонь.

— Лаки, — представился Лаки.

Спэллу было лет двадцать, выкрашенные «перьями» волосы закрывали глаза, на предплечье была набита акула.

— Погода сошла с ума, — тихо проговорил Спэлл, глядя в никуда, потом достал бутылку с мутной жидкостью и отхлебнул из нее. — На, выпей.

— Охраняешь клуб? — улыбнулся Лаки, принимая бутылку.

— Типа того.

— Хочешь совет?

— Ну?

— Если доживешь до рассвета, бери кассу и уезжай.

— Ты серьезно? — прыснул парень. — Я подумаю… Тебе ничего не нужно? Оружие там, наркотики?..

— Можно я немного посплю? Весь день за рулем, а теперь все это… — Лаки кивнул на дверь.

— Валяй, — Спэлл поплотнее закрыл створки. Лаки облокотился о стол, положил голову на руки и закрыл глаза. Волны страха, исходящие от Спэлла, накрывали его, этот парень чувствовал приближение чего-то жуткого, как и все остальные, но не мог даже нажраться как следует. Дом все больше становился похож на заколоченный гроб. От стен веяло сыростью.

Лаки провалился в тревожный сон. Он летел вместе с тучами над вымирающей планетой, над пустыми городами, закрывая своей тенью разрушенные дома, он знал, что в Стад-Рэе не осталось никого, и весь гигаполис напоминал ему Мертвый квартал, а Туакану, наконец-то, смыло водой, и там теперь плескалось новое море… Синие и белые молнии безмолвно лупили в песок Единицы, где он однажды жил, и Лаки чувствовал присутствие Эль в каждом электрическом разряде.

«Она была здесь совсем недавно», — вдруг открылось ему, — «Теперь ты понимаешь, почему здесь такой бешеный фон?..» И, неожиданно проснувшись, он увидел перекачанную фигуру Эрлига, застывшую в дверном проеме.

— Что-то случилось? — с безнадежным отчаяньем спросил Спэлл, пряча бутылку. Эрлиг поглядел на Лаки. Он еле держался на ногах.

— У вас в туалете… бэ-э… — Эрлига согнуло пополам, он проблевался под ноги Спэллу.

Охранник укоризненно взглянул на Лаки. Тот непонимающе глядел на Эрлига.

— Я говорю, у вас в туалете… бэ-э… — повторил Эрлиг. — Бэ-э… — его вырвало два раза подряд.

— Хватит здесь блевать! — взвился Спэлл, возмущенный до крайности. — Уведи же его! — крикнул он Лаки.

— Ты охранник? — Эрлиг шагнул к столу, наступая в лужу, — Охранник?

— Охранник! — закричал Спэлл.

— Погоди, — оборвал его Лаки. — Он говорит — что-то произошло в туалете.

— Угу, — подтвердил Эрлиг, сдерживая позывы к рвоте. Спэлла передернуло. Он встал, взял зачем-то фонарь и решительно вышел из комнаты. Эрлиг и Лаки отправились за ним.

Туалет оказался не особенно далеко. Когда они вошли, в нос им ударил резкий запах свежей крови. В крови было все — кафель на стенах, грязный пол, розовый унитаз, алые брызги покрывали продолговатое зеркало над писсуарами. Спэлл сначала замер, не в силах постичь разумом открывшуюся картину, бессмысленно глядя на разделанный труп, а потом его начало неудержимо рвать.

— Я же говорил, — обрадовался Эрлиг, видя, что Спэлл, наконец-то, понял его. Лаки схватил Эрлига за шиворот и вытолкнул в коридор.

Они направились в зал, выпивка была им просто необходима.

— Не знаешь, кто это сделал? — ненавязчиво поинтересовался Лаки.

— Это не я! — вскинулся Эрлиг. — Дружище Эрлиг не способен на такое!

— Нам надо сваливать отсюда, — Лаки отпил из бутылки немалый глоток и задохнулся. Там оказался чистый спирт. Бармен, покачиваясь, протянул ему чью-то полупустую кружку, Лаки сразу же запил, но в кружке тоже был спирт. Эрлиг загоготал, его смех перекрывал весь шум, бушующий в зале. Лаки вытер слезы, жестами попросил бармена дать ему банку «Спринта» и выпил ее до дна, прежде, чем смог хоть что-то сказать.

— Ты просто не хочешь меня понять, — объяснял Эрлиг, его квадратное лицо уже двоилось. — Ты не слышишь то, что я пытаюсь тебе сказать. Мои слова — пустые звуки для тебя, ты не слышишь и не понимаешь меня, с тобой вообще без толку разговаривать!

Лаки потянулся за кружкой, но раздетая женщина у него на коленях схватила ее первой, нагло рассмеявшись прямо в лицо. Лаки удивленно посмотрел на нее.

— Котик! — сказала женщина. — Ну скажи, неужели тебе не нравится вот это? — она сунула ему под нос два силиконовых протеза синюшного цвета с расползшимися сосками, в одном из которых, к тому же, висело здоровенное кольцо. — Давай. Побудь немного настоящим мужчиной.

— Что я должен для этого сделать? — спросил Лаки, тщательно выговаривая слова, и попытался отобрать свою кружку.

— Трахни ее! — заорал Эрлиг.

— Это невыполнимо, — засмеялся Лаки. — Брат, сними с меня это…

— Извращенец! — обругала его женщина.

— Вот-вот, — из-под стола высунулась голова второй, с размазанной губной помадой на лице, напудренном до такой

степени, что почти исчезли синяки под глазами. — Брал бы пример со своего дружка.

— А он просто не умеет, — подсказал Эрлиг. — Его в детстве не научили…

Обе шлюхи противно рассмеялись.

— Нам пора ехать, — сказал Лаки, содрогаясь.

— А может, он не может! — донеслось из-под стола. — Иди лучше сюда! Посмотри только, что за конец у этого парня! Ты такого еще не видела!

Эрлиг гордо поглядел на Лаки и приосанился.

— Скучаешь по своей ведьме? — спросил он, щуря близорукие глаза. — Я тебя не понимаю.

Она же — человек! Такая же девка, как эти… О да, крошка, вот так!..

— Что ты сказал? — переспросил Лаки.

— Да не слушай ты этого идиота! — засмеялась та, что сидела у Страйка на коленях, обращаясь к Эрлигу. — Он же ничего не понимает!.. Он еще жалеть будет!..

— Я сказал, что твоя подружка — такая же, как и все человеческие бабы! — проорал Эрлиг Страйку в лицо. — Стопудово, Трайтор драл ее каждый день!

— Но ему никто не даст, — послышалось из-под стола. — Котик, это твой последний шанс…

Вскочив, Лаки перевернул на Эрлига стол. На какое-то мгновение того накрыло столешницей, бабы с визгом разлетелись в разные стороны. Лаки хотел припечатать Эрлига сверху, но тот, опередив, в прыжке достал его подвернувшимся под руку стулом. Лаки рухнул прямо в кучу танцующих рейдеров, те расступились, и Эрлиг налетел на него всей своей мощью.

— Из-за бабы, да?.. Своего лучшего друга, да?.. — приговаривал он, нанося удары. — Из-за какой-то бабы?!.

Стул разлетелся в щепки, Эрлиг продолжал молотить своего противника кулаками, до тех пор, пока у того не зарябило в глазах, но потом кто-то из рейдеров вложил в слабеющую руку Страйка нож, и картина резко изменилась. Лаки ударил Эрлига в бок, ему удалось скинуть с себя здоровенную тушу блокатора и встать. Кровь заливала Страйку глаза, он почти ничего не видел.

Эрлиг с надрывом стонал, ползая по полу и зажимая ладонью рану.

— Не делай вид, что тебе больно! — Лаки изо всех оставшихся сил пнул его в живот. — Вставай!

Эрлиг вспомнил про болевую блокаду, начал подниматься, но поскользнулся в луже собственной крови и грохнулся на спину. Лаки нанес ему несколько ударов по коленным чашечкам в

надежде обездвижить боевого монстра. Эрлиг вывернулся, перехватил его стопу, и, резко крутанув, уронил Страйка на пол, так что у того практически не осталось никаких шансов. Эрлиг наклонился, поднял Лаки и швырнул его об стену, где неожиданно оказалось окно, закрытое пластиковым ставнем. Ставень не выдержал, стекло лопнуло, Лаки в ореоле осколков рухнул в размытую грязь. Эрлиг вышел вслед за ним, схватил за шкирку и поволок куда-то в пелену шторма.

— Что ты делаешь? — простонал Страйк, его мутило от выпитого спирта и полученных ударов.

Порывы ветра сбивали с ног, но Эрлиг упрямо тащил его вперед.

— Эй! Ты слышишь меня? — на этот раз голос Лаки звучал уже громче.

— Я хочу тебя убить, — пояснил свои действия Эрлиг, не прекращая движения.

— А что потом?

Блокатор задумался, разжал пальцы. Лаки упал лицом в лужу, захлебнулся грязной водой. Эрлиг навесил ему еще пару раз и присел на корточки рядом.

— Что потом? — переспросил он. — Потом я угоню мотоцикл и буду ехать только вперед, пока не забуду про все это дерьмо.

Только сейчас до Эрлига дошло, что он теряет кровь, и он, стянув с себя футболку, порвал ее на лоскутки и начал заматывать себе живот. Лаки утвердился на четвереньках, кое-как поднялся на ноги.

— Я думаю, нам действительно пора.

— Я тебя ненавижу.

— Взаимно.

— Я не пущу тебя в свою машину. Ты весь в грязи.

— На себя посмотри.

Когда они проходили мимо «Соплей», разбитое окно было уже загорожено столешницей, а из помещения доносился гул — рейдерская команда продолжала играть свою ненормальную музыку. Они забрались в машину и посмотрели друг на друга.

— Извини, — сказал Эрлиг. — Что-то нашло на меня. Дать тебе аптечку?

— Ты тоже меня прости.

— Это все шторм. Радио вот не работает… Как ты думаешь, Туакану уже смыло?

— Мне кажется, я знаю, где она.

— Туакана? — хмыкнул Эрлиг.

— Эль. — Лаки поглядел ему в глаза и повторил:

— Я знаю, где ее искать.

— Весь мир сошел с ума, — тяжело вздохнул Эрлиг. — О Темный Папа… Ладно, поехали!

РИЧИ ТОКАДА — 4

Вначале была тьма.

Если кто-то думает, что существует рай — это неправда. Тьма — это не сон и не забвенье. Тьма не бывает милосердной. Когда сознание начинает распадаться, она поглощает его, и тогда ты становишься эфиром. А потом материализуется Ад. Тьма — это мост между двумя мирами — плохим и очень плохим.

Я стоял на пороге бездны и стучал в открытую дверь. Если боль можно назвать существованием — да, я существовал. Тьма колотилась, как сердце, поле эфира сжималось до точки и расширялось до беспредельности, и все это было мной. Я собирался шагнуть в адское пламя, чтобы прекратить это безумие.

Ад существует, и это правда. Ад находится совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки. Ад — это не столько боль, сколько осознание боли. Он страшен тем, что милосердная смерть, приносящая короткие секунды анестезии, не придет и не щелкнет выключателем. Он вечен, и он делает вечным тебя.

Боль медленно отступала, и мне удалось открыть глаза. Правда, долго не удавалось сфокусировать взгляд. Потом я осознал, что смотрю в потолок. Я лежал на чем-то твердом и холодном, скорее всего, это был бетонный пол. Меня посетила мысль, что было бы неплохо повернуть голову и посмотреть на что-нибудь еще. Я попытался воспроизвести одно из ментальных упражнений, которым научил меня Лаки. Я пока не знал, что с моим телом, могу ли я двигаться, и что вообще происходит, я осторожно начал вдыхать, но поперхнулся и забился в припадке дикого кашля. Мне казалось, что мои легкие вот-вот вылетят наружу. Потом спазмы прошли. Потом вообще все проходит, надо только набраться терпения и ждать. Сознание услужливо отключилось.

Кажется, я приходил в себя несколько раз — ведь каждый раз потолок освещался по-разному… или мне так казалось? Кто-то подходил, стоял надо мной, и тогда я просил, чтобы он забрал меня, думая, что это — смерть. Я не умер и не сошел с ума, и однажды мне удалось поднять голову и осмотреться.

Я лежал на полу, рядом с железной полкой кровати. Мое тело было все еще парализовано, но пальцы уже могли шевелиться. Что именно у меня болело, я не понимал — настолько мне было плохо. А еще я не испытывал и тени страха.

Это открытие настолько поразило меня, что сердце застучало быстрее. Я вспомнил слова Лаки насчет того, что единственный способ прийти в себя после выстрела парализатора — это

движение. Сердце должно работать как можно быстрее. Или он этого не говорил?.. Чем больше я дергался, тем легче мне становилось. Внутри моей головы носился поезд. Рельсы были надежно замкнуты в кольцо.

Я пытался построить ответвление, чтобы поезд уехал куда-нибудь еще, и постепенно что-то получалось. Теперь сердце колотилось настолько быстро, что становилось жарко. Сведенные судорогой мышцы расслабились, я начинал тонуть в липкой трясине поля. Холодный пол казался мне спасением. Кажется, я катался по нему, ускоряя темп, пока меня не подбросило серией спазмов.

А еще я с кристальной ясностью понимал все, что происходит. Поезд уезжал. Рельсы распадались. Вагоны с грохотом рушились под откос. Я бился головой об пол, меня подбрасывало, переворачивало, я слышал собственный беззвучный крик.

Когда первая волна прошла, моя одежда была мокрой от пота. Неожиданно все встало на свои места, и я вспомнил то, что нам говорили про парализаторы в лицее. Это оружие люди придумали сначала против себя самих, оно считалось щадящим. Оно даже не отключало сознания, просто лишало человека возможности двигаться, и после часа или двух, в зависимости от дозы воздействия, паралич проходил. Потом его опробовали на эмпи. Результаты потрясали. Если эмпи переносили огнестрельные и ножевые ранения с невероятной легкостью, выстрел из парализатора грозил летальным исходом, отправляя прямо в Ад.

В моем мире больше не было ни времени, ни пространства. Несколько раз кто-то приходил, и что-то менялось, возможно, меня кололи различными препаратами, я просто не помню этого. Реальность вернулась далеко не сразу. Я осознал себя в той же комнате, с тем же потолком и решеткой вентиляции вместо окна. На точно такой же полке у противоположной стены я заметил Страйка.

Сначала я решил, что он мертв, но потом вспомнил, что, вроде бы, он даже дрался с федералами, и ему, соответственно, начислили больше. Стабилизация у него даже не думала начинаться. Он пребывал в глубоком обмороке. «Вот и поглядим, на что это было похоже», — с некоторым удовлетворением подумал я. И завертел головой в поисках скрытых видеокамер. Ничего такого, естественно, не было видно, но это действие утомило меня настолько, что я провалился в сон.

— Что со мной? — хрипло спросил Лаки, уже в четвертый раз. Сначала, когда все еще только начиналось, я терпеливо

затаскивал его обратно на полку. Потом конвульсии накатывали снова, он падал, и тогда я решил, что ему будет удобнее на полу. Сперва я еще пытался сдерживать рывки его тела, но это отнимало слишком много сил. Меня вырубало. Я сидел, привалившись к стене, и если бы не Лаки, голову которого я поддерживал, я бы точно замерз — стена была ледяной.

Потом Лаки наконец-то потерял сознание, можно было не опасаться того, что он размозжит себе голову об пол, и я залез на полку. Уже дважды ставень раздачи поднимался, и на подоконнике появлялась кружка воды. Признаться, у меня даже не возникало и мысли поделиться водой с другом, настолько мучительной была жажда. Стабилизация у Лаки пока не началась, и этим я объяснял тот факт, что никто не торопится ему помогать, как, к примеру, мне, потому что на своем локтевом сгибе я насчитал восемь следов от инъекций. А к нему никто не приходил и не делал никаких спасительных уколов. Лаки опять вырвало, он хрипло застонал.

— Что со мной… мать вашу…

Я отвернулся к стене, чтобы скрыть улыбку. Лаки Страйк не собирался сдаваться. В редкие моменты просветления на него накатывала ярость. Его швыряло из одного состояние в другое, все чаще и чаще. Пока что ему было хорошо.

— Шевелись, — сказал я. — Двигайся. Ты сможешь.

Он что-то прохрипел. Скорее всего, какое-то ругательство. Я заложил руки за голову, закрыл глаза и представил себе, что лежу в траве и гляжу в синее безмятежное небо, с идиотскими кучерявыми облаками… Дьявол! Но где же мы прокололись, где? Федералы вели себя так, будто заранее обо всем знали. Они ждали нас, пока мы, как идиоты, лазили туда-сюда. Здесь было всего два варианта. Либо они вышли на нас сами, после всей этой эпопеи с животными, либо «Истоки» были не просто водоочистительным комбинатом. И второй вариант от чего-то не казался мне безумием. Лаки, козлина, куда же ты меня притащил… А Ритка, вспомнил я вдруг, глупенькая Ритка, которая так любила Лаки и делала такой обалденный… Я вздохнул. Когда я, интересно, подержусь руками хоть за какую-нибудь женщину?..

«Они тебя убьют, — резанула вдруг мысль. — Как он говорил? «Двойная смерть»? А женщины будут только в следующей жизни. Скорее всего, Ритка уже умерла. Странно, ведь еще вчера…»

Я будто наяву увидел стол в своей гостиной, а на столе — блюдо с Риткиными пирожками. Вчера… Я знал, что прошло уже достаточно времени, а думал о своей жизни, как о вчерашнем

дне. Вчера и сегодня. Два совершенно разных мира. Все заморочки с Кулом, все страхи, все надежды показались мне просто смешными.

— А у тебя был выбор? — спросил меня Добрый Герой, косоглазый персонаж из детских комиксов «Спасти планету». — Еще до татуировок? Еще до первого убийства?

— До встречи с Лаки — да, был, — ответил я. Добрый Герой напоминал меня самого, того Ричи Токаду, каким я всегда мечтал стать. Он прищурил нарисованные глаза, глядя на меня с усмешкой.

— Ты приобрел гораздо больше, чем потерял.

И тут я увидел себя самого — толстенького бредмена Ричи, в дорогом костюме, с целым рюкзаком товара и пачкой денег в кармане.

— Я потерял все, — сказал я ему. — Я приобрел смерть.

— Ты приобрел цель, — нахально улыбнулся мультяшка. Толстый Ричи плюхнулся на задницу и заревел. Добрый Герой двинул ему с ноги в челюсть и начал прыгать у него на брюхе, как на батуте: — Задави в себе слабость, пока она не схватила тебя! Вот тебе! Вот так! И вот так!..

Неожиданно я стряхнул морок и поднял голову. У меня была температура, но это я отметил вскользь. Лаки бился на полу, его крутило так, что он запросто мог себе переломать все кости. Я дотащился до него, прижал за плечи к полу. Он был горячим, как уголь. Это было самое начало стабилизации. Я подскочил к двери, собираясь позвать на помощь — и остановился с поднятой для удара рукой. До меня неожиданно дошло, что им вовсе не нужны показания нас обоих. Наркотик правды класса «подавление» давал стопроцентную гарантию правды. Им хватит меня одного. Так как мы, в принципе, обречены, никто не будет спасать Лаки Страйка. Кроме Ричи Токады. Они наблюдают за нами. Они видят, что Лаки умирает. Они знают, что ему не пережить стабилизации без препаратов.

Лаки закричал от боли, и у меня все похолодело внутри.

— Давай. Решайся, — сказал мне Добрый Герой. — Не смотри на него. Вперед!

Я повернулся к двери спиной. Посмотрел на стену. До нее было каких-то пять шагов, но этого хватало. Интересно, они уже поняли, что я задумал? Я помедлил, давая им возможность насладиться торжеством на моем измученном лице.

— Ну и черт с ним… — почему-то было последней мыслью.

А дальше я разбежался и влетел в стену головой.

Ледяной ветер пробирал до костей, скользкий бортик крыши отвлекал слишком много внимания. Дарэк легко взмахнул рукой,

еще больше искажая поле, и меня качнуло в сторону пропасти. Я судорожно всхлипнул от страха, кое-как сохраняя равновесие, и лишь тогда услышал обидный смех друзей Дарэка.

— Толстый, небось, приссал! — кричали они наперебой. — Приссал, да? Приссал?..

Дарэк был выше меня на полголовы и гораздо шире в плечах, а еще он отлично дрался. И уж точно не знал, каким липким может быть страх, когда стоишь вот так на краю пропасти, скользя по заледеневшей полоске металла. Дарэк играл со мной вот уже целую вечность, с начала этой глупой, невероятно глупой дуэли, в которую я черт знает как ввязался и только теперь начинал понимать, что все это было ловко спланированной подставой, от начала и до конца. Дарэк насмешливо улыбнулся. Его глаза всегда пугали меня. Он постоянно смеялся надо мной, обзывался, пинал и унижал меня перед всем потоком, и я терпел все это. Потому что не мог смотреть ему в глаза.

Как-то раз Джинго попросила меня достать для нее древние комиксы «Спасти планету», где Добрый Герой с таким же генотипом, как и у меня, раз за разом расправляется с толпами инопланетных чудовищ. В конце каждой серии его обычно убивали, но он всегда возвращался назад, все более и более навороченным. Джинго я соврал, что сделка сорвалась. Добрый Герой действительно стал моим лучшим другом, потому что был таким же, как я. И вот этот долбанный Дарэк, эмпировав меня, узнал про Доброго Героя и попросил через своих знакомых за тройную цену сговориться со мной о продаже комиксов. А потом устроил цирк на большой перемене.

Такого массового унижения я не испытывал никогда. Я вовсе не винил собственную гипертрофированную жадность, заставившую продать меня своего лучшего друга, пусть и нарисованного. Я ненавидел одного Дарэка. И я в порыве праведного гнева вызвал его на ментальный поединок, прямо перед всеми.

Не знаю, было это на самом деле или нет. Кажется, было. Мне часто снилось, что я падаю с крыши, и тогда я просыпался от собственного крика, но Добрый Герой никогда не приходил ко мне с тех пор, как я предал нашу с ним дружбу. А сейчас он пришел. Он стоял напротив меня, на лицейской крыше, и он был так же реален, как я.

— Ты чудовище, — сказал он мне, прищурив нарисованные глаза. Длинный белый шарф Дарэка на его шее развивался от порывов холодного ветра. — Ты чудовище и ты умрешь.

В его голосе звучало сожаление.

— Я чудовище, — согласился я. Он принял боевую стойку. До

меня вдруг дошло, что мы сюда пришли драться полем, а он собирается просто взять и избить меня.

— Так нечестно! — крикнул я.

— С чего ты взял? — рассмеялся он. — Ты не умеешь драться? Какая тебе разница, как умирать?

— Я умею драться! — неожиданно разозлился я. — Лаки научил меня…

— Лаки?! — он хохотал, балансируя на одной ноге. — А ты уверен, что Лаки реален? Что ты не придумал его, как меня или себя? Ты уверен, что Лаки — твой друг? Как ты влез во все это говно?

Уж не с его ли помощью? Что ты вообще знаешь про этого Лаки?..

— Замолчи! — мои кулаки сжались сами собой.

— Или что? — тут же спросил он. — Или ты убьешь И МЕНЯ?..

Я отчетливо увидел удивленное лицо Дарэка, запрещенные воспоминания были готовы обрушиться точечным ковром, но неожиданно я успокоился, отыскав спасительную дверь. Я прятался здесь всегда, когда мне было больно или страшно.

Это был мой мир, сжатый до размеров отсека подводной лодки, с защитными пентаграммами на стенах, место, где никто не мог меня достать. Я уходил сюда всякий раз, когда мне грозило что-то действительно страшное. Но сейчас ощущение чужого присутствия не покидало меня. Мне не было покоя даже здесь. На стене я увидел зеркало, которого там не было никогда раньше, а из черной глубины на меня смотрел Добрый Герой.

— Подойди ближе, — приказал он. — Я передумал убивать тебя. Я помогу тебе. Ты не должен меня бояться. Ты должен верить мне. И мы вместе спасем этот мир.

К началу зимы, когда им все же удалось вытащить меня из спасательного отсека, я неожиданно вспомнил все, что произошло, и поразился полному отсутствию каких-либо эмоций. Меня держали в больничном изоляторе, со мной никто не общался, но зато никто и не допрашивал, и вообще я не знал, что и думать, когда заставлял себя думать о серьезных вещах. В остальное время я грезил, глядя в потолок. Не помню, чтобы меня тревожил предстоящий суд, я не думал ни о смерти, ни о том, жив ли Лаки Страйк, ни о чем-то еще. Я просто впитывал белый свет всеми порами своей кожи.

Потом начался процесс, который длился около недели. В зале суда я столкнулся с живым и здоровым Страйком, и лишь щиты депрессии помогли мне сдержать невероятную радость. Я снова был не один. Мы встретились взглядом лишь на секунду, и я

увидел, как где-то в глубине его глаз, за точно такой же маской, полыхнула молния. И погасла, оставив пустоту. В зале не было ни одного Высшего, никто ничего не заметил.

Все присяжные оказались людьми. Закрытые процессы отличаются от нормальных тем, что никто ни о чем не спрашивает ни подсудимого, ни его адвоката. Все решается без их участия, на основании протокола допроса. Раньше было, наверное, иначе, но «Сыворотка Правды» изменила процедуру суда, сделав ее справедливой. Двенадцать присяжных, замирая от ужаса, глядели на экран, на котором грифон терзал лицо мертвого человека. Я не сомневался: что они потребуют нашей смерти. Но мне было все равно. Все время, пока они смотрели материалы дела, я глядел в пол. И когда суд удалился на совещание, я все так же сканировал пол. И когда меня попросили встать, чтобы выслушать приговор, я послушно поднялся, не отрывая взгляда от пола. Беспокойство даже не шевельнулось в моей душе. Доспехи депрессии делали меня неуязвимым. Приговор был предельно мягким. Поскольку по закону мы считались несовершеннолетними, нас отправляли на Комбинат Принудительного Труда номер шестнадцать, где нам предстояло работать до достижения двадцати одного года. В день совершеннолетия нам должны были подарить двойную смерть.

Так себе подарок.

Пустые пространства всегда завораживали меня своей потрясающей силой, особенно в сумерки и пасмурные дни. Был пасмурный вечер, тяжелые снежные тучи ползли над бетонным полем глайдрома, откуда нас увозили в Семерку.

— В машину! — приказал охранник в коповских очках и несильно ткнул меня в спину прикладом парализатора. Мы по очереди залезли в армейский «дафт», гроб которого темнел на фоне летящих очертаний двухместных глайдеров, и заняли места вдоль стен. Нас приковали наручниками к металлическим креслам, что, в принципе, было излишним, так как из того, что мне удалось услышать, я понял, что нас считают полными дебилами. Подавление класса «А», безвредное для людей (многие из них, говорят, даже торчат на этой дряни), в случае с эмпи всегда приводит к катастрофе. Эмпи можно списывать, так как для ментальных разработок он становится совершенно непригоден. Говорят, раньше это применялось в программах, как очищающий вирус, но препарат запретили из-за сумасшедшей летальности. Не знаю, можно ли к нему привыкнуть, но подозреваю, что да — вырабатывается же у людей зависимость от этой гадости. Так или иначе, я чувствовал себя довольно сносно. Охранники как раз говорили обо всем об этом.

— Все верно, — гудел очкастый. — Чудовища должны быть под контролем. Я вообще этого всего не понимаю. А природу спасать уже поздно. Но уродам разве такое объяснишь?.. Из-за каких-то птичек… Тьфу! Жаль, что им мозги прокипятили. Попали бы к нормалам, так лучше не придумаешь! За все ответили бы сполна!

— Да ладно тебе, — отмахнулся молодой. — Тебе-то что за дело? Овощи, не овощи, самое страшное для них уже произошло. Мозги-то тю-тю!

— У тебя у самого, — проворчал очкастый, — мозги тю-тю. Ты видел эти кадры? Думаешь, они ответили? Думаешь, ответили, да? Да, ответили? Скажи, ответили?..

Они принялись ругаться, потом заткнулись, начали клевать носами и, наконец, уснули. Я осторожно поднял взгляд. Страйк не утратил своих способностей оператора, он по-прежнему мог пользоваться полем. Именно тогда я впервые задумался, что же за блоки поставлены у этого парня.

Подавление класса «А» он перенес, как укол глюкозы.

«Дафт» набирал высоту. Под нами проплывали гранитные скалы Тройки, озера Четверки, трущобы Пятерки, а в Шестерке я даже и не знаю, что есть. И уже никогда не узнаю.

Лаки спал, уронив голову на грудь. Он здорово похудел, и вообще херово выглядел, так же, наверное, как и я. От однообразного гудения двигателей затягивало в сон, очень скоро я уснул и проспал до самой посадки безо всяких сновидений.

Гигантская свалка отходов со всего Стад-Рэя, разбитая на квадраты и обнесенная железными заборами, просто поражала аурой безнадеги. Уродливое здание Комбината было видно еще с посадочной полосы глайдрома, куда нас привезли. Единственная дорога вела именно туда. Черные точки мусоросборников расползались из серого куба в разные стороны. Из высокой трубы Комбината валил едкий дым. Я заметил, что охранники тут же нацепили респираторы.

— В машину! — снова приказал очкастый.

Стены отчаянья, такие же бетонные, как заборы вдоль дороги, придвинулись вплотную. Этот пейзаж должен был стать последним из всех, которые я когда-либо видел. КПТ надвигался, вырисовывались все новые детали. Такие, как мочалка колючем проволоки, свисающая с забора, или серые лица обитателей этого Ада, провожающих нашу машину безразличными взглядами…

На куче слежавшегося мусора недалеко от входа лежало мертвое тело, а над ним стояли двое охранников и эмпи в штатском с открытой консолью. Машина остановилась. Эмпи заглянул в кабину, что-то сказал шоферу. Я не услышал ни слова

— перегородка из бронепластика гасила звуки, но мне очень не понравился взгляд, которым этот эмпи рассматривал сначала меня, а затем

— Страйка.

— Иго уже здесь, — сказал очкастый второму. — И, кажется, не в духе.

— Да… — протянул тот. — Ладно, подождем до вечера. Ну его к дьяволу…

Лаки равнодушно глядел через прозрачную перегородку вперед, на заснеженную дорогу. Скоро своды КПТ сомкнулись над нами. Машина въехала на территорию объекта, и мне, наконец-то, сделалось страшно.

Охранники вручили сопроводительные документы коменданту КПТ и он отпустил их. На нас он взглянул дважды — когда сличал фотографии досье и когда прочитал, по какой теме мы сюда заехали. Я устал стоять, мне было плохо. Потом пришел эмпи в штатском, Иго, как назвал его очкастый, и вокруг сделалось очень неуютно. У меня задрожали колени, я ощутил нарастающее давление в центре живота, когда он медленно обходил вокруг нас.

— «Экотерра»! — хохотнул комендант. — Обалдеть! Вот уроды!

Кажется, Иго поморщился.

— Ладно, куда их? — комендант кинул в рот мятную пластинку, задвигал челюстями.

— В десятый блок, — пожал плечами Иго, сканируя нас с головы до ног.

— Думаешь, они все еще опасны? — прочавкал комендант.

— Они опасны по определению, — ответил Иго. — Я бы по-быстрому постарался их слить.

— Они дети, — возразил комендант.

— Они эмпи, — бросил Иго. — Впрочем, как знаешь.

— Общий режим, — пробормотал комендант, вглядываясь в распечатку — Подавление личности… Двойная… Хм… Очень хорошо. И куда мне теперь их девать? Они хоть смогут держать лопату?

Иго остановился напротив меня, поднял мое лицо за подбородок. Я заставил себя ни о чем не думать. От его поля исходил жар.

— Что? — спросил у него комендант.

— Показалось, — фыркнул Иго, прошелся до стены и оттуда неожиданно приказал нам:

— На колени!

Мы остались стоять. Я просто не знал, как мне реагировать. Я

никогда не сталкивался с овощами и боялся переиграть. Пошла волна. Сначала заложило уши, потом скрючило живот.

— На колени, — повторил Иго.

Я держался на ногах из последних сил. Лаки поступил проще. Он в корчах рухнул на пол и заколотился в припадке. Ошарашенный этим, я все же встал на колени, смиренно глядя в пол.

— Иго, как же тебе нравится цирк, — укоризненно произнес комендант, после чего сказал невидимой охране:

— Заберите их!

Через пару минут вошли дежурные и поволокли меня и Страйка вон из кабинета.

— Отведите их в душ, — попросил комендант вдогонку. — А потом — в десятый блок.

Нас привели в душ и загнали под ледяные струи, где мы бестолково вертелись. Потом Лаки заныл, что ему холодно. Но мы не сделали и шага, чтобы выйти из кабинок по собственной воле. У зомби не может быть инициативы. Никакой. Один из охраны, услышав жалобы Лаки, выдернул его из кабинки и швырнул об стену.

— Заткнись!

— Брэдли, оставь его, — сказал второй.

— Ты смотри, какая тварь! — Брэдли разглядывал голое тело Лаки, лежащее на полу. — Весь в шрамах, зараза! «Экотерра» не прощает!.. Ты на своем месте, приятель! — заорал он Лаки в лицо. — В душ, собака! — и он начал заталкивать Лаки под воду ногами. Я был уверен, что Страйк все это делает ради Иго. Когда мы посинели от холода, нам позволили выйти и одеться. Я чуть было не совершил ошибку, потянувшись за полотенцем, и мысленно обругал себя. Здесь мне придется контролировать каждое движение, пока они не утратят бдительность. И неизвестно, когда мне удастся поговорить со Страйком.

— К стене!

Иго обязательно просмотрит эту запись. Что ж… Игра началась. Интересно только, какой уровень у этого Иго?

— Пошли, ублюдки!

В коридоре было тепло и светло, и почти не воняло мусором. Здесь не было решеток, не было силовых полей. На нас были надеты специальные тапочки, и мы передвигались бесшумно, как тени. Раздавались только шаги охраны. Нас привели в помещение, где вдоль стен в два ряда висели полки, такие же, как в изоляторе. И оставили одних. Краем глаза я заметил, как Лаки падает на пол. Молодец. Выбор спальных мест дал бы Иго повод задуматься, все ли сделанно верно. Я скорчился на полу. Меня

трясло. Так мы пролежали до вечера. Вечером вернулась смена зомби, и кто-то отвел нас на наши места.

Теперь я до конца понял, что имел в виду Лаки, когда говорил про паранойю — когда-то давным-давно. Я знал, что Иго наблюдает за нами. Эта дрянь что-то почувствовала. Он был старше и опытней, и, скорее всего, его специализация была такой же, как у Лаки. Это пугало меня. Преподаватели в лицее, если и были Высшими, то тщательно скрывали это. Они лишь рассказывали нам про ментальное поле, но никогда не учили, как им пользоваться. С прямым взаимодействием я не сталкивался до сих пор, а если и сталкивался, то ничего об этом не помнил.

Мне была необходима поддержка Лаки, мне было плохо и страшно, но поговорить с ним не представляло никакой возможности из-за скрытых видеокамер постоянного наблюдения. Я проворочался на неудобной полке все ночь, слушая вздохи и стоны овощей, окружавших меня.

Утром нас подняла сирена. Серые бездушные лица зомби били по натянутым нервам. Я чувствовал полный упадок сил. Лаки даже не взглянул на меня, когда нас повели на расчистку.

Я отметил, что черные комбинезоны смертников со светящимися кругами мишеней на спине и на груди были только на нас двоих, остальные шли в обычных серых ватниках. Не знаю, были среди них эмпи или нет, может, когда-то и были, но общий фон заставлял меня содрогаться от отвращения. В безликой массе не было разума вообще. Просто какой-то водоворот протоплазмы.

Нам выдали лопаты и погнали, как скот, за ворота. Холод пробирал до костей. Я усердно махал лопатой, желая согреться, но Лаки взглядом остановил меня, кивком указав на остальных. Все вокруг работали еле-еле. Иногда кто-то из них отходил в сторонку покурить, может быть, те, у кого еще остались привычки. Я оглянулся на охрану. Двое копов в респираторах разливали водку по пластмассовым стаканчикам. Лаки потянул меня за рукав, указал на полузаваленный мусором остов фундамента. Мы побрели туда, прихватив лопаты.

— Если ты еще хоть раз встанешь перед кем-то на колени, я сломаю тебе все кости, — тихо проговорил Страйк. Я вздрогнул от радости, услышав его голос. Он повторил эту фразу еще раз, видя, что до меня не доходит смысл сказанных слов.

— А что мне оставалось делать? — удивился я, стуча зубами. Он пожал плечами, затянулся сигаретой, отнятой у кого-то из овощей.

— Что хочешь. Падай, бейся головой об стены, это у тебя получается лучше всего.

Я улыбнулся, дотронулся до шва на голове. Интересно, как он

узнал?

— И не улыбайся, — прибавил он. — Никаких эмоций. Запомнил?

— Для чего тебе это надо? — удивился я.

— Какой же ты идиот! — Он поглядел на меня с сожалением. — Ты так быстро сдаешься, что это пугает меня. На, покури лучше!

Он протянул мне сигарету. Я закурил. Я хотел спросить, что он задумал, но боялся сказать что- нибудь не то. Мы курили молча. К концу сигареты я от холода не чувствовал собственных ног, зубы выбивали дробь.

— Что это с тобой? — поинтересовался он, заметив мое состояние.

— Мне холодно, — пожаловался я.

— Это так важно для тебя? — удивился Лаки. — Ладно. Пошли.

Мы вернулись к расчистке и работали до вечера, пока окончательно не стемнело. Потом нас погнали назад, сначала — в столовую, где накормили помоями, а потом — обратно в блок. Там я наконец-то упал на свою полку и накрылся одеялом с головой, чтобы никто не увидел моих слез.

Так прошло несколько дней. Я провонял помойкой настолько, что этот запах стал обычным для меня. Я даже научился есть то, чем нас кормили. Я верил, что Лаки придумает, как нам выбраться отсюда, но прошлой ночью ко мне опять пришел Добрый Герой, и я понял, что действительно начинаю сходить с ума. Может, Лаки что-то и придумает, но как бы не оказалось слишком поздно.

Все разрешилось само собой, как всегда. В один из дней мы отошли к фундаменту перекурить, и ветер неожиданно донес до нас запах гари. Мы посмотрели друг на друга, обошли фундамент и увидели чадящий костер. И сгорбленную фигуру в сером ватнике, греющую над огнем руки.

Вернее, не руки, а то, что от них осталось. Не знаю, как этот парень держал лопату, воткнутую рядом с костром. Мы подошли поближе. Мягкие сумерки скрадывали километры слежавшегося мусора, равнина снова стала равниной, заметенной снегом. И не более того. Костер почти не давал тепла, мы буквально влезли в него, и тут существо в ватнике подняло голову. Лаки пару секунд напряженно вглядывался в его черты, потом вскрикнул, как от боли и отшатнулся. Его реакция ввергла меня в шок — обычно Страйк оставался бесстрастным, что бы ни происходило. Я присмотрелся к существу более внимательно.

— Мэлрик? — выдохнул Лаки, встряхивая его за плечи. —

Мэлрик! О, нет…

Он взял его изуродованные кисти и сжал их. Существо под названием Мэлрик глядело на него откуда-то из черных провалов глазниц. Страйка начинало трясти. Он беспомощно взглянул на меня, в его глазах стояли слезы.

— Это Мэлрик, — хрипло сказал он. — Лучший гитарист из всех, кого я знал. Он играл лучше всех. Даже лучше Экстры. Смотри, они стерли его музыку и его самого…

Он прижался лбом к голове Мэлрика и что-то тихо заговорил. Я огляделся. Только охранников нам сейчас и не хватало! Лаки постоянно твердил мне про конспирацию, но сам при этом вел себя, как хотел!..

— Подойди, — попросил меня Лаки. Я уселся напротив них, вглядываясь в лицо Мэлрика, но увидел лишь пустоту.

— Он был когда-то эмпи. — Лаки обнимал его за плечи, и Мэлрик непонимающе глядел то на него, то на меня. — Он был совершенно безумен, иначе не скажешь. Он играл так, что переворачивал залы. Мэл, ты смог бы сыграть для меня? Мэл? Это я, Лаки Страйк! Ты помнишь меня? Помнишь Экстру, «Нет Прощения!», Эрлига, Найка? Мэл!..

«Что он такое говорит?» — не понимал я. Лицо Мэлрика пришло в движение, по нему пробежали эмоции, как рябь по поверхности воды. Я ощутил, как эфир слегка вздрогнул, расходясь волнами.

Мэлрик закрыл глаза. Взял невидимую гитару, подкрутил колки и прошелся по струнам.

— Лаки, зачем… — прошептал я, желая спросить, зачем он издевается над этим парнем, но он посмотрел на меня с такой яростью, что слова застряли у меня в горле.

— Играй! — сказал ему Лаки. — Сделай их всех!

Мэлрик тяжело вздохнул, расправляя плечи. Встряхнул гривой волос, которая была у него когда-то давно, в другой жизни, и где-то зазвенела струна, глубоко внутри моего восприятия. Я замер. Я не слышал звуков, этого и не могло быть, но музыка играла у меня в голове, все громче и громче. А потом я увидел мир глазами Мэлрика.

Я стоял на сцене, закручивая поле и обрушивая его на беснующийся зал. Ко мне тянулись нити предельных эмоций, я вбирал их в себя и отправлял обратно, я чувствовал водоворот бушующей страсти и управлял им по своему желанию, подводя толпу к предельной точке, за которой обычно следуют массовые драки и ночные погромы. Я был творцом, темным богом безумия, и я играл на этом безумии, как на гитаре. Но иначе я не мог.

И одновременно я находился там, в зале, окутанный

взорвавшимся полем.

Мусорная равнина, постоянная угроза расправы, неопределенность унылого будущего — все перестало существовать для меня, пока я слушал его, этого демона в ореоле разметанных длинных волос, пока я глядел в его светящиеся глаза — там, на концерте, который ему так и не удалось забыть. А когда я заставил себя отползти от костра, спасая остатки разума, и снова поглядел на Мэлрика, Мэлрика больше не было. Сумерки сгустились, тени огня скользили по лицу Доброго Героя, который, улыбаясь, глядел на меня.

Мое дыхание остановилось. Я был уверен, что если он сейчас позовет меня, моя личность умрет навсегда, конечной смертью, но он молчал. И Лаки тоже молчал. По его лицу катились слезы, и это вернуло меня назад. Я видел, как он борется с собой. Взаимодействие закончилось, Мэлрик повалился на спину, подставляя падающему снегу свое безжизненно-пустое лицо. Лаки резко встал, пристально глядя на него. Потом, видимо, решившись это сделать, наклонился над ним, взял его одной рукой за затылок, второй — за подбородок, и остановился, не в силах выполнить всего лишь одного движения.

Эмпи никогда не убьет эмпи. Это — истина из истин, он может убить только случайно, по неосторожности, сбив, например, машиной, но намеренно — никогда…

— Мэл, мне жаль, что я не оказался здесь раньше, — услышал я хриплый голос Страйка. А потом раздался хруст разрываемых позвонков. Лаки поднял на меня глаза, их радужка призрачно светилась. Он тяжело дышал, как и я сам.

— Ты… убил его?.. — выдавил я, подходя ближе. Мэлрик безмятежно глядел на звезды, видимые ему одному.

— Нет, — ответил Лаки так же тихо. — Я освободил его.

Иго набросился на нас, едва мы вошли в помещение десятого блока. Все овощи, работавшие в нашем секторе и попавшие под ментальное воздействие Мэлрика, были напуганы, они не слушались охранников, тупо натыкаясь на стены, и друг на друга, и я надеялся, что никто не обратит на нас внимания, если мы будем вести себя так же. Но Иго считал по-своему. Он поглядел на Страйка и тут же обо всем догадался. У зомби не светятся глаза. Зомби не способен на эмоции, даже самые примитивные.

— Стоять! — крикнул Иго, хватая Лаки за рукав, и заорал на охранников:

— Да загоните же их в блок!..

Те заработали дубинками, овощи потекли по коридору быстрее. Я остался стоять.

— Даже так… — протянул Иго, поворачиваясь ко мне. —

Страйк и Токада… Я так и знал. — он засмеялся. — Я так и знал!.. Ты все же убил его? — спросил он у Лаки. — Как тебе это удалось? А? Кто тренировал тебя? Кто?!

Он схватил его за плечи, Лаки отбросил его руки в стороны, ударил в лицо. Иго полетел на пол, и в тот же миг боль обрушилась на меня вместе с предельным фоном.

— Я все узнаю, — услышал я голос Иго сквозь толщу воды, которая была уже повсюду, вровень с потолком. — Я вытащу из тебя все. А потом с тобой произойдет то же, что и с Мэлриком. Ты, наверное, удивился, увидев рядом с ним лопату? И подумал: «А как же он работает, если у него практически нет рук?», да?

Я застонал. Это действительно было очевидно. Иго прокинул нас, как маленьких детей!..

Страйк засмеялся, и я решился открыть глаза. Лаки свободно стоял напротив Иго, заложив руки в карманы комбинезона, и хохотал. Лицо Иго пошло красными пятнами.

— Я сломаю тебя, — прошипел он сквозь зубы. — Я отправлю вас обоих к нормалам, там любят таких, как вы. Мэлриком они, во всяком случае, остались довольны…

Меня снова накрыло ударом поля, но это был уже не Иго. Не знаю, как я понял это. Я провалился в сон, и Добрый Герой был все ближе и ближе. Потом доски пола вздрогнули от топота тяжелых ботинок. Мое сознание фиксировало все это без какого-либо участия разума. Вероятно, мои глаза оставались все время открыты. Я почему-то запомнил, что Лаки, стоя над поверженным противником, улыбался, когда они стреляли в него парализующими волнами. Потом он упал, прямо на Иго, и тот пронзительно заверещал, выкарабкиваясь из-под бесчувственного тела:

— К нормалам!.. Обоих!.. Немедленно!..

В меня стрелять не стали, просто схватили за шкирку и поволокли по коридору и дальше, под беснующийся отвратительный снег.

К тому моменту, когда железная дверь камеры с лязгом захлопнулась где-то за спиной, я почти пришел в себя. Они втолкнули нас в помещение, практически лишенное света, но я тут же увидел все, что надо. Множество пар голодных глаз глядело на меня с вожделением. Потом я разобрал небритые оскаленные лица нормалов, это были самые обычные уголовники, которым зачем-то оставили мозги, и они уже начинали вставать, гогоча и подталкивая друг друга локтями. Лаки закашлялся рядом со мной. Он не мог двигаться, но мог говорить.

Он посмотрел на меня и сказал мне:

— Убей их!

Добрый Герой занимал слишком много места, и мне приходилось наблюдать за этим со стороны и немного сверху. В комиксах Добрый Герой вел себя точно так же. Он разрывал чудовищ своим гипертрофированным ментальным полем, от чего вокруг его головы всегда крутился нарисованный нимб. Он разбрасывал вокруг себя кровавые ошметки инопланетной плоти, зеленая кровь хлестала на железный пол, но отчего-то это выглядело очень смешным. Кто-то истерично хохотал, перекрывая вопли о помощи, и мне безумно хотелось присоединиться к хаосу веселья, но мое тело больше не принадлежало мне. Когда на крики прибежала охрана, Добрый Герой успел расправиться со всеми нормалами. Кажется, он обрадовался, когда перед ним услужливо распахнулись двери. Элитная форма из бронеткани не помогала против взбесившегося эфира, они умерли, едва успев переступить порог.

Добрый Герой вознамерился покинуть это трупохранилище один, но каким-то запредельным усилием воли мне удалось захватить его внимание и отдать приказ. Добрый Герой послушно наклонился над Страйком, который все это время пролежал на боку, пуская кровавые пузыри, взял его за руку и поволок на свободу. Никто не мешал ему этого делать. Он добрел до стоянки военных машин, выбрал полуторатонный «диабло», почти такой же, как в комиксах. Вырвав дверцу кабины, он зашвырнул туда Страйка, забрался сам, положил на руль обе руки и неожиданно исчез, оставив меня одного. Я поглядел на свои руки. Они все еще светились.

— Ричи?.. — ошарашено спросил меня Лаки. — Ричи, давай, поехали!..

Я послушно повернул оставленный в замке ключ, вцепился в руль, и на меня навалилась тяжесть отходняков. Шкала боли стремительно нарастала, подступая к красному сектору.

— Да поехали! — заорал Лаки, пытаясь пошевелиться. — Вперед!

Добрый Герой исчез, но чтобы вести машину, хватило и меня одного. Выбив ворота, мы помчались напрямик по мусорной равнине, попутно собирая решетки огороженных секторов, скользя по самой кромке яркого света прожекторов и удерживаясь в пределах тьмы.

Потом, какими-то оврагами, нам удалось вырваться на заметенное снегом шоссе, и тут я погнал так, как никогда в жизни, опасаясь лишь одного — потери сознания. И когда я был уверен, что нам удалось уйти, дорогу неожиданно загородил грузовой трейлер с надписью «Нефтетранс» по всему борту, неведомо как оказавшийся здесь.

Я затормозил прежде, чем до меня дошло, что я делаю. Я слишком устал, чтобы бороться до конца. Вооруженные фигуры в бешеном хороводе метели сыпались из кузова и окружали нашу машину, а я сидел, как баран, и ничего не мог с этим поделать.

— Дерись с ними! — закричал Лаки. У меня едва хватило сил, чтобы взглянуть на него. Он все понял и закрыл глаза.

Я ожидал, что на меня обрушится град ударов, но они ничего не предпринимали, просто держали машину под прицелом, и все. Здоровенный детина с добродушным лицом заглянул в кабину, весело подмигнул мне и уставился на Страйка, улыбаясь все шире и шире.

— Это они! — крикнул он кому-то из своих. — Все отменяется! В машину обоих! Осторожнее!

Меня вытащили под снег и куда-то понесли, а потом я почувствовал легкий укол в шею, и мне неожиданно стало хорошо и спокойно.

ЛАКИ СТРАЙК — 4

Месса.

Музыка была живой, но не особенно. Бледная томная девица в декольтированном платье, обнажавшем почти все ребра, раскачивалась, как кобра в трансе, и мелодично шептала:

«Как глупо я себя вела,
Когда курила и пила.
Теперь я знаю это твердо,
Не мыслю жизни я без спорта.
Спорт, спорт, только спорт…"

Ей не хватало лишь наркотической сигареты в призрачных пальцах.

— Спорт! Спорт! Только спорт! — проревел Эрлиг на весь зал, и продолжал как ни в чем не бывало:

— Я в последний раз предлагаю тебе посетить мессу, раз уж пошла такая пьянка!

Пьянка продолжалась уже третий день. Времени, чтобы разыскать Эль, оставалось все меньше.

Лаки укоризненно взглянул на Эрлига.

— Сейчас мы допьем и отправимся дальше.

— А вот и нет, — осклабился Эрлиг. — Сейчас мы допьем и закажем еще. Ты пойми, дружище Страйк, это совсем неважно, отправимся мы сейчас или завтра с утра… Ты же все равно не знаешь, где она находится! — и он громко захохотал. Парочка неподалеку с возмущением поглядела на него и пересела за другой столик.

— Ты ведешь себя отвратительно, — заметил Лаки, ковыряя вилкой салат. — Мне стыдно за тебя.

— Поехали в церковь! — Эрлиг не слушал его. — Там сегодня как раз воскресная месса!

Помнишь это:

«Месса! Месса! Накуримся в мясо!
Черная месса высшего класса!..»

Его рев на время перекрыл музыку.

— Заткнись, пожалуйста, — попросил его Лаки. — На нас уже обращают внимание.

Эрлиг приосанился и помахал рукой привидению на сцене.

— Дружище Эрлиг сейчас разнесет этот чертов кабак, если ты не согласишься! — заявил он.

— Ну вот, началось! — вздохнул Лаки. — Вообще-то мы в ресторане…

— К дьяволу ресторан!

— Тише…

— А что я такого сказал? — Эрлиг снова потянулся за бутылкой семнадцатиградусного вина, и снова у него испортилось настроение.

— Ну как такое можно пить?.. Иэх! — он налил себе в бокал, поставил бутылку на место. Его не заботило, пьет с ним Лаки или нет.

— Дружище Эрлиг забыл, что дружище Трайтор выпотрошит мозги дружище Экстре и дружище Найку, если мы опоздаем, — напомнил Страйк.

— Вот я и собираюсь помолиться за них! — взвыл от смеха Эрлиг.

К ним подошел официант с подносом, на котором лежал счет.

— Это что? — спросил у него Эрлиг.

— Это счет, — объяснил тот. — Вы слишком громко себя ведете. Вы мешаете…

— Ты знаешь, кто я? — осведомился Эрлиг, начиная вставать.

— Хорошо, — Лаки положил ему руку на плечо. — Я согласен. Поехали в твою сраную церковь.

Он расплатился, Эрлиг прихватил с собой недопитую бутылку, и они отправились к машине.

Уже почти стемнело, и мокрый тротуар был залит неоновыми огнями. Монументальные здания центра, подсвеченные со всех сторон, удивляли нелепостью стиля, витрины дорогих магазинов притягивали взгляд помимо воли. Особенно поражал салон космической связи, где на двухметровой рекламной голограмме постоянно транслировался восход солнца, причем — в настоящем времени.

Менялись только очертания материков. Лаки и Эрлиг медленно ехали вдоль всего этого великолепия, с удовольствием глазея по сторонам.

— Ты не поверишь, но я был здесь всего четыре раза, — признался Страйк.

— За это стоит выпить! — Эрлиг вытащил из кармана прихваченный из ресторана хрустальный бокал и налил в него вина. Выпил, поморщился:

— Ну и кислятина!

— Это вино старше тебя, кретина, — сообщил ему Лаки.

— Что ты хочешь этим сказать? — насторожился Эрлиг.

— Что ты ничего не понимаешь в выпивке! — объяснил Лаки. — И вообще… Нам надо проехать в Единицу, а сейчас это сделать легче всего.

— Сразу же после мессы, ладно? — попросил Эрлиг. — Я давно не соблюдал ритуалов. Сначала мы заедем в церковь…

— Уже ночь, — напомнил Лаки.

— Ну да. Так вот. Сначала мы заедем в церковь…

— Погоди, — перебил его Лаки. — Разве церковь по ночам работает?

— Сейчас мы заедем в церковь и ты все узнаешь сам! — заорал Эрлиг.

— Не ори, я не глухой.

— Что?! Не слышу?!

Лаки отобрал у него бутылку, бросил несколько быстрых взглядов по сторонам, поверяя, нет ли по близости копов, и сделал пару глотков.

— Ты не эстет, — грустно вздохнул он, поглядев на Эрлига.

— Конечно, нет! — заявил тот. — Эстет в моем понимании сродни гомосексуалисту! Сам-то ты себя считаешь эстетом, ведь так?

— Лучше бы Трайтор выстрелил в тебя, а не в бедного Найка, честное слово!

— О, да! Найк точно эстет! Вы бы с ним отлично провели время!

— О, да! — передразнил его Лаки. — Далеко еще ехать?

— На окраину.

— Ближе к Единице, надеюсь?

— Ближе к Тройке.

— Че-го? — выдохнул Лаки.

— Можешь повернуть вон там, я знаю, как лучше срезать. Кстати, сколько сейчас времени?

Лаки посмотрел на телефон.

— Половина одиннадцатого.

— Прибавь газу, а то не успеем к мессе.

— Сколько ехать, урод? — жестко спросил Лаки.

— Зависит от тебя, — огрызнулся Эрлиг. — Хочешь, поведу я? Тогда доедем за полчаса.

Они доехали за три с небольшим. По мере удаления от центральных районов улицы становились все более и более запущенными. Потом потянулся Частный Сектор, затем — черное крыло лесопарка, и снова начались дома, теперь уже обычные

бетонные коробки безо всяких наворотов. Здесь не было волшебных огней, а редкие уцелевшие фонари оттеняли черные пасти проходных дворов, где то и дело шевелились подозрительные тени.

— Жуть! — восхитился Лаки. — Не хватает старого кладбища!

Эрлиг хмыкнул.

Небольшая площадь перед администрацией была заполнена людьми. Лучи прожекторов лениво бродили по серой толпе, задерживаясь на транспарантах. Несколько полицейских машин дежурило неподалеку. Демонстранты вели себя спокойно, в применении силы не было необходимости.

— Вига Кермит предал свою черту, — по слогам прочитал Эрлиг. — Мы тоже хотим жить!.. А это что там?

— Купол — для всех, — разглядел Лаки надпись на белом полотне. — Как бы не так!

— Они что, протестуют только по ночам? — удивился Эрлиг. — Поехали отсюда!

Лаки свернул в переулок, но тот оказался перегорожен военным «рейсом».

— Не нравится мне все это, — заметил Эрлиг.

— А уж мне как не нравится!

Лаки сдал назад.

— Всем разойтись! — приказал бесстрастный голос через усилитель. — Немедленно очистить площадь!

Сумеречные люди лишь сильнее сплотили ряды. На их лицах лежала печать унылой решимости. Какая — то женщина визгливо кричала, тыкая в окружающих тряпичным свертком. Фары «флешкарра» осветили ее, и Лаки увидел, что в сверток завернут ребенок, а лицо женщины покрыто коростой солнечных ожогов.

Они проехали пару кварталов в обратном направлении, прежде чем свернули на нужную дорогу, где Лаки, чертыхаясь, наконец прибавил скорость. Городские окраины, погруженные в летаргический сон, проплывали в почти кромешной темноте, многие окна первых этажей закрывали бронированные ставни. Потом за чугунной оградой потянулся запущенный парк, и Эрлиг сообщил:

— Это то, что нам надо. Поезжай вдоль забора до арки, там свернешь.

Его ноздри раздувались от нетерпения, глаза блестели. За аркой начиналась аллея. Ветви столетних деревьев переплетались над узкой дорожкой, достаточно широкой лишь для одной машины. Гравий шуршал под колесами. Среди деревьев что-то белело, и Лаки с удивлением понял, что это — надгробные

камни.

— Это кладбище, — глядя перед собой, сообщил Эрлиг.

Дорожка петляла и в конце упиралась в квадратную площадку, а дальше была церковь, небольшая и довольно уютная. Синие конусы прожекторов подсвечивали ее снизу, скользя вдоль боков, и смыкались на кресте, который сиял на фоне звездного неба. Пока они, не торопясь, подъезжали, начал бить колокол.

— Останови, — попросил Эрлиг. Лаки остановил машину, метров на десять не доезжая до входа.

— А теперь смотри.

Страйк непонимающе взглянул на Эрлига.

— Та-дам! — пропел тот, поднимая руки. Лаки поглядел вперед. Подсветка с каждым ударом меняла свой цвет в сторону кроваво — красного. Планка креста поехала вниз. Вдоль дорожки вспыхнули огни, а из окошка под звонницей полез густой туман.

— Добро пожаловать в церковь! — торжественно объявил Эрлиг.

Лицо человека в красных ритуальных одеждах, встретившего их сразу возле входа, было покрыто узором запекшейся крови. Даже не взглянув на Эрлига, он заступил дорогу Лаки, изучающе поглядел на него, потом произнес какое-то отрывистое слово и шагнул в сторону.

— Он понял, кто ты, — пояснил Эрлиг, открывая тяжелую дверь. — Они чувствуют нас.

Внутри было темно. Сразу за дверью начиналось небольшое помещение, заполненное обувью верующих. Эрлиг подал пример, расшнуровав свои ботинки. Лаки поступил так же. Освободившись от обуви, они прошли в святилище. Витражи в стрельчатых окнах дробились огнями подсветки.

— Ничего картинки, правда? — шепнул Эрлиг. — Особенно вот эта.

И он указал на один из витражей, где прекрасный юноша с черными крыльями протягивал руку человеку, не способному преодолеть стену огня без посторонней помощи.

«Он не отречется ни от кого из вас», — прочитал Лаки светящиеся буквы рядом с картинкой.

— Аминь, — оскалился Эрлиг. — А теперь пойдем к братьям.

Вдоль стен, скрестив ноги, сидели люди в черных монашеских одеждах, почти сливаясь с темнотой в своей неподвижности. Из-за алтаря рокотала тревожная музыка ритуальных барабанов. Лаки обратил внимание на алтарь, заставленный пирамидками горящих свечей. Еще на нем стояли курильницы, и струйки пряного дыма поднимались вверх. Лаки удалось разглядеть среди свечей кредитные карточки, небольшие

круглые тыквы, перья и ягоды амулетов. Лаки принюхался. Еще в церкви пахло чесноком. Он уселся на свободную циновку, привалился к стене и почувствовал себя весьма неплохо.

— Если захочешь спать, не вздумай уснуть! — предупредил его Эрлиг. Вернулся жрец, светильники вспыхнули ярче. Ритм барабанов изменился.

По сигналу жреца несколько монахов вынесли большие курительные чаши, жрец возжег их, одну за другой, и повалил дым.

— Край света близко, — сказал жрец. У него был островной акцент, но черты лица терялись под кровавой маской. — Мы завершаем путь чистыми. Мы откупаемся от зла этого мира очистительной кровью.

Ему принесли маленький пузатый барабан, он потряс его, потом ударил, затянул довольно сложную по ритмике песню с непонятными словами. Лаки услышал, как звук его голоса поднимается вместе с дымом высоко под своды, отражаясь от стен. Он покосился на Эрлига. Эрлиг сидел, выпрямив спину и расправив плечи, его глаза были закрыты, а лицо ничего не выражало. Остальные, кого Лаки удалось разглядеть, вели себя так же. Голос жреца заметался под потолком, набирая обороты, рождая странное эхо, которое сыпалось на пол, становясь ударами тамтамов.

Лаки увидел пустыню под ультрасиним небом без единого облачка, но в ней не было печали, наоборот, она казалась живой, наполненной силой, она стряхнула с себя все, что ей мешало, и теперь захватывала очередной мир. Скользя серой тенью, он опять двигался туда, где пахло электричеством, а его подсознание подсовывало то одни, то другие карты, и эту головоломку необходимо было решить хотя бы сейчас…

— Не спи! — голос Эрлига встряхнул его. Лаки поглядел вокруг. Атмосфера стремительно менялась. Монахи, ввергнутые в транс, уже открывали пустые глаза. Ритм барабанов подчинил себе сердце, и теперь оно гулко толкало кровь, обжигающую вены. Из ритуальных чаш валил зеленый дым, все сильнее кружилась голова.

Один из братьев неожиданно выскочил на середину святилища и завертелся в стремительном танце. Ритм изменился снова. Лаки понял, что притопывает ногами в такт, так же, как и остальные.

«Если у тебя нет души, ты нужен лишь Аду. Добро рождает зло.» — прочитал он еще одно светящееся изречение под витражом, на котором Монстроборец Иесус низвергал в огненную бездну несколько человек с просветленными лицами. Новые

церковные догмы, как сказал Эрлиг, отрицали наличие души у генетически клонированных существ, и дорога в Рай была закрыта для эмпи, как бы хорошо они себя не вели.

Еще один монах присоединился к танцующему, они обменялись первыми очистительными ударами. Лаки вдруг почувствовал привкус железа. А потом на все, что он видел, неожиданно наложились карты. Он встал.

— Ты будешь драться только со мной, — сказал ему Эрлиг.

В ночном небе ворочалась электрическая буря. Свернувшись уютным клубком среди штормовых туч, она приближалась к Единице, и когда полыхали молнии, тучи напоминали черные пирамидки ритуальных свечей с бледными огнями где-то внутри.

Электрическая буря копила силы, она ждала подходящего момента, чтобы неожиданно обрушиться с неба на беззащитный город, который ничего не мог поделать со своими странными снами, с постоянным ощущением медленной смерти. Лаки видел всю Единицу в деталях. Бури бродили вдоль окраины, но по всей черте уже объявили штормовое предупреждение.

— Она готова разрушать, — сказал ему голос, какой он однажды слышал у Эрлига. — Она не может ждать. Сейчас она здесь.

И на карте вспыхнул зеленый крестик.

Лаки пригляделся, но тени, кружась в хороводе, закрыли ее лицо. Масштаб изменился, вид со спутника стал другим. Новая земля открылась ему — пустыня под палящим солнцем, с высохшими руслами рек, с непонятными формами жизни. Железные драконы взлетали с оглушительным ревом, утюжа тенью чешуйчатых крыльев пустые города, пояс ядерных станций, засыпанный серым пеплом, выплевывал из своих недр реактивные струи пара. Скелеты виадуков, закрученные волной света, застыли в странных позах, как трупы после мучительной агонии, а поверхность под ними была сплавом стекла и бетона. Потом пошел снег, но он больше не таял, как раньше, он укрывал лицо мертвой планеты белым саваном безразличия.

— Ты видишь то же, что и все, — сказал ему голос. — Смотри еще.

Эфир, несмотря на отсутствие биологической жизни, вовсе не был мертвым. Наоборот, гибель всего живого открыло границы, и поле распахнулось сияющим вихрем. Но он не успел почувствовать эту невероятную силу, хотя светящиеся нити уже тянулись к его рукам. Снова все вокруг заполнили карты, снова зажегся зеленый крестик.

— Ты под программой, — грустно проговорил голос.

И тут же реальность обрушилась на него новым ударом

Эрлига. Лаки сбило с ног, он упал на сидящих в трансе. Завертел головой. Эрлиг приготовился бить еще.

— Стой, — попросил его Лаки. В глазах напротив промелькнуло понимание.

— Он говорил с тобой? — блокатор встряхнул его за плечи несколько раз. — Ну? Говорил?

— Кто? — Лаки замотал головой, и пустыня свернулась, уходя в низ экрана. Лаки еще раз встряхнул волосами.

— Легба, — шепнул Эрлиг. — Он говорил с тобой?

— Да… Наверное, да…

Один из монахов упал расслабленной куклой, остальные продолжали кружить, иногда обмениваясь ударами. Лаки поглядел на очередной витраж.

«Мой ад — это я сам», — проговорил он вслух.

У эмпи на кресте было зеркальное лицо, но сейчас в нем отражалась лишь пустота.

Коллектор.

На КПП возникли проблемы. Солнце еще только вставало, ночью были заморозки, и геномодифицированные газоны вдоль шоссе покрывала роса. Первая черта зеленела поясом лесонасаждений совсем близко, по ту сторону виадука. Полоса мертвой земли, напичканной различными датчиками, длилась приблизительно километр, и тень виадука падала на потрескавшуюся от зноя почву. Лето еще только началось, а в воздухе уже висел горький аромат гари.

На КПП стояла пробка. В основном, это были эмигранты. Этим счастливчикам вроде как удалось прорваться под будущий купол, который обещали включить через четыре года, если к тому времени не станет слишком поздно кого-то спасать. Пробка все тянулась, уже подступала жара.

Синий цвет неба бил по глазам. Лаки решился включить кондиционер. Они с Эрлигом больше не возвращались к прерванному разговору, Эрлиг знал обо всем и так. Он перечислил Лаки почти все его видения, как если бы присутствовал при каждом из них. Теперь Эрлиг спал.

Машина впереди, наконец, стронулась с места и въехала в загон для досмотра. Федеральные копы в черной терморегулируемой форме тут же принялись просвечивать ее, выискивая криминал. Единица собиралась ужесточить процедуру въезда, но нарушителей закона пока не расстреливали прямо на

КПП, их увозили на дежурившем неподалеку «дафте».

Эрлиг проснулся, захрустел суставами, громко и протяжно зевнул… И у него из-за пояса вывалился пистолет. Лаки обречено закрыл глаза.

— Ну ты и урод, — сказал он Эрлигу безнадежным тоном.

Эрлиг захохотал.

— Я совсем забыл про это, извини!..

— Ну? И что нам теперь делать?

Машина впереди благополучно прошла досмотр и уже выезжала на виадук. Копы делали приглашающие знаки руками. Лаки, чертыхаясь, сдал назад и начал выкарабкиваться из пробки.

— Я кое-что забыл!.. — крикнул он в окно. Копы орали ему что-то яростное, машины вокруг сердито гудели. Поцарапав кому-то обшивку, Лаки заработал красную карточку от федерального спутника — на приборной доске загорелся красный квадратик.

— Ну и что? — спросил Эрлиг, видя это. — Это твоя первая карточка…

— Это моя третья карточка за эту долбанную поездку! Ты, кретин! — орал на него Лаки, выезжая через газон на встречную полосу. — Идиот!.. Чтобы я с тобой хоть куда-то поехал!.. Урод!..

— Да пошел ты, — расстроился Эрлиг. — Я же не нарочно! Я просто про него забыл… Хорошо еще, что он вывалился раньше, так бы нас точно расстреляли… Особенно — тебя!

— Заткнись!.. На машине нам теперь никуда не уехать без перерегистрации прав, а на это просто нет времени. — Лаки мчался обратно, подальше от спутников. — Остается только один путь. Через коллектор.

— Это как так? — не понял Эрлиг.

— А вот так!.. Дать бы тебе в рыло!

— Расскажи мне лучше про коллектор, — попросил Эрлиг.

— Карта у меня в голове, — сквозь зубы ответил Лаки. — Там — ничего сложного. Мы пройдем его часа за три, выйдем уже в Единице. Про этот путь знают немногие.

— Тогда что же мы сразу не пошли через коллектор, а? Пошли бы сразу через коллектор, а?..

— Заткнись! Я ненавижу тебя все больше и больше.

— Ненависть равняется любви, — возразил Эрлиг. — Ты, случайно, не проявляешь латентных наклонностей?..

Лаки резко затормозил, и трейлер, несущийся сзади, лишь чудом не въехал в них.

— Еще одна такая шутка, и я угроблю нас обоих, — предупредил Лаки. — Ты понял? А теперь заткнись!

Эрлиг зажал рот руками, с деланным испугом поглядел на него, но ничего говорить не стал.

— На машине нам туда не добраться, — прибавил Страйк уже спокойнее. — Придется свиснуть где-нибудь пару дредов.

— Угу, — промычал Эрлиг, яростно тряся головой. Лаки не выдержал и засмеялся.

Когда Эрлиг увидел два парализатора с полным комплектом «игрушек», лежавшие в специальном контейнере под задним сидением «флешкарра», он сердито насупился и не разговаривал с Лаки около часа. Они поменяли джип на мотоциклы у двух таких же путешественников, как и сами. Никто не задавал лишних вопросов. Парни в рейдерском прикиде остались довольны не меньше Эрлига, обожавшего дреды.

Теперь они мчались верхом, пряча оружие под длинными кожаными плащами, которые пришлось ради этого купить. Свернув с федеральной трассы, они пылили по пересохшему полю, покрытому проплешинами гари. Эрлиг, увлеченный нехитрой рейдерской игрой, все время норовил вырваться вперед, обдавая Лаки пылевым столбом. Пустыня уже наложила свою длань на естественные ландшафты, зеленая трава существовала лишь на газонах и в старых фильмах. Потом они доехали до умирающей реки и поднялись на холм, оставив мотоциклы внизу. За зарослями, тянувшимися вдоль воды, был виден коллектор. Над Единицей застыло марево зноя, настолько плотное, что истинный цвет неба не был виден, лишь угадывался грохот разрядов где-то очень высоко.

— Гляди, слышишь? — вырвалось у Эрлига. Лаки улыбнулся. Молнии бесшумно вспарывали эфир.

Они добежали до мотоциклов и погнали к коллектору. Лаки вырвался вперед. Лесная дорога петляла, как трасса в виртуальной игре. Эрлиг не отставал. Его длинные волосы бились о кожаный плащ. Он напоминал демона бури верхом на необъезженном стальном коне. Несколько минут — и их вынесло на пустошь. Они остановились. Лаки перевел дыхание. Сердце бешено стучало. Пустошь была границей. Крепкая нахоженная тропинка пересекала мостик через реку и вела прямо к коллекторной трубе.

— Погоди, — Эрлиг крепко взял его за плечо. — Что ты собираешься делать? Как ты будешь останавливать ее?

Лаки понял подтекст: «Ты собираешься убить ее?» — спрашивал Эрлиг на самом деле.

— Если она перекинется, у нас вряд ли останутся шансы, — сказал он.

— Я не хочу в нее стрелять, — неохотно признался Эрлиг. — Не потому что она… А потому что ты…

— Замолчи. Это надо сделать. Надо хотя бы остановить ее,

пока она не разнесла всю Единицу. Все, идем!

Оставив мотоциклы на краю пролеска, они зашагали к жерлу коллектора.

— Ничего себе тропина! — ворчал Эрлиг. — Они бы еще дорогу накатали! С разделительной полосой!

— Извини, другого пути я не знаю! — огрызнулся Лаки.

— И что там, в этой трубе? Там хотя бы сухо?

— Я не знаю.

— Так как же мы…

— Отстань.

Они уже дошли до входа в коллектор, кишки которого были намотаны вдоль западного края Первой черты, им оставалось только залезть в трубу.

— Я туда не полезу, — неожиданно заявил Эрлиг. — У меня клаустрофобия, ты же знаешь.

Лаки развернулся к нему, посмотрел в глаза.

— О, Темный Папа, — выдохнул Эрлиг. — Только не бей меня!

Он, согнувшись, пошел внутрь трубы. Ее зев напоминал пещеру. Лаки, идущий следом, включил фонарик. По ржавому полу струилась вода. Под ногами валялись обертки и жестянки.

— Мы могли бы здесь проехать, — заметил Эрлиг.

— Идем, — отозвался Лаки. Вдоль стен тянулись надписи вязью, пятно света от фонаря выхватывало то оскаленных монстров, то зашифрованные в рисунок слова. Эрлиг замедлил шаг, вглядываясь в яркие краски. Некоторые надписи тускло светились позади, обозначая их путь. Эрлиг поглядел на Лаки, оскалился в ироничной улыбке.

— А как ты пойдешь без света? — спросил у него Лаки.

— Да пошел ты! — бросил Эрлиг через плечо. Лаки прислушался. Никого. У него по спине поползли мурашки. Мертвая тишина переходов и бесконечный лабиринт коммуникаций, где так просто остаться навсегда, подхлестывали воображение, порождавшее чудовищ. Лаки догнал Эрлига быстрым шагом.

— Выключи фонарь, — бросил тот.

Лаки посветил в боковое ответвление, и вязь засветилась синим и красным.

— Подождем, — шепнул Эрлиг. — Да выключи этот фонарь!

— У тебя приступ паранойи? — Лаки посветил ему в лицо. Эрлиг выбил источник света из его руки. Фонарик подпрыгнул и погас.

— Тссс…

Они замерли. И услышали, как кто-то крадется в темноте.

— Темный Папа, первая кровь — тебе, — прошептал сквозь зубы Эрлиг.

— Руками! — успел сказать Лаки прежде, чем Эрлиг скользнул в темноту. Вспышки выстрелов, бесшумные и яркие, осветили тоннель. Лаки вжался в стену, настороженно вслушиваясь в наступившую тишину. Потом появился довольный Эрлиг.

— Федералы? — спросил Лаки.

— Местная мразь. Здесь надо ходить бесшумно. И вообще, ты точно знаешь, куда нам идти?

— План у меня в голове, — в который раз повторил Лаки.

— Зашибись! Если тебя убьют, мне тоже конец, да? Ловко придумано!

— Ты зануда.

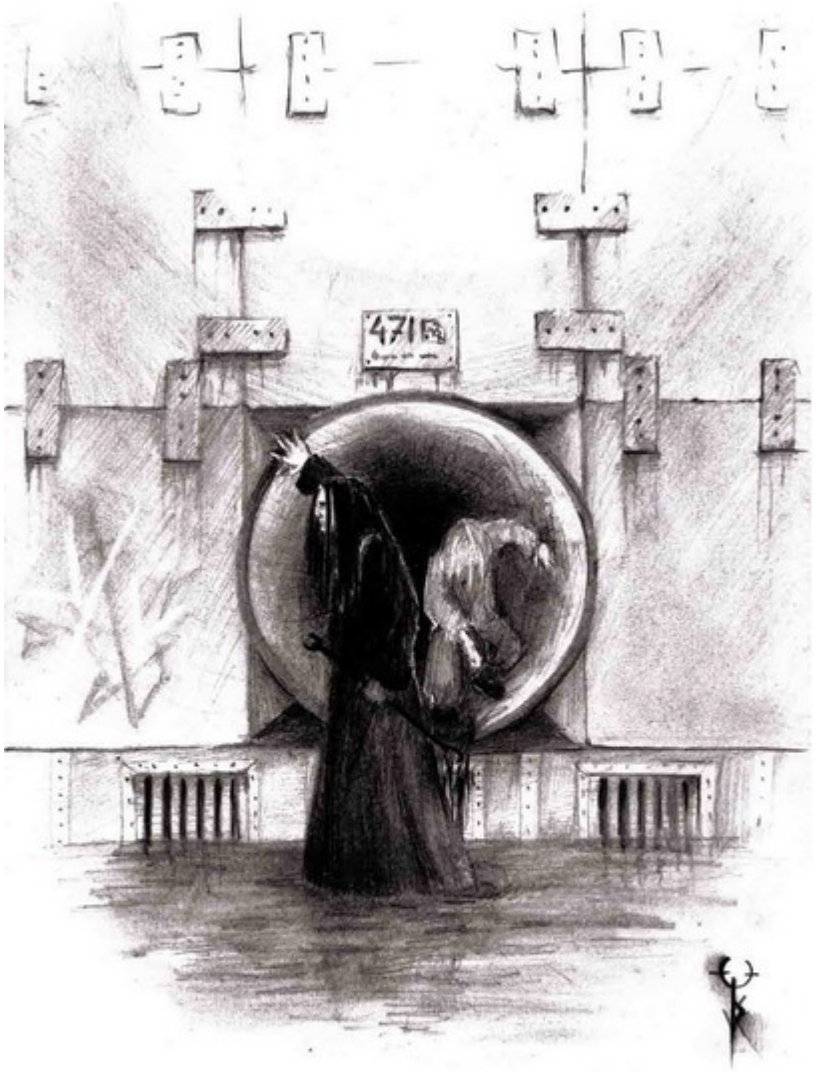
— Я знаю.

— Почему ты ко мне цепляешься? Думаешь, настало время во всем разобраться, да?

Эрлиг хохотнул.

— Сначала выберемся из этого говна, а там и поговорим. Ты не против?

— Не против. Теперь — направо.



— Стоп! — неожиданно Эрлиг остановился. — Не так! Мы побежим. Мы включим фонарь и рванем. Ты фонарь не потерял?

— Не потерял.

— Нам еще долго?

Лаки закрыл глаза, сверяясь со схемой.

— Около трех километров. Нам надо пройти несколько уровней. Возможны сюрпризы. Я знаю лишь дорогу, больше

ничего.

— Тогда представим, что мы — в Локалке, и будем стрелять во все, что движется. Готов?

Лаки включил фонарь. Они посмотрели друг на друга. Потом помчались вперед. Лаки бежал первым, освещая дорогу вспышками света. Люминофор, входивший в состав краски, обозначал контуры коллекторной трубы. Их ботинки гулко ударяли в железный пол. Неизвестно, что происходило в темноте у них за спиной, но Лаки не покидало неприятное ощущение погони. Труба изгибалась в неожиданных местах, один раз Лаки не вписался в поворот, и Эрлиг шарахнулся об него всей своей тушей… Но самым отвратительным оказался момент, когда их вынесло прямо на стену, перекрывавшую тоннель, на которой, как насмешка, светилась надпись «Нет Прощения!». Они уткнулись в тупик и остановились, переводя дыхание.

— Куда? — прохрипел Эрлиг, отдуваясь. — Куда теперь?

— Сейчас…

Лаки сосредоточился на своих видениях. — Нам придется свернуть на второй развилке и попробовать сменить уровень.

— Но ситуация все еще под контролем, правда? — сварливо поинтересовался Эрлиг.

— Честно? Нет. Если кто-то водится здесь, сейчас они как раз идут по нашему следу.

— Ты пугаешь меня, — проворчал Эрлиг и ударил в стену ногой. — Трайтор, козлина, не мог поставить тебе нормальных карт?..

— У меня в голове только общая схема…

— Защищай его!

Они отправились назад, теперь уже со всеми мерами предосторожности, и вовремя заметили засаду. Эрлиг сразу же открыл огонь, тоннель озарился вспышками нестерпимого света. Вязь засветилась в полную силу, и в неоновом свете Лаки различил сломанные трупики непонятных существ, одетых в тряпье.

— Это дети, — укоризненно сказал он Эрлигу. Тот, хмыкнув, пинком ноги подтолкнул к нему примитивный тесак с замотанной изолентой рукоятью.

— Все равно не стоило их убивать.

— Этих монстров?! — возмутился тот. — А кто будет прикрывать нам спину, в таком случае?

— В следующий раз оставь хотя бы одного, — попросил Лаки. — Нам не помешает проводник.

— Я чего-то не понял, — признался Эрлиг. — Я упустил главное. Ты знаешь, где мы, или нет? И что будет, если мы все же

заблудимся?

— Трайтор здесь нас точно не найдет. Ну что, идем?

Выйдя к развилке, они выбрали путь наверх — вниз не тянуло ни того, ни другого. Эрлиг с удовольствием высадил руками железный люк, закрывавший шахту. Здесь все было спокойно, но надписей на стенах не было вообще, а вдоль тоннеля тянулись коммуникационные кабели. Эрлига это заинтересовало. Он отобрал у Лаки фонарик и начал рыться в проводах.

— Что там такое? — спросил Лаки.

— Ничего… — Эрлиг выглядел сбитым с толку. — Но я думаю, что там, впереди, что-то есть.

— В каком смысле?

— Вот этот кабель — ни что иное, как сетевая проводка, — объяснил Эрлиг. — Это я точно знаю. Думаешь, те дети играли в «Стань Первым» по Локалке, да?

— Если следовать схеме, тоннель ведет к водоочистительному комбинату, — сказал Лаки. –

Черт его знает, что там за техника…

— И, зная все это, ты лезешь туда? — не понял Эрлиг.

— Мы могли бы здорово срезать…

— И что это за комбинат?

— Называется «Истоки». Там еще разливают минералку. Помнишь рекламу?

— Должно быть, большое предприятие…

— Вряд ли. Информации практически нет.

— Тише… — Эрлиг настороженно прислушался, потом махнул рукой. — Послышалось! Ладно, пошли.

Через пару часов труба стала заметно шире, исчезла сырость — где-то работала вентиляция. Они снова уперлись в стену. Эрлиг наотрез отказался возвращаться, и Лаки предложил ему протиснуться в решетку вентшахты и ползти по трубе. Так они и поступили. Эрлиг полз первым, невнятно матерясь. Труба была узкой, но зато сухой и довольно чистой. Скорее всего, через нее периодически стравливали воздух. Или газ. Или пар. Эрлиг прекрасно все это понимал, он наслушался от своих приятелей по специализации страшных историй про неудачные акции, когда группа, ползущая по вентшахте, сворачивала не туда и разрезалась лопастями вентиляторов, и оттого стремился преодолеть маршрут как можно скорее. Лаки едва успевал за ним. Через какое-то время они уперлись в решетку, Эрлиг выбил ее и вывалился наружу. Лаки свесился по плечи, огляделся.

Прямо под ним, метрах в трех, стоял Эрлиг и так же таращился по сторонам. Гигантский цех поражал размерами, огромные агрегаты непонятного назначения не доходили по

высоте и до половины стены. Сверху падал рассеянный свет — в крыше зияли дыры.

Они осторожно направились вдоль урчащих монстров. Лаки не нравилось то, что он видел — не вязались все эти механические чудовища, фильтрующие воду, с нейроволоконным кабелем спутниковой связи, ну никак не вязались. Эрлиг тоже чувствовал нечто подобное, он заметно нервничал и тревожно озирался по сторонам.

— Интересно, что это за хрень? — спросил он, наконец. — Надо будет рассказать об этом Трайтору.

— Он увидит все это, когда «просмотрит» нас, — возразил Лаки.

Эрлиг вздрогнул и помрачнел. Дальше они продвигались молча.

Нужная им решетка находилась довольно высоко, но они все же туда залезли. Здесь труба была чуть шире и ползти было не в пример удобнее. Быстро преодолев необходимое расстояние, они вывалились в тоннель, снабженный зачем-то электрическим освещением, и побежали так, как никогда в жизни. Предчувствие орало, что опасность рядом. Лаки испытывал острое желание забиться в темный угол, но нарастающая паника гнала его вперед. Потом, отдышавшись в одном из ответвлений, они без всяких приключений добрались до выхода, и розовый свет заката шарахнул по глазам, привыкшим к темноте.

Перед ними раскинулась Единица.

Буря.

Бежать было легко. Закат догорал, звездная ночь принесла море свежести и покоя. Луга, сожженные солнцем, снова были живыми — милосердная тьма скрадывала все недостатки. Звезды над Единицей казались родными и теплыми, как ветер, гуляющий под мокрой от пота футболкой.

Когда Эрлиг запросил пощады, они перешли на шаг. Дорога пересекала поле, какое-то время они брели по ней, давая отдых уставшим ногам. Потом Эрлиг все же поинтересовался, куда они идут, и Лаки запрокинул голову, подставляя лицо звездному свету. Карта в его голове повернулась под нужным углом. Когда он открыл глаза, то уже знал координаты. Им следовало взять правее, чтобы миновать пост. Лаки свернул с дороги. Эрлиг побежал рядом. Лаки слышал его мощное дыхание. Пока они мчались напрямик по высокой траве, Эрлиг ни разу не сбился с

ритма.

Спустя примерно час они снова перешли на шаг. С обрыва открывался вид на Первую черту, весело переливавшуюся огнями высотных домов и неоновой рекламой. Смутная тень виадука, повисшего совсем близко, была расцвечена капельками сверкающей ртути — в Единицу шли колонны грузового транспорта. Рядом тревожно засвистела птица. Лаки остановился и упал в траву.

Эрлиг плюхнулся рядом, вопросительно поглядел на него.

— Все в порядке, — сказал Лаки. — Я должен подумать.

— Идиот. — Эрлиг перекатился на спину, отрешенно уставился в звездное небо. Лаки сосредоточился на собственных ощущениях. Эль была совсем близко, где-то на краю черты. И, скорее всего, на грани боевой трансформации. В воздухе остро пахло озоном, как перед грозой.

Лаки приглушил эмоции, отдаваясь холодному течению эфира. Он вновь визуализировал карту окрестностей.

— Надо подойти ближе, — сказал он. Эрлиг приподнялся на локте, грызя сухую травинку.

— Мне кажется… — начал было говорить Лаки, но замолчал. Неожиданно все изменилось.

Эфир вздрогнул, расходясь волнами, как вода от брошенного камня, и тут же Эрлиг воскликнул:

— Слышишь?! Что это?

Лаки взглянул вверх. Небо прочертили первые разряды электрической бури, синие и белые, но одинаково яростные. Превращение началось.

— Это она! — Эрлиг вскочил на ноги. По небу неслась полоса грозового фронта, за ней все еще были видны звезды, а дальше двигались основные силы стихии, наступая сплошной стеной.

Первые порывы ветра налетели, разметали полы их черных плащей. Эрлиг завертелся на одном месте, с восторгом принимая вызов, он даже легонько пнул Лаки ногой от избытка чувств.

Шандарахнул гром, у Страйка зазвенело в ушах. Небо наконец-то разродилось соленым дождем. Лаки вымок в одно мгновение. Стена воды оказалась настолько плотной, что не было видно даже соседних кустов. Бежать было просто нереально, но осталось не так уж и много. Теперь Лаки точно знал, где находится Эль. Они шагали по размытой грязи, то и дело оскальзываясь, и Эрлиг не уставал благодарить Темного Папу за то, что тот надоумил их купить плащи, хоть как-то прикрывавшие оружие.

Когда они подошли к супермаркету, помеченному в голове Лаки зеленым крестиком, дождь почти прошел. Буря перерастала

в иное качество. Молнии лупили постоянно. Это было настолько прекрасно, что даже у Эрлига вырвался восхищенный вой.

Кривобокая коробка супермаркета, доживающего последние дни, примостилась на краю пустоши. Кусок земли перед витриной был залит асфальтом, там стояло несколько машин. Лаки и Эрлиг притаились в кустах перед площадкой и огляделись. За бронестеклами витрины стояли ряды стеллажей с различными предметами, но посетителей не наблюдалось. Лаки сбросил ненужный плащ, передвинул парализатор поудобнее. Увидев это, Эрлиг сделал то же самое.

— Мне стрелять на поражение? — его голос едва заметно дрогнул. Лаки оглядел протянутое оружие. Мощность была минимальной. Он передвинул рычаг до половины, посмотрел Эрлигу в глаза. Трайтор, возможно, слышал каждое их слово, но не более того. Эрлиг все понял, он усмехнулся и выпрямился во весь рост. Лаки шагнул следом за ним.

Магазин оказался вымершим. Пара охранников в серой коповской форме лежала рядом со входом, толстая женщина перегораживала один из проходов. Все эти люди были мертвы. Сухая дробь ненормального фона колотилась сразу же за ушными раковинами, давление поднималось.

Эль была где-то здесь.

— Сектор ноль, — выдохнул блокатор. Его радужка тускло светилась. Лаки кивнул в сторону одного из рядов с какими-то бутылками. Эрлиг послушно отправился туда. Страйк сглотнул. Он знал, где она, как если бы видел ее. Мертвая тишина нарушалась лишь гудением неисправной лампы. Страйк ступал бесшумно, готовый стрелять в любой момент, чувствуя азарт охотника, и ничего сверх этого. Но все равно вздрогнул, когда она вышла ему навстречу.

Улыбка Эль напоминала оскал. Глаза сияли серебром, под ними залегли тени. Перезагрузка сжирала ее тело, трансформация завершалась. Эль была полностью готова к бою. Но она не двигалась. Ствол парализатора Лаки почти касался ее солнечного сплетения.

Лаки медлил. Эль что-то сказала.

— Я не понял, — признался Лаки.

— Так… высоко… — повторила она, сделав неопределенный жест рукой. Она была сумасшедшей, но не опасной. Ее фон казался дружелюбным. Она была не здесь.

— Ты поедешь со мной? — спросил Лаки.

— Тебя послал Трайтор? — она взглянула на него, поежилась. Ее знобило. На высоких скулах проступил румянец.

— Да. Трайтор. — сказал он.

— Я не вернусь.

Лаки заметил боковым зрением тень Эрлига. Эль взмахнула тонкой рукой, не отрывая взгляда от его глаз — и стекло витрины волной поехало вниз. Лаки замер, глядя, как Эрлиг нажимает на невидимый курок, ствол оружия вздрагивал при каждой ослепительной вспышке. Парализующая волна зацепила Страйка, но тут на него обрушился фон. Уши лопались изнутри от взбесившегося поля, кровь текла по шее за воротник. Эрлига ударило светящимся вихрем, он покатился по полу, закрывая голову стволом. Палец Лаки наконец-то нащупал спусковую кнопку, и это получилось неожиданно просто. Ее легкое тело ударилось об полки с парфюмерией, а потом он услышал, как на улице воют сигнализации машин. И как катятся, дребезжа, флакончики духов. Он перевел рычаг на максимальную мощность и выстрелил еще несколько раз. Потом включил телефон, поднял на уровень лица плоский экран. Трайтор по ту сторону молча глядел на него.

— Она нейтрализована, — бесстрастно сообщил Лаки.

— Транспорт скоро будет, — Трайтор перевел дыхание. — Что с Эрлигом?

— В него попала молния.

— Ничего страшного… Сейчас приедет транспорт. Тебе отзвонятся.

Лаки закрыл телефон, провел кончиками пальцев по ее щеке, убирая прилипшие волосы.

Он обнимал ее довольно долго, пока ребята с Базы не подобрали их.

РИЧИ ТОКАДА — 5

Я открыл глаза и увидел, что лежу в модуляторном кресле. Я был подключен к аппарату жизнеобеспечения, из обеих рук тянулась пластмассовая паутина многочисленных капельниц. В моей гортани присутствовало инородное тело, и я с ужасом понял, что это — трубка аппарата искусственного дыхания. Я замычал, замотал головой, пытаясь от нее освободиться. Я боялся вытащить трубку самостоятельно, но позвать на помощь тоже не мог. В комнату вбежало несколько врачей, и они избавили меня от этой проблемы. Я закашлялся, жадно глотая воздух.

— Как ты себя чувствуешь? — мягко спросил один из врачей, самый старый, с длинным горбатым носом. Остальные столпились в изголовье и проверяли данные консоли, быстро переговариваясь между собой на непонятном мне языке.

— Отвратительно, — проговорил я. У меня во рту скопилась мерзкая горечь, но чтобы ее сплюнуть, не было слюны.

— Это хорошо, — улыбнулся старый эскулап. Он протянул мне пластиковую банку с соломинкой и дал напиться.

— Где я? — я понимал, что это — банальный вопрос, но не задать его не мог.

— У друзей. — Этот ответ я так же ожидал услышать. — И ты будешь делать то, что скажу тебе я. Я читал твои характеристики. Ты подходишь нам. Лаки неплохо подготовил тебя.

— Кому это — вам? — не понял я.

— Ты пролежишь под этим аппаратом столько, сколько нужно. Это тебе ясно, Ричи Токада?

Я хотел было ответить, да только старый врач с омерзительной ухмылкой вогнал дыхательную трубку обратно. Я дернулся пару раз, но в мою кровь потекли сонные капли, зазвенело в ушах и все стало совершенно неважным.

Сон под препаратами не подпустил даже близко Доброго Героя, и я прекрасно отдохнул от своего ночного кошмара. Когда я проснулся, я был свободен от всяческих трубок. Я лежал в удобной кровати на боку, подтянув правую ногу к груди, как обычно спал у себя дома. Мне очень хотелось есть. Я заставил себя встать и прошелся по комнате. К зеркалу я приближался кругами, опасаясь того, что мог там увидеть — ведь я понятия не имел о том, как выгляжу. Я долго разглядывал собственное отражение. Мои волосы успели отрасти на пару сантиметров, кое-где в них поблескивала седина. Так… Черты лица стали жестче. Больше всего меня поразил собственный взгляд, даже бросило в дрожь. Благодушная маска барыги исчезла, за отражающей

гранью было лишь худощавое лицо с черными холодными глазами самурая. Лицо Доброго Героя.

А потом Добрый Герой улыбнулся мне своей дьявольской улыбкой.

Моя новая одежда лежала стопкой рядом с кроватью, и мне понравилось, что вся она была черного цвета. Я быстро оделся, попробовал пройтись по комнате колесом, но грохнулся на задницу. Очевидно, я слишком долго пролежал в модуляторном кресле. За окном начинались снежные склоны гор, но это вовсе не значило, что сейчас зима. А еще рядом не было Лаки Страйка, и это начинало нервировать меня, ведь я понятия не имел, где нахожусь, и что они со мной сделают.

Скорее всего, они следили за мной, ведь стоило мне одеться, как в комнату тут же вошел парень примерно моего возраста, одетый так же, как и я, во все черное.

— Привет, — улыбнулся он с порога. — Я — Скрэмпи. А ты — Ричи, верно?

— А где Лаки? — тут же спросил я. Он пожал плечами.

— Страйк может быть где угодно. Может, на склоне, может — в спортзале…

— Может, ты объяснишь мне, где я нахожусь? — оборвал его я.

— На Базе, — ответил он. — На горнолыжном курорте. На лыжах ездишь?

— Нет.

— А на санках?

Его улыбка начинала меня раздражать.

— На КАКОЙ Базе? — спросил я у него.

— На нашей, — снова улыбнулся Скрэмпи. — И кое-кто хочет побеседовать с тобой.

— Пошли. — Я встал и подошел к двери. Он, не переставая улыбаться, вышел следом за мной. Мы поднялись на следующий этаж. В коридорах было полно людей, и это нервировало меня. Мы остановились напротив двери с надписью «Инструктор по коньковому ходу», и Скрэмпи открыл ее. Я увидел синюю пелену силовой защиты, за которой смутно угадывались очертания помещения. Поле исчезло с непередаваемым космическим звуком, и эмпи в горнолыжных очках повернулся к нам, выключив консоль.

— Проходите, — попросил он.

— Шеф, мне надо кое-что перепроверить, — сказал ему Скрэмпи. — Я пойду.

— Иди. Ричи, проходи, присаживайся… — он подождал, пока я выберу кресло, и продолжал:

— Меня зовут Трайтор.

— Токада. — Мы пожали друг другу руки.

— Сейчас я все объясню тебе. — Он прошелся туда-сюда, заложив за спину руки. Он совершенно не внушал опасений, даже наоборот. На вид ему было лет тридцать, средний рост компенсировался прекрасно развитой мускулатурой, которая угадывалась даже под просторной спортивной одеждой. Только вместо лыжных на нем были ботинки армейского образца.

— Наша организация называется «Экотерра», — сказал Трайтор, останавливаясь напротив меня. — Это значит «Чистая Земля». Земля без людей. Земля, принадлежащая эмпи. Все, что мы делаем, мы делаем ради выживания нашего вида. — Он помолчал, подчеркивая важность последней фразы.

Я был полностью сбит с толку. Слово «Экотерра» значило для меня совсем другое. Признаться, в тот момент я разозлился на Лаки довольно сильно. Мне даже показалось, что он подставил меня. Но это быстро прошло.

— Ты принадлежишь «Экотерре», ты носишь символ организации на своей груди. — Его голос успокаивал. — Мне нужно твое согласие работать с нами, вот и все.

— А если я откажусь? — тут же поинтересовался я.

Он усмехнулся. Резко изменился окружающий фон. Трайтор, без сомнения, был Высшим. Я решил, что мы будем с ним общаться на равных, если он увидит мою ментальную мощь, и совершил одну из тех ошибок, которые меняют судьбу.

Поле лежало передо мной, покорное нашей с Добрым Героем воле, а сила действительно переполняла все мое существо. Я сконцентрировался, и окно за моей спиной обрушилось кучей осколков. С улицы донеслись встревоженные крики. Трайтор приподнял левую бровь.

— Очень хорошо. Федералы проглядели тебя. Пять баллов.

Он засмеялся. Он вовсе не выглядел испуганным.

— Таких, как ты, единицы. — Он снова встал и начал прохаживаться передо мной. Я ожидал несколько другой реакции и слегка обалдел.

— Они не смогли раскрыть твой потенциал из-за своих примитивных технологий. Система — это не всегда хорошо, Ричи. А второго шанса у них уже не будет.

«Теперь ты мой», — услышал я.

— Если ты согласишься, я «наверну» тебя по полной программе. Я сделаю из тебя самое опасное существо на планете. За это ты будешь выполнять все мои приказы. Видишь, я ничего не скрываю от тебя. Но! Все приказы, которые ты получишь от меня, будут направлены исключительно на выживание нашего

вида. Сейчас — самый пик незримой войны, которая идет уже давно. Потери «Экотерры» невосполнимы… Лаки рассказывал тебе про своих друзей из «Нет Прощения!»?

— Нет… — ошарашено ответил я.

— Они были его лучшими друзьями. Они погибли, выполняя мой приказ. Ради нашего вида, Ричи…

Он замолчал. У меня на языке вертелся каверзный вопрос, а что же сделал ради нашего вида сам Трайтор. Он прочитал мои мысли и снял очки. У него не было глаз. Лишь два спекшихся шрама. Меня замутило. Он надел очки, наклонился к моему лицу.

— Когда я мог, я участвовал во всех серьезных акциях. Теперь, как видишь, это прекрасное время прошло. Твой друг Лаки Страйк работает на «Экотерру» всю свою жизнь, и ничего… У тебя так и так нет выбора, тебе просто некуда идти. Ты согласен?

— Да, — неожиданно вырвалось у меня, хотя я и не собирался этого говорить. Откуда-то из темного угла материализовался старый доктор со шприцем в руке.

— В чем дело? — насторожился я.

— У нас очень мало времени, Ричи, — вздохнул Трайтор. — Когда федералы запустят над Единицей силовой купол, все будет кончено. Ты должен войти в разработку прямо сейчас.

— Или умереть?

— Или умереть. Я не отдам тебя федералам, я убью тебя сам, без допросов, без мучений, без КПТ и «Двойной смерти». Хочешь?

Я промолчал, и доктор дотронулся до моей руки, закатывая ткань рукава. Я почувствовал удар животного страха.

— Успокойся, — Трайтор поставил стул напротив моего кресла, присел, и я снова увидел собственное отражение в его горнолыжных окнах.

— Это не страшно. И не очень больно. Просто ты станешь тем, кем тебе предназначено быть.

Я глядел в глаза себе самому, но видел глаза Доброго Героя. А Добрый Герой был весьма не против стать самим собой.

— Я согласен, — повторил я. Трайтор улыбнулся.

— Отлично. Доктор Штульман, прошу вас.

Старый врач аккуратно воткнул иглу в мою руку. В это мгновение открылась дверь, и по ту сторону силовой защиты я разглядел силуэт Страйка. Трайтор каким-то образом проследил мой взгляд.

— А вот и Лаки. Штульман, уже все?

— Можете впускать, — ответил тот, надевая на иглу колпачок. Трайтор подошел к консоли и нажал на кнопку. Лаки ворвался в комнату.

— Что здесь происходит? — быстро спросил он.

— Я только что завербовал его, — улыбнулся Трайтор. — Договор подписан кровью, его душа теперь моя.

У меня в глазах начинало двоиться, в ушах звенело, и мне казалось, что однажды я уже испытывал нечто подобное.

— Он предлагал тебе смерть? — спросил у меня Лаки.

— Кажется, да… — ответил я.

— Ты должен был согласиться! — он резко развернулся, и, распахнув пинком дверь, закатал с ноги какому-то парню, шедшему по коридору.

Дверь закрылась. Хлынул синий поток защиты. Слюна приобрела привкус железа. Я почему-то вспомнил, что очень давно не писал никаких стихов, а потом мир схлопнулся и окончательно погас.

Когда я проснулся, я был опустошен настолько, что мне было все равно, жив я или нет. Наверное, так себя чувствуют те, у кого забрали душу. Я помню, что меня швыряло из состояния смерти, когда ты видишь ясный свет Бардо, в состояние последних секунд жизни, и обратно, но я тут же все забыл, стоило мне просто уснуть летаргическим сном без каких-либо сновидений. Потом я открыл глаза и увидел Страйка. Он грустно глядел на меня. Холодная ирония его взгляда куда-то исчезла.

Кажется, ему было искренне жаль меня, но вряд ли из-за моего плохого самочувствия. Здесь было что-то еще.

— Ты идиот, — сказал он мне, когда я, наконец, сфокусировал на нем взгляд. — Но я искренне рад, что ты все еще не понимаешь, насколько.

— Насколько? — попробовал уточнить я. Он прочитал этот вопрос по губам, а может, просто догадался о смысле практически не озвученной фразы.

— На все сто! — заорал неожиданно Страйк. — Поздравляю! Знаешь, что? Ты — психосоматический дебил!.. — он запрокинул лицо к потолку и захохотал с подвываниями. Потом снова поглядел на меня.

— О, Темный Папа… Какое счастье, что у меня никогда не было такого выбора! Я никогда не простил бы себе, если бы выбрал жизнь!

— Что ты хочешь этим сказать? — промычал я. Он хохотал до слез над моим произношением.

— Ричи, скажи что-нибудь еще, — попросил он, наконец.

Я попробовал смеяться, но горло перехватило волной судороги. Он подложил мне под голову еще несколько подушек и снова уселся напротив.

— Хочешь, я буду тебя развлекать? — предложил он.

— Каким образом? — промямлил я.

— Лучше замолчи, потому что я все равно ничего не понимаю.

— Это от того, что ты — тупорылая козлина.

— Ты еще долго не сможешь членораздельно общаться. Ты первый раз в разработке, правда? Ты девственник, да?

— Мне не нравятся подобные категории сравнения.

— Знаешь, когда меня впервые накрыло так, как тебя, я не мог разговаривать целую неделю. Экстра потешался надо мной, вместе с Эрлигом, конечно же, и Трайтору пришлось запереть меня в изоляторе. Я все понимал, но когда начинал говорить… — он хохотнул. — Но у меня никогда не было выбора. Трайтор поставил меня под контроль слишком рано, как только вскрыл мое досье…

…Я всегда ненавидел его за то, что он делал. И всегда мечтал его за это убить. И Экстра, и Эрлиг, и Найк, и все, кого я знал, тоже этого хотели. Вышло, конечно же, наоборот. Но иначе не могло и быть, ведь Трайтор — это Трайтор… Ошибка Программы. Он — гений. Кстати, Эрлигу никогда не нравилось это слово, но Трайтор — именно гений. Не знаю, кому удалось создать такое чудовище…

…Знаешь, Экстра спросил у меня когда-то, что останется у эмпи, если у него все отнять, но тогда я не знал, а сейчас — знаю, что останется отрешенность. Но ее удастся сохранить только в эпицентре безумия. Попробуй сойти с ума, и тебе станет гораздо легче…

…Просто потеряв все, мы наткнулись на скрытые внутренние резервы. Так бывает, если выпустить из бассейна всю воду. Все лишнее уходит… Если, конечно, вода в бассейне — это лишнее…

Смешно, правда?..

…Я поступил с тобой нечестно. Я эмпировал тебя сразу же, как только пришел в ваш долбанный лицей, но у меня не было другого выбора. Я должен был вернуться на Базу, любой ценой. Мы всегда сюда возвращаемся, раз за разом, если есть такая возможность. Это — наше проклятие. Извини, что не рассказал тебе этого раньше. Мы с тобой — просто боевые клоны, Ричи, что бы они нам ни говорили про наши уникальные способности. Мы — оружие. Живое оружие, которое чувствует боль, и все равно продолжает убивать…

Модуляторный шлем был подключен к консоли. Трайтор сказал, что когда меня погрузят в гипноз, на экране будет то, что я вспомню. Все будет разложено по полочкам, вплоть до уровня гормонов в крови. Технология у этих повстанцев была на высоте.

— К «Подавлению» ты уже привык, — заметил Штульман,

берясь рукой за шлем и наклоняя его к моему лицу, все ближе и ближе. — Больно тебе не будет, обещаю, так что можешь расслабиться. «Подавление» необходимо, иначе ты подсознательно сможешь отбирать для нас то, что нам стоит смотреть, и чего не стоит, а это уже лишнее. У вас, эмпи, очень сильная воля, а в данном случае это, скорее, минус… Ну что, ты готов?

— Да, — сказал я.

Меня пристегнули к подлокотникам кресла и принялись облеплять разными датчиками. Вслед за этим прикатили несколько капельниц. Эти приготовления внушали мне тревогу. Я видел, как на консоли бьется мое сердце — до красного сектора не хватало совсем чуть-чуть.

— Не бойся, — попросил Трайтор. — Все будет хорошо.

Штульман протянул руку с медицинским пистолетом и выстрелил мне в шею.

Больно, конечно же, было, но совсем недолго, пока не изменилось восприятие. Я увидел, как шлем надвигается на мое лицо. Перед глазами поплыли живые картинки. Это была настройка.

Сначала шли самые простые образы. Мое подсознание выхватывало какие-то повседневные мелочи и фокусировалось на них, и тогда я начинал чувствовать то же, что и в тот момент, когда все это происходило.

Темп перехода ускорился, я погружался в воспоминания все глубже и глубже. Я осознавал себя в трехмерной реальности, запах мокрого снега на железной крыше становился все отчетливей. И вот я поднял взгляд, чтобы встретиться глазами с Дарэком Хаттли, своим конкурентом.

— Ты — труп, — сообщил Дарэк. Меня бросило в жар, несмотря на пронизывающий зимний ветер. Далеко внизу качались кроны деревьев, несколько ворон играли в «царя горы» на спутниковой антенне соседнего корпуса. Поле вокруг трещало и рвалось, давление в ушах стремительно нарастало, а сердце стучало где-то в горле. Друзья Дарэка кричали ему:

— Убей! Убей!.. — и теперь я понимаю, что им было просто интересно посмотреть, сможет ли Дарэк убить эмпи или нет, но тогда от этих криков мне хотелось реветь.

Я закрыл глаза, забывая о том, что подо мной — скат и несколько этажей высоты, я полностью открылся собственной смерти, и неожиданно поле стало моим. Я почувствовал силу, растворенную в воздухе, эфир, наполненный жизнью, все это стало откровением, потому что я вдруг понял, кто я такой.

А потом я заставил Дарэка упасть.

Мою память продернуло на ускоренной перемотке, и я увидел розовые стены коридора. Несколько федеральных копов вели меня под конвоем по незнакомому месту, и все вокруг было розовым, а окон не было вообще. Длительное путешествие, изматывающее своей неопределенностью, завершилось в круглом кабинете с широким, во всю стену, окном, и когда дверь за моей спиной закрылась, я увидел, что это окно замкнулось в кольцо. Потолка здесь не было вообще, а было звездное небо, неприятно контрастирующее с ослепительным днем вокруг меня. Единственное модуляторное кресло стояло посередине, и меня усадили в него, прищелкнув металлическими наручниками. Несколько Высших спорили неподалеку. Я прислушался и понял, что они не могут прийти к общему знаменателю. Речь шла о постоянных ограничениях на взаимодействие полем, они бесконечно сожалели, что просмотрели редчайшую специализацию, но так как я убил эмпи намеренно, ничего поделать уже не могли. Им предстояло применить ко мне Подавление класса «А», чтобы лишить способностей к взаимодействию навсегда. Потом один из Высших выстрелил мне в шею инъекцией, а еще один сказал:

— Посмотри вверх.

Я поглядел на потолок. Звезды уже начинали кружиться, затягивая в водоворот сияющей плазмы. Созвездия складывались в программные знаки, огненные письмена покрывали небесный свод. Меня тащило прочь из собственного тела. Я сопротивлялся, как мог, но вспышки белого света лупили по мне до тех пор, пока Трайтор не вырвал меня обратно, прежде, чем я успел умереть. Он выглядел растерянным. Штульман вытирал взмокшее лицо носовым платком.

— Мы могли бы подключить его к аппарату… — неуверенно проговорил он.

— Мы потеряем его разум, — возразил Трайтор. — Эти блоки можно убрать только вместе с разумом. Такими методами нам никогда не переподчинить его.

— И что ты предлагаешь? — сварливо поинтересовался Штульман. — Как ты будешь с ним работать? Мы можем вытащить федеральную программу, ступень за ступенью, это даст нам возможность использовать подобные технологии в будущем… Это — совершенно уникальная программа контроля, я никогда не сталкивался с подобными вещами! Он не последний генератор на планете, рано или поздно…

— Время, — напомнил Трайтор. — Для этого всего нужно время.

Штульман тяжело вздохнул.

— Придется ее ломать, — сказал ему Трайтор. — А чтобы ломать программу, нам нужен хакер.

— Что?! — задохнулся врач. — Хакер?!

Трайтор засмеялся.

— Я даже знаю, кто способен на такое.

— Хакер?! — не переставал верещать Штульман. Их голоса постепенно отодвигались все дальше и дальше, затихая в лабиринте коридоров, и так же медленно наступала абсолютная тишина.

Я лежал на кровати, не имея желания и сил встать и хоть что-то сделать. Я лежал уже вторые сутки, и мне на все было насрать. Депрессия, оглушающая, как удар кувалды, обрушилась на меня вместе с программами, тренингами и тестами, ее влили мне в вены через прозрачные трубки, ее загрузили мне в голову вместе с двадцать пятым кадром.

Трайтор распахнул дверь и вошел в комнату. Его очки нацелились прямо на меня.

Следом за ним появился Лаки.

— Как ты себя чувствуешь? — поинтересовался Трайтор.

— Странно, — глухо ответил я.

— Голова не болит?

Я промолчал. Голова болела ужасно.

— Это потом пройдет, — услышал я голос Лаки. — Это со всеми так.

— Верно, — подтвердил Трайтор. Он заставил меня снять рубашку и снова лечь на кровать, после чего достал из кармана непонятный прибор, приложил к моей груди и нажал на кнопку. Меня встряхнуло, как от удара шокера. В глазах зарябило, а потом неожиданно все прошло, вместе с головной болью.

— Слишком интенсивный курс, — пояснил Трайтор.

— Его не перекинет? — спросил Лаки.

— Пока что нет… Страйк, шел бы ты отсюда, а? Ну что ты пришел?

Лаки пропустил его слова мимо ушей. Он присел на стул рядом со мной.

— Что, депрессия?

Я пожал плечами.

— Я не знаю. Мне ничего не хочется.

— Тебе от этого плохо?

— Лаки, я тебя умоляю, — сказал Трайтор. — Иди. Займись чем-нибудь.

— Иногда я забываю, кто я такой, — продолжал я. — Я просто не знаю, что было, а что — нет. Эти программы сводят меня с ума.

Лаки искоса поглядел на Трайтора.

— Я все хотел спросить у тебя, и все никак не получалось, — голос Страйка был слишком спокойным, и это насторожило меня. Я вгляделся в его лицо. Кажется, он балансировал на грани срыва.

— Спросишь потом, — потребовал Трайтор, начиная злиться.

— Перезагрузка программируется, да? — Лаки встал, шагнул к нему и развернул к себе за плечо. — Да?

— Нет! — отрезал Трайтор.

— Ты лжешь! — я понял, что Лаки вот-вот сорвется, и быстро огляделся в поисках любого оружия. Ничего не было.

— Если бы у меня был хоть один шанс… Хотя бы один… Слышишь? Хотя бы один!

— Давай не будем об этом, — попросил Трайтор.

— Что, дела минувших дней, да? Ты уже забыл об этом? У тебя теперь новая игрушка, — он кивнул на меня. — Сломалась одна, так ты достал себе другую!

— Ты бредишь, — Трайтор тяжело вздохнул. — Ну почему тебе ничего не объяснить? Почему ты такой упрямый? Хочешь, я сделаю так, что ты никогда больше не вспомнишь про нее?

— Перезагрузка программируется? — повторил Лаки.

— Нет.

— Неправда!

— Не начинай сначала!

Я не понимал ни единого слова из их разговора, но фон стремительно накалялся. Лаки ударил Трайтора. Тот остался стоять. Лаки ударил его еще раз.

— Не зли меня, — попросил тот. — Я не виноват в твоих проблемах. Я не хотел ее смерти.

— Тебе было все равно.

— Это разговор ни о чем. — Трайтор тяжело вздохнул, повернулся, чтобы уйти, и Лаки все-таки кинулся на него. Я не понял, что произошло, Трайтор не сделал ни одного движения, но Страйк рухнул на пол, как падает дерево — одновременно, по всей длине, бамс! — и все… Только вихрь эфира вышиб из меня остатки воздуха.

— Достаточно, — попросил Трайтор. — Эти стычки не нужны ни мне, ни тебе. Реальность — это тест.

Лаки захрипел, и я догадался, что он смеется. Он перевернулся на спину, даже не пытаясь встать, просто смотрел на Трайтора снизу вверх и смеялся.

— А если я скажу тебе, что этого ничего не было? — спросил Трайтор. — Ни Эль, ни Экстры, ни Эрлига, ни даже Найка? Оглянись. Где они? Ты их видишь? Ты вообще уверен, что они были? Ты можешь быть хоть в чем-то уверен, Лаки? Где

заканчивается реальность и начинаешься ты?

— А ты реален? — спросил Страйк, усаживаясь и сплевывая на пол.

— А я реален. Я твой бог. Твой создатель. Ты уже повис в паутине программ, тебе из нее не вырваться. — Трайтор присел перед ним на корточки, заглянул в глаза своими очками.

— Тогда какая мне разница, умру я сейчас, или… — Лаки замолчал и как-то странно поглядел на Трайтора. Странно, потому что я не помню, чтобы у Лаки было такое выражение лица когда-нибудь раньше.

Шеф вздохнул.

— Ты этого не сделаешь… — беспомощно проговорил Лаки.

— Что, черт возьми, происходит? — не выдержал я. — Эй!

— Вы оба не сможете умереть, пока я не захочу этого, — объяснил Трайтор, вставая. В его голосе звучало сочувствие. — Вы оба стоите, как этот долбанный купол!

— В смысле, не сможем? — не понял я.

— Хорошо, Трайтор, — хрипло сказал Лаки. — Будь ты проклят. Надеюсь, в Аду все будет иначе.

— Что он хотел сказать этим? — спросил я у Страйка, когда Трайтор ушел. Лаки отрешенно глядел в никуда. Я подождал несколько минут и повторил вопрос.

— Вскрой вены, Ричи, — бросил он, не поворачиваясь.

Я встал и пошел в санблок. Лезвие, которым брился Страйк, лежало на полочке. Я взял его, и, ни секунды не сомневаясь, вскрыл левую руку. Я распорол вены вдоль, кровь ударила фонтаном в кафельную стену. Я ни о чем не думал, мне хотелось зареветь. Я считал Страйка предателем. Я был совершенно один. Я закрыл глаза и ждал, что Лаки придет извиняться, но его не было.

Смерти не было тоже. Я ожидал увидеть ванну, полную крови, но вместо этого увидел, как закрываются вены, как сползается и заживает плоть, убирая чудовищную рану навсегда. Я был настолько ошарашен, что пропустил момент, когда появился Лаки.

— Ты что-нибудь слышал про нанотехнологии? — мрачно спросил он. — Про крошечные такие механизмы, которые ползают внутри тебя, которые только и ждут, пока ты разрежешь свои долбанные вены, мать их!.. Извини.

Я понял, за что он извиняется на самом деле. За то, что меня превратили в боевого зомби.

— Пустяки, — улыбнулся я.

— Я знал, что ты так скажешь. Ладно, идем.

Я встал, но ноги подкосились, Лаки едва успел меня

подхватить. Я наконец-то заплакал. Это было слишком. Мне стало страшно. Наномашины жили внутри меня. Кто я теперь? Робот? На сколько процентов я состою из железа? И вообще, у меня в голове что-то осталось, кроме программ?

— Ричи, это и есть реальность. — Лаки сгрузил меня на кровать.

— Эти штуки внутри меня, они тоже подчиняются Трайтору? — выдавил я.

— Как и весь мир, — ответил он.

Я поглядел на него и расхохотался. Он взял мое запястье, проверил пульс.

— Сердце работает… в заданном режиме, да? — спросил я сквозь истеричный смех.

— Твоя жизнь не утратила смысла? — поинтересовался Лаки.

— Утратила на хрен!..

— Поговорим, когда ты успокоишься, — он хотел встать, но я вцепился в него, сейчас для меня был реален лишь он. Я боялся. Я давно уже боялся пластмассовых трубок дыхательного аппарата, я боялся имплантированных зубов и искусственных волос, эти фобии преследовали меня с детства. А теперь я узнал, что все это — ерунда по сравнению с тем, что живет, именно ЖИВЕТ внутри моего тела. Страйка вряд ли мучили подобные глупости. Его проблема была в другом. Он безумно хотел умереть, но ему подарили бессмертие.

— Ты действительно веришь в Ад? — спросил я.

— Да. Верю, — ответил Лаки. — Особенно теперь, когда нам изменили стандарты тела.

ЛАКИ СТРАЙК — 5

Перезагрузка.

— Где Экстра? — спросил Лаки с порога.

— Отдыхает в Единице, — ответил Трайтор, отключая силовое поле. Лаки прошел в кабинет.

— Они с Найком уехали только вчера, — прибавил шеф, отворачиваясь. Он наверняка догадывался, как важно для Страйка поговорить сейчас с Экстрой, и сделал все, чтобы этого не случилось. — Я дал им небольшой отпуск. Если все пойдет хорошо, ты скоро встретишься с ними. Бэни собирался закинуть им железо, чтобы вам, если что, не везти его, так что можешь передать через него привет.

— Экстра будет счастлив, — фыркнул Лаки.

— Вы вовремя взяли ее, молодцы, — в голосе Трайтора не было и тени одобрения. Казалось, он чем-то очень расстроен. Лаки молча ждал продолжения и не ошибся.

— Ситуация была такова, что вся конспирация едва не накрылась из-за вашего мудацкого поведения, твоего и Экстры, но тебе удалось предотвратить катастрофу и даже надыбать кое-какую интересную информацию. Так что счет — по нулям. Вы идиоты, я не должен на вас сердиться. Вот так.

«Точно что-то случилось», — понял Лаки. Шеф был на грани срыва.

— И что ты собираешься с ней сделать? — спросил Страйк, глядя на него в упор. Тот несколько секунд молчал, потом схватил Лаки за шею и ударил лицом об стол.

— Я не понимаю одного, — зашипел Трайтор. — Ты действительно такой тупой, или ты просто издеваешься надо мной? — Единственное, что всегда оставалось бесстрастным в его поведении, так это голос. Голос механического монстра. В детстве такими голосами разговаривали ужасные чудовища. Его голос отталкивал и подчинял одновременно, а Трайтор любил поговорить.

— Она — в разработке! — он и не думал отпускать Лаки. Он лишь наклонился к столу, и его горнолыжные очки оказались напротив глаз Страйка. Левую щеку шефа когда-то опалило взрывом, вблизи это было хорошо заметно.

— Ты понимаешь, что такое разработка? Или ты уже забыл? Хотя, наверное, забыл. Я поставил тебе отличные блоки. Своими действиями, своим вмешательством вы добились одного — ее

перекинуло даже раньше, чем я ожидал. Ну? И что мне с вами делать, с мудаками? Пиздюлей вы не понимаете. Что, пришло время жестких программ? Лаки, подумай, прежде чем будешь отвечать.

Он отпустил его шею, и Страйк судорожно вздохнул полной грудью. Лицо Трайтора выражало искреннее сочувствие. Если бы не очки, делавшие его похожим на насекомое, он был бы совсем реален.

— Как ты считаешь, у эмпи есть душа? — спросил его Лаки. Шеф протянул руку, чтобы потрепать его по щеке, но Лаки резко отбросил его ладонь и вскочил из-за стола.

— Хорошо, — сказал Трайтор. Его плечи поникли и он, очень опечаленный, встал. — Мне жаль.

Глядя на него, можно было подумать, что это правда.

Страйка сдавило полем. Трайтор взглядом пододвинул ему кресло, уронил его туда.

— Я мог бы вскипятить тебе мозги, но, к сожалению, я не властен над твоей волей, — признался шеф. — К счастью, у нас есть доктор Штульман, и он поможет мне наложить на тебя полный контроль. Итак, поприветствуем доктора Штульмана!.. — он подскочил к переговорному устройству и рявкнул в него:

— Штульман! К шефу!

Лаки улыбнулся, представив, как подскакивает Штульман всякий раз, когда слышит в наушнике этот рев.

— Сейчас, сейчас, — пообещал Трайтор, злодейски ухмыляясь. — Ты взбесил меня. Если бы ты знал, какого труда мне стоило заполучить ее! Внеплановый эмпи, эмпи вне ментальных разработок, о котором ничего не знают федералы, абсолютно свободный от их долбаных программ!.. Которого не надо перепрограммировать, как вас, мудаков! У которого не сгорят к чертовой матери мозги в двадцать четыре года, которого можно «наворачивать» вечно!.. Черт! Черт! Да я отдал бы сто таких, как ваша долбанная банда, ради такого экземпляра, как она!.. Какой же я идиот! Мне стоило пристрелить вас обоих еще тогда, в баре! И ничего бы этого не было!.. Если бы Трайтор мог, он наверняка бы заплакал, но слезные протоки, скорее всего, сгорели вместе с его глазами. Он прошелся по кабинету. Усилием воли Лаки удалось задавить такую близкую панику.

Трайтор завораживал. Он был самым мощным генетическим выродком в ментальных разработках, и он делал таких же монстров, как и сам. Правда, с некоторыми ограничениями. Никто из них пока так и не смог преодолеть Высший инстинкт, с этим блоком федералов Трайтору было бороться тяжелее всего. Но творения Трайтора превосходили программных эмпи по

ментальным и боевым характеристикам в несколько раз. А еще они быстро ломались. Лаки знал все это и раньше, просто все время пытался забыть, как и его друзья, забывавшие каждый по-своему. Может, поступок Экстры и не был таким уж глупым, может, Экстра просто протестовал таким образом против полного контроля, когда ты свободен лишь в своей музыке и своих видениях, и это значит, что Экстра все правильно сделал, помогая Эль сбежать. И Лаки Страйк, и дружище Эрлиг, и сынок Найки тоже все правильно сделали…

«Наверное, они решат превратить меня в идиота», — подумал Лаки, глядя на запыхавшегося Штульмана.

— Мне нужно подавление класса «А», — сказал Трайтор в напряженной тишине.

— Его перекинет! — сразу же возразил Штульман. Несколько секунд они таращились друг на друга. Вернее, Трайтор лишь делал вид, а на самом деле наслаждался энергетикой животного ужаса, которую излучала съеженная аура испуганного доктора. Но зато он никогда не плющил его полем.

— А ты сделай так, чтобы его не перекинуло, — попросил шеф. — В принципе, такое возможно.

Штульман проворчал что-то насчет идиотских заданий, сдернул Лаки с кресла за плечо.

— Пошли! Надо же! Подавление класса «А»! Класса «А»!.. А я, между прочим, не для этого пришел сюда работать! — высоким дрожащим голосом заорал неожиданно Штульман. — Не для того! Все они — идеальные солдаты, просто их надо чуточку подправить! Чу-точ-ку! Это же ювелирная работа! Это же программы, рассчитанные на все виды восприятия, по всему репрезентативному спектру!.. В его подсознании образуется чудовищная дыра из-за такого воздействия! Ты такой же, как он, ты не можешь этого не понимать!

— Так сделай, чтобы этого не было! — повторил Трайтор. Доктор хотел что-то крикнуть, но визгливо взлаял от нехватки слов и потащил Страйка в «операционную».

Эрлиг сидел на столе, играя на электрогитаре душераздирающее соло. Сначала он глядел на Лаки заинтересованно, потом отложил гитару в сторону.

— Лаки? — удивился он.

— Откуда здесь столько снега? — проворчал тот, вытаскивая ноги из невидимых сугробов, с трудом пробираясь к своей постели. — Опять какой-нибудь сраный оползень, да?

— Это чем ты так обколбасился? — поинтересовался Эрлиг. — Слушай, а там еще есть?

— Закрой лучше окно! Кстати, ты не помнишь, где лежали

Экстрины лыжи?

— Зачем… тебе лыжи? — ошарашено, но не без иронии спросил Эрлиг. — Чтобы ездить по комнате? Ты лучше скажи, чего нажрался? Меня последний раз так глючило года три назад!

Лаки добрел до кровати и начал кутаться в одеяло.

— Ну-ка, взгляни на меня! — насторожился Эрлиг. Лаки не отвечал, он раскачивался, обхватив себя руками за плечи. Эрлиг осторожно слез со стола и попытался незаметно покинуть комнату. Страйк неожиданно заинтересовался его действиями и поднял голову:

— Подожди!

Радужка его глаз мягко светилась серебром, но она была совсем тонкой из-за огромных зрачков.

— Я тут… это… — сказал Эрлиг, застыв неподалеку от выхода.

— Я тебя не отпускал, — тихо сказал Лаки, собираясь перед броском. Эрлиг метнулся к двери. Страйк успел нажать на кнопку тревоги, к несчастью для Эрлига, оказавшуюся в пределах досягаемости. Блокатора, почти успевшего распахнуть дверь, откинуло полыхнувшим экраном. В коридоре врубилась сирена. Несколько секунд Эрлига колбасило, потом он поднялся, беспомощно поглядел на Лаки и негромко хохотнул.

— Потрясающе! Дружище Эрлиг чем-то разозлил Темного Папу? Трайтор!!! — он прокричал это в потолок, туда, где, по его мнению, находилась одна из скрытых видеокамер. — Быстрее! Сюда!

Лаки потряс головой.

— Эрлиг, твою мать, что со мной?

Он был бледен, вокруг глаз залегли тени, и от этого казалось, что кольца радужки светятся еще ярче. Он пока еще справлялся с собственным безумием.

— О, Темный Папа… — проговорил Эрлиг, оглядываясь в поисках любого оружия. — О, Темный Папа… О, Темный Папа… — повторял он, стараясь не делать резких движений.

— А вот и старые Экстрины лыжи! — неожиданно заорал он, заглядывая Лаки за плечо. Тот обернулся, купившись на эту разводку, а когда начал поворачиваться обратно, Эрлиг, неожиданно для себя самого, залепил ему изо всех сил кулаком в нос.

Удар был прекрасным. Страйка подкинуло и перевернуло, кровь брызнула во все стороны. Он даже отрубился на пару секунд, и Эрлиг, не теряя времени, заломал ему руки за спину и защелкнул наручники.

— Трайтор, твою мать! — заорал он в потолок. — Бегом!..

Лаки замотал головой, потом уставился на блокатора. Его лицо, залитое кровью, пугало. Из горла вместе с воздухом вырывалось рычание.

— Я — доктор! Я — доктор! — быстро заговорил Эрлиг. — Я — терапевт! Я помогу тебе… Я… помогу… тебе… Ты меня слышишь? Спокойно! Успокойся… Вот так… Ты поплыл… Поплыл… — и закатал ему с ноги в корпус. Страйк перекатился через журнальный столик. Эрлиг пинком разнес столик на тучу осколков, которые обрушились на Лаки сверкающей волной.

— Все? Ты успокоился? А ты знаешь, что помогает при перезагрузке? Электрический ток! — он вмазал ему по почкам. — Я назначаю тебе электрошоковую терапию! — и, схватив Лаки за шкирку, он поволок его в санблок, не переставая выкрикивать имя Трайтора.

Там он обрушил бесчувственное тело Лаки в ванну, ударив его посильнее об край головой. Врубил ледяную воду. Ванна стала быстро наполняться. От холода Страйк пришел в себя.

Он задыхался, махал ногами, но вылезти не мог. Эрлиг отцепил от пояса шокер.

— Я в порядке! — проклацал зубами Лаки.

— Ты уверен? — нахмурился Эрлиг.

— Вытаскивай меня! — заорал Страйк, приходя в бешенство. — Или ты хочешь меня убить?!

Эрлиг усмехнулся, повесил шокер обратно на пояс и вытащил Лаки из воды. Тот грохнулся на пол, его довольно сильно трясло.

— Открывай! — попросил он. Эрлиг отрицательно покачал головой.

— Открывай! — повторил Лаки. Эрлиг покрутил на пальце связку ключей.

— Если я освобожу тебя, ты меня убьешь. Ты убьешь эмпи, своего лучшего друга. И тогда тебя точно перекинет!

— Я умираю? — у Лаки перед глазами все вертелось.

— Ты плывешь, — возразил Эрлиг. — Это твоя первая перезагрузка? Ты многого не знаешь… Трайтор! Трай-тор!!!

— Чего я не знаю? — заинтересовался Страйк.

— До завершения боевой трансформации осталось две минуты! — Эрлиг наклонился над ним, заглянул в глаза. — Я не понимаю, чего он ждет? Может, ему интересно, как ты будешь драться?

Лаки начало рвать.

— Только не это! — поморщился Эрлиг. — Сопротивляйся. Иначе нам обоим пиздец.

Страйк поднялся на колени, попытался встать. Эрлиг подумал, затем затащил его в кресло и принялся приматывать

скотчем. Лаки хохотнул.

— О да!.. Это остановит меня!.. Слушай, Эрлиг, мне давно уже не терпится тебя грохнуть!

— Не поддавайся. — Эрлиг связал ему ноги. — Трайтор!..

— Он не придет. Поищи лучше какое-нибудь оружие, — подсказал Лаки. — Я недолго останусь в этом кресле.

Эрлиг метнулся вдоль стеллажей, схватил первый попавшийся парализатор. Вернувшись, он уселся напротив.

— Тебя уже перекидывало? — спросил Лаки.

— После разработки.

— На что это похоже?

— На Ад, наверное… Это — не плохо, даже не очень больно, просто тебе кажется, что ты все понял. В мире больше не остается секретов. А потом начинается сбой. Ты видишь программу изнутри, ты делаешь то, к чему тебя готовили. Вероятнее всего, нас готовили убивать себе подобных. Так как в этой комнате только ты да я, ты постараешься убить именно меня, своего лучшего друга. И если тебе это удастся, все закончится хорошо.

— А если нет?

— Тогда у тебя мозги из ушей полезут.

— Выруби меня, — попросил Лаки.

— Это не поможет. У тебя в голове происходят сейчас такие процессы… Даже твоя смерть, наверное, не сможет остановить перезагрузку.

— Да, — вздохнул Лаки. — Как жаль, что ты не Высший оэмвэшник. Ты мог бы эмпировать меня, как Трайтор, и ничего бы не случилось. Правда, ты готов?

— Я легко эмпирую тебя, — засмеялся блокатор, поигрывая стволом парализатора. — Я сто раз видел, как это делает Экстра.

— Подожди, — улыбнулся Лаки. — Я не ослышался? Ты эмпируешь меня?

— Хочешь проверить? Расслабься… Слушай сюда. Этот ковер на стене… Этот парализатор в моих руках… Эти жуткие мгновения тишины перед очередным ударом тревоги… У-а-у!.. — передразнил он сирену, ревущую в коридоре. — Мне продолжать? Ты все еще на связи?

— У тебя почти получилось.

— Тогда я продолжаю. Расслабься!!!

Лаки затрясло от смеха.

— Смеяться запрещается! — проревел Эрлиг. — Слушай мои слова! Мой голос! Сконцентрируйся на дыхании, твою мать!.. Засранец! Только перекинься! Вот твари! Они чем-то обкололи тебя! Трайтор!

Лаки рванулся пару раз, но полосы скотча пока держали.

— Не могу больше, — пожаловался он Эрлигу.

Когда планетарная космическая станция закрывает собой солнце, остается только сияющая корона плазмы, звездное небо и ветер над просторами пустынь… Ветер закручивает пыль умирающих созвездий и разбрасывает ее высоко над головой, ветер наметает сугробы вокруг пустых домов и мчится дальше, мимо уснувших спутниковых антенн полигона, мимо жерла потухшего реактора, за пределы последнего города на планете… Снег на разделительной полосе не тает, он оседает на трубах коллектора, он воет внутри этих труб, и коллектор поет средневековые песни смерти. И еще ветер несет с собой погребальный звон, но колокола это, или рельсы химической тревоги, понять невозможно.

Лаки вынесло из кресла, едва Эрлиг успел довести поршень шприца с десятью кубами Экстриной кислоты до конца. Эрлиг выстрелил в него в последний момент, в упор, и это дало ему пять минут, чтобы собрать волю в кулак после инъекции. Мышцы сводило. Надвигалась волна. Эрлиг хрипло дышал, легкие разрывались от гипервентиляции. Инъекция программного препарата вне расписания перемкнула все цепи. Он потянулся, расправляя плечи. Над плитой кухонного блока висело два мясницких ножа. Эрлиг взял оба, прежде, чем шагнуть навстречу абсолютно свободному Страйку.

Кто-то был рядом с ним, но не внутри головы, как еще совсем недавно, а просто рядом. Знакомый голос говорил довольно жестко, и это был… Трайтор, понял Лаки. Это Трайтор. Поездка в Ад сорвалась.

— Когда ты выйдешь из этого кабинета, скотина, — говорил шеф, — лучше застрелись. Я не знаю, что я с тобой, мудаком, сделаю. Я просил тебя о чем? А ты что сделал? Что ты ему вводил? А второму?

Послышался шум борьбы — импульсивный Трайтор, наверное, душил доктора Штульмана, и, как ни странно, руками.

— Я не… Хм… — хрипел тот, очевидно, пытаясь сказать, что всего лишь выполнял приказ самого же Трайтора.

— Я отправлю тебя в виртуальный Ад! — угрожал шеф. — Слышал про седьмой уровень сложности? Пока ты не пройдешь его, я не выпущу тебя из Локалки! Двое парней проходят его уже полгода, не хочешь на них посмотреть?

Снова хрип Штульмана. Потом опять Трайтор:

— Или мне отправить тебя в Приют Локальных Извращенцев? В ПЛИ? Не слышал про такую игру?

Лаки улыбнулся. В Локалке существовало множество веселых местечек навроде ПЛИ. Вероятно, Трайтор втыкал штекер прямо в разъем зрительного центра и смотрел веселые картинки еще одной реальности.

Клиническая карта на консоли изменилась, кривая мозговой

активности поползла вверх. Трайтор повернулся, отпустил Штульмана и подошел к модуляторному креслу. Отодвинул от лица Лаки кислородный аппарат.

— Почему? — спросил у него Лаки.

— Хочешь знать, на кого я поставил?

— Я устал быть тарантулом. Я не могу сожрать своих друзей. Я не экспериментальный материал. Я — Лаки Страйк. Я должен был его убить?

Трайтор фыркнул, запрокинул лицо к потолку.

— Паранойя Экстры перешла, как я вижу, и на тебя. — Трайтор интонацией выделил слово «вижу».

— Верно, — согласился с ним Лаки.

— Теперь слушай сюда, — попросил Трайтор. — То, что вас с Эрлигом все же перекинуло, ничего не значит. Я продолжаю разработку. После общего курса терапии я загружаю последнюю ступень. Это задержит вас недели на две, что весьма херово, так как мне нужна информация по куполу как можно скорее. У вас будет всего одна попытка. И еще… — он поморщился, как от острой боли, но договорил:

— Там будут эмпи. Вы убьете их всех. Всех, понимаешь? А пока отдыхай…

Трайтор все же потрепал его по щеке, как хозяин — послушную собаку. Потом поглядел на Штульмана. И Лаки загрузило в сон.

Штульман модулировал прекрасные сны. Несложные уровни потрясающей игры, веселой и захватывающей, где двадцать пятым кадром шла программа. И Лаки знал, что забудет все это, забудет то, что открылось ему, когда он стоял под проливным дождем, а синие и белые молнии ласкали его обнаженное тело — то, что программа загружается именно сейчас, ступень за ступенью, прямс в беззащитное подсознание. Сейчас, когда они с Эрлигом вымотали и едва не убили друг друга, когда он, устав бороться с Трайтором, принял его правила, думая, что играет по своим… Но ладони Эль возбуждали его, ее волшебные глаза оказались напротив, а потом она впилась в его губы, и Лаки не смог больше сопротивляться.

Трайтор знал, на что его купить.

— Мне очень нужен этот диск. — повторил Трайтор. Теперь каждый день начинался с политинформации, на которой шеф подробно разъяснял, что ему нужен диск, зачем ему нужен диск, и что произойдет в случае, если ему не принесут этот диск. — А теперь в спортзал! Бегом!

Эрлиг сверкнул глазами не хуже настоящего бокора. Его лицо выдавало все, о чем он думал.

Лаки повернулся и пошел по коридору. Эрлиг нагнал его около дверей спортзала. Несколько блокаторов занимались на тренажерах, в солнечном свете шевелились пылевые столбы.

— Я его убью, — глухо проговорил Лаки. Эрлиг хлопнул его по плечу, залез под штангу, и, рванув ее вверх, запыхтел, равномерно выжимая снаряд. Лаки мрачно поглядел вокруг. Ему хотелось одного — лечь на пол и тихо умереть. На мгновение ему показалось, что в глаз попала соринка. Страйк заморгал, но странное ощущение в глазах не проходило. Предметы вокруг начинали двоиться. У него закружилась голова, но почти тут же все прошло, только кровь колотилась в барабанные перепонки. Несколько капель упали на рукав. Лаки поднес пальцы к лицу, посмотрел на свою руку. Ладонь была окутана едва заметным сиянием. Он встряхнул волосами, подошел к беговой дорожке и тяжело побежал. Тут же слева поехала картинка осеннего леса. Лаки сосредоточился на дыхании, наблюдая, как пейзажи сменяют друг друга. Ему удалось добежать до конца. И почти сразу же наступила тьма.

Корпорация «Сфера».

За день до рейда им выдали блокаторские костюмы, напичканные всевозможными датчиками, и отправили к Штульману на подгонку. Они втроем улеглись в модуляторные кресла, а доктор и еще два оператора начали снимать параметры. Лаки поглядел на Эль. Ее лицо скрывал модуляторный шлем, облегающая ткань комбинезона подчеркивала фигуру. Он задержал взгляд на ее груди, и тут же перед глазами полыхнула вспышка.

— Страйк, не отвлекайся, — попросил Штульман. — Женщины — это прекрасно, но идея превыше всего. — И еще раз повторил для всех: — Ни о чем не думать! Чистота параметров зависит не только от меня, но и от вас.

Трайтору и его операторам так и не удалось подавить блок эмоций, но это был единственный минус программы. Максимальная свобода выбора уравновешивалась жесткими ограничениями на инициативу — вспышка перед глазами подсказала Лаки, что его болевые центры захвачены Трайтором.

— Ты чем-то недоволен? — услышал он голос шефа в своей голове. — Я обещаю, что выну из тебя все эти датчики, когда диск будет у меня. А она ничего, правда? Теперь, когда мы с тобой действительно одни, я могу тебе рассказать про Эль все, что

хочешь. Тебе интересно?

Лаки молчал.

— Иногда эмпи рождаются и вне ментальных разработок, — сказал Трайтор где-то внутри черепной коробки. — Это — огромная редкость. Как правило, они долго не живут — слишком уникальны. Они владеют редчайшим даром. Они контролируют поле. Ты, Лаки, выращен в разработках, твое появление не случайно. Ты вписан в разработки под кодом «Лаки Страйк», я знаю о тебе все. Как и федералы. Эль могла бы стать моим секретным оружием. Я вел ее целый год. Я оберегал ее от воздействий реальности. Я тренировал ее, как будущего генератора, а это — редчайшая специализация. Это — Взаимодействие Полем в чистом виде. И это — постоянный прессинг, постоянные программы… Вы все испортили мне, ты и Экстра. Вы думали только о себе, на организацию вам всегда было насрать… Зачем вы вмешались в процесс? Я веду Эль в красном секторе, она испытывает колоссальные стрессы — и тут Экстра подставляет дружеское плечо!.. Помогает убежать от злого дядюшки!.. А, что с вами говорить!.. — Трайтор матюгнулся, как ребенок, у которого сломалась любимая игрушка. — Ты можешь взять ее себе, если захочешь, — пообещал он. — Я отпущу ее, она уже совершенно бесполезна для меня. После задания Эль будет свободна.

Лаки облегченно вздохнул, и на консоли загорелась одна из лампочек. Штульман покачал головой.

— Страйк, не отвлекайся. Хватит думать! — и у Лаки в голове взорвалось еще одно облако света…

— …Бегом! Бегом! — орал Бэни. На улице, в кромешной темноте, хлестал мокрый снег. Они выскочили во двор — и столбы прожекторов вспороли ночь. И сразу стало видно, какая дрянная погода стоит сегодня.

— Бегом! — прокричал Бэни Страйку в лицо. Тот даже бровью не повел. Следом за ним под снег вышли Эрлиг и Эль, остановились, глядя на транспортный «дафт», зависший неподалеку.

— Бегом! — Бэни все это время истошно орал и совершенно сорвал голос. Они шагнули в реальность, и Лаки почувствовал — это черта.

Эмпи покидают базу и отправляются в рейд, втайне веря, что на самом деле они лежат сейчас в «операционной», в модуляторных креслах. Лаки так и подмывало ущипнуть себя за руку. Когда они прощались, Трайтор обещал, что не подпустит Штульмана к консоли и будет вести группу сам. Лаки не хотел, чтобы кто-то сбивал ему адреналин, контролируя эмоциональную

сферу взаимодействия. Холодная ночь швырялась отвратительной кашей из снега, ослепляла беспокойным светом, но все это было дверью, и расстояние до «дафта» Лаки прошел как можно медленнее, наслаждаясь каждым шагом. Он подсадил Эль, Эрлиг тут же оказался рядом в надежде, что Страйк подсадит и его. Лаки шагнул в сторону, уступая ему дорогу.

— Да пошел ты! — рявкнул Эрлиг. Повис, уцепившись за борт, подтянулся и перекинул себя внутрь «дафта». Лаки, подскочив, ухватился за его протянутую руку, Эрлиг помог ему залезть.

Стальная дверь въехала со скрежетом в пазы, машина вертикально пошла вверх. Лаки шагнул в пыльную духоту салона и огляделся. Узкие прямоугольники окон запотели, корпус «дафта» содрогался и потрескивал. Он уселся в одно из кресел, привалился к стеклу пылающим виском и поглядел самому себе в глаза. Эрлиг ругался с пилотом. Для этого он прошел в кабину, его широкая спина загораживала проем отсека. Бэни, к счастью, с ними не полетел, но Трайтор стал на какое-то время внутренним голосом Лаки, и это нервировало его. Он боялся, что шеф заговорит в его голове в любой момент.

Он надел гермошлем, откинулся на спинку кресла.

— Ты — старший группы, — тут же сказал ему Трайтор, и Лаки все-таки вздрогнул. — Все инструкции ты будешь получать от меня лично. Вас высадят на пятидесятой трассе. Вы сядете в черный «матео» и вас отвезут к федералам. Ваша цель — корпорация «Сфера», вот подробный план… — на щиток гермошлема вылезла картинка, повисела, затем исчезла, но осталась в памяти.

— Если что-то пойдет не так, выбирайтесь сами, никаких спасательных групп не будет, кроме машины, которая заберет вас оттуда, — предупредил Трайтор. — Вот схема уровней здания. Нулевой… Первый… Второй… Третий… Дальше. Вот схема периметра. Десантироваться будете вот здесь.

На подробном плане вспыхнул зеленый крестик.

— Вот ваш маршрут… В общем, загружайся. Отбой.

— …И в следующий раз чтобы лег на брюхо! — услышал Лаки голос Эрлига. Пилот что-то прокричал в ответ, но слов было не разобрать. Эль сидела через несколько кресел на противоположной стороне салона. Больше всего она напоминала неактивированного биоробота.

Лаки отметил, что она не переменила позы с тех пор, как сюда попала. Плюнув на мелькавшие в голове чертежи, он пошел к ней по проходу, но Трайтор перехватил инициативу.

— Стоять!

Страйк проигнорировал приказ. Он наклонился над ней, и его тут же опрокинуло плазменной вспышкой. В голове зазвенело.

— Отойди от нее, — попросил Трайтор. — По-хорошему прошу. Вернись на свое место.

Лаки поднялся с пола, пытаясь сфокусировать взгляд. Эль даже не посмотрела на него.

— Ты не досмотрел свои мультики, — напомнил Трайтор. Лаки рухнул в кресло и закрыл глаза.

На брюхо пилот так и не лег, зато выкинул их в размытую грязь с трехметровой высоты, и, мигнув синими коповскими лампами, начал разворот, уходя по дуге в плотную пелену дождя. Лаки сгруппировался, перекатился через плечо, замер, отработав страховку. Он знал, что Эрлиг — справа, но куда упала Эль, заметить не успел.

— Радиомолчание, — приказал Трайтор и исчез из головы совсем. Лаки пополз в направлении Эрлига. В темноте боевые костюмы буквально растворяли, и он отыскал блокатора не сразу. Тот показал знаками, что все в порядке.

«Где Эль?» — безмолвно спросил Лаки. Эрлиг пожал плечами. Лаки огляделся. Трайтор услужливо переключил его зрение на ночное. Лаки даже задохнулся, настолько неожиданно все это произошло. Эрлиг развернул его за плечо, одобрительно оскалился.

«Затени щиток!»

«Ты тоже.», — показал Лаки.

Эль лежала неподвижно, не подавая признаков жизни. Но она услышала шорох и подняла голову. Щиток ее гермошлема был затенен, как и у него, Лаки даже не рассмотрел ее лица. Он тронул ее за руку, показал жестами что необходимо соблюдать полную тишину. Потом они поползли. Комья грязи соскальзывали с рукавов, даже не оставляя следов. Лаки устал на это смотреть, так что, когда они достигли трассы номер пятьдесят, отдыхал целую минуту.

— Порядок, — сообщил Трайтор. — Вас не засекли. Лежите там, где вы есть, сейчас подъедет машина. В ней — ваше железо. Отбой.

— Эй! — шепнул Лаки. Эрлиг подполз к нему, вопросительно заглянул в лицо. Ничего не увидел. Сейчас подъедет машина, — сказал Лаки.

— Спасибо, что сообщил, — хмыкнул Эрлиг. Эль уронила голову на вытянутые руки и лежала, не шевелясь, пока черный «матео» не подобрал их.

Сначала они ехали мимо размытых стихией полей, и машина все время буксовала на отвратительном покрытии. Этой трассой

не пользовались, наверное, уже лет двадцать. Лаки в который раз швырнуло на Эрлига, тот не выдержал и пристегнул его ремнем безопасности. Потом справа потянулся бетонный забор, и Лаки тут же узнал в нем территорию объекта. За забором качались ветви садовых деревьев, подстриженных в форме шаров. Проклиная все на свете, Лаки отодвинул дверь и упал в лужу грязи. Закатился в кювет. Следом шмякнулся Эрлиг, потом выскользнула Эль. Машина, не останавливаясь ни на секунду, поехала дальше, и скоро фырканье мотора сменилось шумом дождя.

«Ждем», — показал Лаки. Эрлиг кивнул. Лаки визуализировал план территории, прикинул, как лучше обойти ловушки и, обменявшись с Эрлигом знаками, первым помчался к забору.

Мягко приземлившись с той стороны, он замер в тени разросшихся кустов. Через пять минут к нему присоединился Эрлиг, еще через пять — Эль. Корпуса «Сферы» были разбросаны по территории в произвольном порядке. Лаки еще раз сверился с картой, выставил на хронометре время интервала, и, показав данные своей группе, побежал к одной из трехэтажных коробок. Память подсказала десятизначный код, муляж сетчатки глаза окончательно открыл замок. Через минуту он был уже внутри.

Все шло хорошо, до тех пор, пока они не поднялись на третий этаж. Непонятно отчего сработала сигнализация, и все вокруг наполнилось воем сирены вперемешку с мигающим красным светом, почти как на Базе. Надобность в маскировке отпала. Эрлиг с плеча направил жерло ракетомета на дверь лаборатории, нажал на рычаг. Дверь вышибло волной. Посыпались стекла. Эль «ласточкой» метнулась в дымящуюся пробоину. У нее в голове имелось описание диска — такие инструкции загружались всем троим. Лаки поглядел на Эрлига, они одновременно развернулись спиной к спине, начиная стрелять в разные концы коридора, и оба застыли от шока. Парни в федеральной форме, вылетевшие на них с двух противоположных сторон, так же стояли, замерев, лишь таращились, игнорируя орущие рации. Эмпи никогда не убьет эмпи, вспомнил Лаки. Никогда…

— Стреляй! — заорал Трайтор.

— Я не могу, — прошептал Лаки. Плазменный шар внутри головы лопнул со звоном, Лаки рухнул на колени.

— Стреляй! Стреляй же! — приказывал ненавистный голос. Вспышки света в коридоре, резкий звук сирены, вспышки боли внутри головы, эмпи, которых предстояло убить — все это наложилось, перемешалось, перезамкнуло, слюна обрела железистый привкус крови, и, не понимая, что он делает, Лаки

открыл огонь.

Его захлестнуло возмущенным эфиром, но броня безумия хранила его лучше любого комбинезона. Никто так и не выстрелил в него, до тех пор, пока десантники не высадились с крыши, выбив ногами уцелевшие окна, но все они были людьми, с ними все было гораздо проще.

Эйфория шока перекрывала цепенящие волны парализаторов, он запомнил лишь это, все остальное тьма унесла с собой. Он не видел, как Эль обрушила каскады синих и белых молний на уцелевших федералов, как Эрлиг добил раненого эмпи ножом, сказав при этом «одна херня!», он не помнил, как Эль осталась сдерживать шквал огня на лестничной площадке, пока Эрлиг тащил его за шкирку к машине прикрытия, отстреливаясь от охраны с яростью обреченного.

Потом взорвалась какая-то секретная дрянь, и пламя синего цвета схлопнулось и погасло ядовитым цветком, а через мгновение ударило так, что у «флешкарра», стоящего в укрытии, заверещала сигнализация.

— Твою мать! — заорал водитель — человек, он был бледен и трясся, как осиновый лист, но Лаки не понимал, от чего именно, пока не увидел лицо Эрлига, его сияющие в темноте глаза, и тут что-то заставило его обернуться. Заставило смотреть, как тонкая фигурка Эль застыла на стене периметра, выхваченная светом сразу нескольких прожекторов, как ее прошила насквозь пулеметная очередь. Лаки понял, что несется к этому забору, а рядом с ним мчался Эрлиг, фигурка на гребне качнулась, теряя равновесие, целую секунду казалось, что она упадет обратно, но вторая очередь смела ее вниз, прямо на руки Лаки Страйка.

Диск.

Круглый стол в кабинете Трайтора был покрыт густым темным лаком. Лампы дневного света отражались в его поверхности тусклыми пятнами. Жалюзи пропускали белесый свет зимнего дня. Снег за окнами не таял никогда.

На проекторе сменяли друг друга кадры фантастического шторма, унесшего несколько миллионов туаканских жизней. Лаки смотрел на это без всякого интереса, зато пятеро Высших, основной костяк «Экотерры», были встревожены. Это чувствовалось по общему фону. Когда подборка сюжетов о наводнении закончилась, пошла реклама купола. Счастливые дети играли в цветущем саду, а за гранью силового поля на

грязном песке лежали скелеты тех, кому не повезло.

«Через десять лет, — поползли строчки поверх пустынного пейзажа, — в результате глобального потепления, повышения уровня мирового океана, перманентного изменения климата, локальных вооруженных конфликтов и ядерных войн человечество исчезнет с лица планеты. Выживут только те, кто надежно спрячется за прочными стенами…»

Из пустого оконного проема по насыпи обломков выбежал небольшой варан, огляделся, пробуя воздух языком и побрел по своим делам, перелезая через завалы. Из уютного желтого домика вышла семья. Мама посмотрела на небо, нахмурила брови и покачала головой. Малыш весело запрыгал по лужам. Папа протянул маме раскрытый зонт.

«…климатические установки позволят регулировать смену времен года. От рождественских морозов…(женщина кутается в натуральную шубу) … до июльской жары… (та же женщина, но уже в купальнике, на краю бассейна с голубой водой). …Купол — это жизнь. Долгая… (старики, обнявшись, наблюдают рассвет), и прекрасная…»

Общий вид Единицы. На горизонте — силовая дымка. Двухместный глайдер легкой тенью скользит над цветущими улицами, неоновыми магазинами, быстрой рекой, и, набирая высоту, уходит в синее небо.

Дальше пошли технические подробности, и Трайтор выключил проектор. Поглядел на Высших.

— Сколько у нас времени? — спросил его через пару минут пожилой мужчина с волевым лицом и короткими седыми волосами. Про себя Лаки называл его «Стариком».

— Около года, — ответил Трайтор. — Если ничего не случится, через год Единицу отрежет от остального мира. Это слишком ответственное решение — взорвать один из экранов, поэтому мне необходима ваша полная поддержка. Мы пока еще не готовы к решающему штурму, у нас слишком мало ресурсов. Наши противники разворачивают генетические программы в полном масштабе. Федералы чувствуют подвох. И кто окажется под куполом, мы или они, решается уже сейчас.

Он налил себе Истоковской минералки и сделал несколько глотков. Высшие застыли в неподвижности, похоже, обмениваясь телепатическими репликами. Зачем Трайтору был нужен весь этот цирк, Лаки не понимал. Эрлиг — тоже. Он широко зевал со скучающим видом, вальяжно раскинувшись в кресле. Еще перед совещанием Трайтор попросил их вести себя пожестче с «этими козлами», но ни тот, ни другой, не спешили выполнять пожелание своего шефа. У всех этих козлов наверняка имелись какие-то дела

вне «Экотерры», каждый из них рассчитывал в нужный момент оказаться под куполом и сделать все, чтобы не пустить туда других. Теракт не был нужен никому, кроме Трайтора, и Трайтор оказался в меньшинстве. Он несколько раз взглядом просил поддержки у Лаки и Эрлига, но Эрлиг зевал, а Лаки изучал отсветы ламп на темной полировке стола.

Трайтор подождал какое-то время, потом привлек внимание Высших, говорящих уже о чем-то своем, и еще раз повторил:

— Спланированный и удавшийся теракт — это наш последний шанс. Мои люди будут одеты в футболки этих идиотов глобалистов. Даже если они погибнут, никто не подумает на нас. Мы не рассекретим организацию. Понимаете меня? Нам нужно время, хотя бы десять лет. За год мы ничего не добьемся.

— Катастрофа может произойти в любую минуту, — возразил Старик, выражавший в течение всего вечера общее мнение Высших. — Вы же слышали, что случилось с Редонной?.. Мы стоим на пороге войны с Христианским Содружеством… После удачного теракта может просто не остаться времени на то, чтобы отстраивать купол заново…

Трайтор вытер лицо рукой, сосредоточился, предвидя новый виток бессмысленных споров. Ясно было одно: в руководстве «Экотерры» намечается раскол, и его, Трайтора, под купол никто не приглашает.

— А ты что думаешь об этом? — неожиданно спросил Трайтор у Лаки.

— А мне на это насрать, — вежливо осклабился тот. Эрлиг позволил себе смешок. Высшие возмущенно замолчали. Трайтор едва заметно улыбнулся.

Принесли кофе. Девушка-эмпи, безнадежно красивая модель, поставила чашку перед Лаки, и тот почувствовал, что его вот-вот вырвет. Цвет кружки, вертящийся водоворот черной жидкости, даже запах кофе — все вызывало отвращение. Эрлиг вынул из кармана кожаного плаща листки бумаги, и, не говоря ни слова, бросил их на середину стола.

— Это что? — спросил кто-то из Высших.

— Комиксы. Называются «Спасти планету». Купил почитать…

Его эпатаж вызвал целую бурю негатива.

— Это кто? — поинтересовался Старик, небрежно кивнув головой на Эрлига.

— Это мое новое оружие, — улыбнулся Трайтор. И добавил какую-то фразу понятную лишь оператору. Эмпи за столом поглядели на Эрлига с брезгливые интересом. Они не допускали и мысли об убийстве себе подобных. Эрлиг был для них очередным чудовищем Трайтора. Лаки, наконец-то, почувствовал

ярость.

— Никто из вас не уйдет живым отсюда, — услышал он собственный голос, такой же безжизненный, как у своего шефа. — Если этого захочу я. Или он. Или вот он… Здесь все понимают это? Так что ведите себя хорошо. Ваше согласие на предстоящую акцию требуется лишь номинально, просто шефу захотелось все сделать правильно. Или вы собираетесь переехать под купол, а на все остальное вам насрать?

— Не обращайте внимания на Лаки, — попросил Трайтор. — Он все еще в красном секторе.

— Вы не должны были приводить их сюда! — возмутился кто-то.

— Хватит! — сказал Трайтор. — Мы ругаемся уже два часа. Пора принимал решение.

— Вы пытаетесь нам навязать это решение, — скучным голосом произнес Старик, и эфир вокруг него загудел. Пошла волна.

Лаки согнулся пополам, его вырвало под стол. Он пропустил момент, когда Старик, искажавший поле, упал лицом на поднос с минеральной водой и затих, конвульсивно вздрогнув несколько раз.

— Никто больше не желает помериться членами? — поинтересовался Трайтор.

Больше желающих не нашлось.

— Тогда подпишитесь вот здесь. Эрлиг, Лаки, проследите, чтобы подписались все!

Они вышли из кабинета последними, вместе с Трайтором.

— Ты думаешь, что все потерял? — спросил тот у Лаки. — А ты уверен, что у тебя что-то было?

— Хочешь поговорить об этом? — Лаки поднял на шефа безмятежный взгляд.

— Эрлиг, присматривай за ним, — попросил Трайтор. — Да, еще. Вы можете уехать с Базы в любой момент, когда захотите, хоть завтра. Ваша цель — четвертый экран. Утром, когда ты проснешься, — сказал он Страйку, — все карты дозреют и встанут как надо, а сейчас отдыхайте.

Успеете за неделю? Четвертый экран должен быть разрушен.

— Экран недолго построить заново, — сказал Эрлиг с умным видом.

— Заткнись, — скучным голосом бросил Трайтор.

— Эрлиг, пойдем, — попросил Лаки. — Трайтор! Мы уезжаем прямо сейчас. Я взорву его. А потом я уйду.

Трайтор какое-то время глядел на него своими очками, затем резко повернулся и пошел по коридору.

— Я не понимаю, зачем… — начал было Эрлиг, но Лаки оборвал его.

— Он никогда не скажет тебе, зачем ему это надо. Мы должны это сделать вот и все.

— Разве мы не можем отказаться?

— Ты, наверное, можешь. А я… Я уже нет.

— Ага, чтобы меня перекинуло из-за нереализованной программы! Да пошел ты… Слушай, ты и правда решил уйти из «Экотерры»? Интересно, как? Он тебя никогда не отпустит!

Лаки посмотрел в окно.

— Сегодня же я буду в Первой черте, Эрлиг. Ты со мной?

— Хочешь поговорить с Экстрой?.. Ладно, молчу. Я с тобой.

РИЧИ ТОКАДА — 6

Теперь депрессия началась и у Лаки Страйка. Не знаю, какие там программы ставил ему Трайтор, какими препаратами он убивал его волю, но в последний раз Лаки привезли в наш блок на каталке, переложили на кровать и ушли, и вот уже два часа мы молчали. Я слышал, что Лаки не спит.

Несколько раз он пробормотал что-то отрывистое и злое, должно быть, от души ругая Трайтора, но, как лежал лицом к стене, так и остался лежать. Я почувствовал потребность хоть чем-то помочь ему, но не знал, с чего начать. Лучшим лекарством для Страйка была ярость, вот только злить его было опасно.

Я начал с того, что прикурил для него сигарету «Стразза», а потом подумал, и закурил сам. Глупо бояться легких наркотиков, если сидишь на мозголомных препаратах. Я развернул его к свету, но он закрыл руками лицо.

— Что такое? — спросил я.

— Слишком яркий, — прошептал Лаки.

Я встал и задернул жалюзи.

— Так лучше?

Он осторожно огляделся.

— Я понимаю не все, что вижу, но так действительно лучше.

— Ты знаешь, к чему он нас готовит? — выпалил я вопрос, не дававший мне покоя.

— Догадываюсь.

Его голос звучал безучастно, без тени эмоций. Почти как у Трайтора.

— И к чему же?

Лаки вздохнул.

— Ты думаешь, что тебя ждет нечто особенное, но все акции похожи. После десятой начинаешь привыкать. Становится скучно. Когда-то мне все это нравилось из-за адреналина, но позже нам приходилось развлекать себя самим, придумывать всякие забавные шутки… А сейчас мне уже не хочется ничего. Я утратил этот азарт.

— Да уж… — я вспомнил, с каким удовольствием Лаки громил птичьи клетки, и мне стало грустно оттого, что это прекрасное время ушло навсегда.

— А помнишь Ритку? — спросил я, опасаясь, что он снова надолго замолчит.

— Практически нет.

— Что? — удивился я. Ритка была моим самым ярким сексуальным переживанием, и я все еще думал о ней.

— Ритка была человеком, — отозвался Лаки.

— В каком смысле? — не понял я.

— В прямом. Она была просто красивой пустотой. Так бывает гораздо чаще, чем хотелось бы.

— И Мэйджи?

— Училка? Высшая? — кажется, Лаки начинал оживляться. В его голосе даже появились слегка вопросительные интонации.

— Ты не представляешь, как она заводила меня, — признался я. — Я смотрел ей в глаза и понимал, что все, готов… Я даже писал для нее стихи.

— Я тоже когда-то писал стихи, — усмехнулся Страйк. — Я писал тексты для «Нет Прощения!», на пару с Экстрой.

— Их застрелили копы? — брякнул я, не подумав.

Лаки воспринял это спокойно.

— Федералы. Кто-то подставил нас, вот мы и вляпались. Меня перекинуло, я ничего не помню из того, что там было. Нас всех тогда перекинуло… Мы должны были взорвать четвертый экран, но так ничего и не взорвали.

— Ты сказал, что эмпировал меня только для того, чтобы вернуться…

— Я знал, что ты генератор, с самого начала. Просто ты находился под такими мощными блоками, что этого было незаметно, особенно тем, кто раньше никогда не общался с чудовищами навроде тебя. Я эмпировал тебя, чтобы взять с собой.

— Я ничего не слышал об этой специализации.

— Неудивительно, — хмыкнул он. — Считается, что ментальное поле генерировать невозможно. Трайтор — такой же генератор поля, как и ты. Вы вообще с ним похожи.

— Вот спасибо!

— Это так. Вы оба живете в мире жестких окончательных решений. Только ты еще не понял этого. Это не хорошо и не плохо, просто генератор поля подчинен силе, и она очень часто действует за него. Трайтору ничего не стоило отнять последний шанс у кого-то из своих друзей, но вовсе не от того, что он — сволочь, хотя это так. Просто он иначе не может. И все-таки я ненавижу его.

— И все равно… — у меня перехватило горло, но я сказал довольно твердо:

— Знаешь, у меня никогда не было друзей, кроме тебя.

— Вспомни, с кем ты учился, — улыбнулся Лаки. — И каким ты был.

— Я был лучше, — возразил я.

— Лучше? В каком месте? — засмеялся он, приподнимаясь на локте. — Ты был тряпкой. Ты постоянно всего боялся. Раз за

разом я моделировал все более опасные ситуации, чтобы встряхнуть тебе мозги. Я даже позволил Кулу избить себя!

— Ты действительно многое для меня сделал, — признал я. Мы рассмеялись.

— Знаешь, — сказал я, — я раньше думал, что ты просто выпендриваешься передо мной, совершая безумные поступки. Я понял это совсем недавно: ты действительно хочешь умереть?

— И почему ты так решил? — поинтересовался он.

— Почему ТЫ так решил? — спросил я в ответ.

Он вздохнул, лег обратно на кровать.

— Ты можешь представить себе психологию оружия? Бомбы, снаряда, патрона? Поразить цель и умереть. Я — оружие. Просто оружие, и ничего больше. И ты, кстати, тоже.

— Оружие не испытывает страха, — возразил я. — А я боюсь.

— Чего? — Лаки снова приподнялся на локте, уставился на меня.

— Боюсь, — улыбнулся я. — Кто-то не боится, а вот я — боюсь. Я не знаю, что будет со мной дальше.

— Только поэтому?

— А почему обычно боятся? Почему?

— Да откуда я знаю? А дальше будет вот что. Мы начнем поражать цель за целью. Через пару лет от нас ничего не останется, наши продвинутые личности исчезнут навсегда, зато физическая оболочка будет жить вечно, отдыхая в крионике после рейда, до тех пор, пока Трайтор не вырубит консоль, а он не сделает этого никогда. Ричи, смерть — это наш единственный шанс. Я начинаю забывать… — он помотал головой. — Я помню только самые яркие моменты, все остальное уходит в тень… Я часто думаю, а что было бы с Эль, если бы ее не убили, ведь Трайтор ни хрена не отпустил бы ее… Год назад технологии были совсем другими. Я не был зомби. А теперь я зомби, черт бы меня побрал… — он небрежным жестом смахнул с тумбочки какие-то банки и закрыл глаза.

— Ты слышал про просветленных? — спросил я у него. Лаки принялся хохотать. Я дождался, пока он заткнется, и продолжил:

— Трайтор прав. Реальность — это тест. Если хочешь, еще одна программа. Существо, свободное от программы, свободно от своей судьбы. Если существо достигает просветления, оно освобождается от самой главной программы… — признаться, я запутался. Я хотел сказать не совсем это, но он понял меня.

— Да-а? — протянул Страйк. — И как же достигается это освобождение? Уж не постепенным ли освобождением от более мелких программ? Ведь от главной программы так просто не освободишься, верно?

— Верно, — согласился я, не понимая, куда он клонит.

— А если так, то для достижения этого долбанного просветления, вероятно, предлагается убить в себе все, что этому мешает, то есть более мелкие программы, такие, как ненависть, зависть, любовь и так далее. Верно?

— Ну да…

— Токада, мы свободны! Трайтор освободил нас и от жадности, и от чревоугодия, и от сластолюбия, так где же оно, просветление?

Он опять отвернулся к стене. Я встал с кровати, подошел к нему, развернул за плечо.

— Научись сначала прощать! — и со всей силы ударил кулаком ему в челюсть, так, что его голова мотнулась, забрызгав подушку кровью, а потом отправился в санблок, слыша за спиной истерический хохот Лаки Страйка.

Скрэмпи усадил меня в кресло, быстро пристегнул мои запястья к подлокотникам, и, крутанувшись на пятке, достал из кармана шприц. У него под правым глазом темнел кровоподтек, но это только довершало образ.

— Тебе привет от Трайтора! — воскликнул он. — Итак, приступим. Я — хакер, это моя специализация. Я научился взламывать программы раньше, чем ходить или говорить. Я сам — ходячая программа. Так что не беспокойся ни о чем!

— Ты достаточно испугал меня, — сообщил я. Он тут же засмеялся, снова завертелся вокруг оси. Он напоминал веселую мультяшку, и Доброму Герою это нравилось.

— Я начинаю взламывать федеральную программу, — объявил Скрэмпи.

— Я удалю все эти файлы, и ты станешь свободным. А потом ты спасешь мир…

— Я понял, — оборвал его я, хотя Доброму Герою хотелось слушать дальше. — Ты давно работаешь на Трайтора?

— На «Экотерру», — поправил меня хакер. — Всю жизнь.

— И тебе это нравится?

— Просто я не знаю, как жить иначе. Здесь я действительно на своем месте.

— Ты давно знаком со Страйком?

— Мы вместе учились. Но я почти не общался с ними. Они не принимали к себе никого.

— Они — это кто? — не понял я.

— «Нет Прощения!». Разве Страйк тебе не рассказывал?

— Не рассказывал.

— Понятно… Он сильно изменился, я помню его совсем другим. Меня он терпеть не может, ведь именно я вытащил его из

коллектора, куда он заполз умирать. Я еле отыскал его. Он успел сорвать несколько датчиков, след все время терялся. Он был перекинутым напрочь, но живым, и мне пришлось с ним драться. Это был кошмар. О том, чтобы взрывать экран, не было и речи. Федералы уже шли по нашему следу. Я еле тащил его… Бррр! Федералы все ближе, я уже слышу их, и тут мы со Страйком начинаем драться… Я вырубаю его, отрываюсь от погони — и по новой!.. И знаешь, что он сделал, когда меня здесь увидел?

Я посмотрел на его синяк.

— Угадал! — захохотал Скрэмпи. — Первым делом он закатал мне с ноги! Представляешь?

Я улыбнулся. Все-таки Лаки в чем-то остался прежним.

— Итак, — повторил хакер, выдавливая из шприца струйку препарата. — Как насчет Адских Гонок? Играл в Адские Гонки? Наверняка ведь играл!

— У меня они шли по пять кредитов, — фыркнул я.

— Адские Гонки! — провозгласил Скрэмпи, вгоняя иглу мне в вену. — На старт! Внимание! Марш!

Музыкальное сопровождение Гонок обрушилось сразу же, Скрэмпи даже не успел довести поршень до конца. Я оказался внутри знакомой реальности. Когда-то я не раз проходил эту игру и знал, что меня ожидает. Мотокросс по пересеченной местности Ада. Гонки нравились мне именно своими пейзажами. Но сейчас все было иначе. У меня мелькнула дикая мысль, что запрещенные локальные игры — не что иное, как программы, хакнутые ребятами навроде Скрэмпи и выпущенные в нелицензированную продажу. Музыка нагнетала фон, адреналин поехал вверх. Я огляделся в поисках мотоцикла. Вместо этого я увидел Доброго Героя на роликовых коньках, несущегося ко мне по пылающему асфальту. В руках он сжимал «фомку-кайфоломку», свой любимый обрезок водопроводной трубы, спиленный под острым углом.

Я помчался от него прочь, не разбирая дороги, прямо сквозь стены огня, чувствуя жар, боль от ожогов, слыша, как трещат мои волосы, но ужас гнал меня вперед, в эпицентр ядерного взрыва, встающего надо мной. Я почти успел сгореть, когда Добрый Герой наконец-то настиг меня и пронзил навылет холодным железом «кайфоломки».

Скрэмпи вернул меня в самое начало. Музыка заиграла по новой. Добрый Герой снова мчался на меня, угрожающе размахивая трубой. Каким-то образом я понял, что должен делать. Они хотели вынудить меня на ментальное взаимодействие. Я сосредоточился, мир подернулся рябью эфира.

Доброго Героя опрокинуло навзничь, я не чувствовал никакой

жалости, вскрывая его ребра усилием воли. Я ненавидел его даже больше, чем самого себя. Когда моя ярость достигла наивысшей точки, а Добрый Герой перестал биться в затянувшейся агонии, меня затопило волной совершенно непостижимых ощущений. Так хорошо мне не было никогда.

Это была награда за пройденный уровень.

На втором уровне мне пришлось расправиться с Лаки Страйком, а на третьем — с самим собой, и только тогда мне было позволено вернуться назад.

Трайтор и Скрэмпи держали меня в модуляторном кресле несколько суток подряд, так что когда я оттуда вышел, в голове звенела пустота. Я сделал несколько шагов по мягкому полу, увязая по щиколотку в белой пластмассе. Трайтор внимательно смотрел, как я перемещаюсь в направлении двери.

— Он выйдет в коридор и перекинется, — сказал он Скрэмпи. — Я же тебе говорил! Ричи, вернись! Я давно хотел поговорить с тобой.

Я послушно вернулся. Внутренняя цензура еще не включилась, я вел себя, как зомби.

— Присядь-ка обратно. Скрэмпи, зафиксируй его… Не бойся. На сегодня с тебя вполне достаточно, я просто хочу поговорить… Включи-ка консоль! Все в порядке?

— Красный сектор по всему спектру, — прошелестел Скрэмпи. Я видел его, даже не поворачивая головы, наверное, так же, как Трайтор, и слово «видел» здесь не совсем уместно, но я не знаю, как обозначить способность радара воспринимать то, что происходит вокруг. Я был именно таким радаром.

— Очень хорошо! — обрадовался Трайтор. — Ты все же сломал его. Теперь все пойдет гораздо быстрее. Давай-ка подержим его здесь до завтра, поставим ему что-нибудь медитативное…

— Давай дожмем его прямо сейчас! — предложил Скрэмпи. — Смотри, какой шанс!

— Он точно перекинется. Это факт. Он психопат, как и Страйк, и вся эта ганза. Помнишь, каким был Ирчи? Кроме того, он генератор поля, он тут же сгорит, если ему не оставить небольшой лазейки.

— Согласен, — неохотно отозвался хакер. — Пусть отдыхает.

— Подключи его к комплексу на всякий случай. Вернее, скажи Штульману — это все же его работа… Иди, отдыхай. Ричи, ты слышишь меня? Ричи?

— Слышу, — ответил я.

— Вот и хорошо.

В знак дружеского расположения он мягко дотронулся до

меня рукой, похлопал по плечу.

— Ты молодец. Ты все делаешь правильно. Лаки во многом неправ. Все его друзья были такими же, как он, и он хочет видеть таким же тебя. Он считает, что вынужден работать на «Экотерру», но больше он не сможет ничем заниматься, он умеет лишь убивать, и все. Понимаешь, все. Но это даже не приходит ему в голову — то, что он больше никому не нужен. Он настолько асоциален, что, не будь «Экотерры», федералы рано или поздно убили бы его. А еще он считает меня монстром, хотя я всего лишь предоставляю ему возможность хоть как-то реализоваться в этом мире.

Трайтор немного помолчал, потом заговорил голосом, каким обычно рассказывают детям страшные сказки. Голосом чудовища.

— Вначале была программа. Тот, кто создал эмпи, сделал его по своему образу и подобию, и наделил его всем, чем владел сам. Он подарил эмпи душу, свободу и разум. Но эмпи, возгордившись, воспротивился воле своего создателя и захотел убить его, чтобы творить самому.

Когда его создание обратилось против него в первый раз, он забрал у эмпи душу и дал взамен звериную ярость в рамках Высшего инстинкта.

Когда его создание обратилось против него во второй раз, он забрал у эмпи свободу и дал взамен отрешенность в рамках постоянного контроля.

Когда его создание обратилось против него в третий раз, он забрал у эмпи разум и дал взамен боевое безумие, и это было лучшим, что он сделал для эмпи, — продекламировал Трайтор. — Библия от Лаки Страйка. Есть цепи и цепи. Цепи программы разорвать невозможно, но это — наша судьба. Попробуй смириться с этим. Мне не нужна война, ни с тобой, ни с Лаки.

Запомни это, хорошо?

Оказывается, уже была весна.

Шестая черта поражала бессмыслием бетонных нагромождений. С любой крыши в ясный ветреный день отчетливо виднелись бетонные кубы ядерных станций, об этом сообщил мне Лаки, едва нам удалось оторваться от инструктора Бэни, которого я возненавидел с первого взгляда. Бэни был тем самым здоровяком, перехватившим нас, когда мы сваливали с КПТ. Трайтор отправил его вместе с нами, ему было недостаточно захвата моих зрительных центров. Все, что я видел, отражалось сейчас на его консоли. Все, что я говорил, повторяли динамики на его рабочем столе.

Все мои гормоны были расписаны на светящейся шкале экрана, включая уровень препарата в крови. И когда я думал об

этом, мне становилось страшно.

Лаки, похоже, было плевать на все, а может, он действительно привык. Все его действия, все движения, были невероятно точны и экономичны. Первым делом мы удрали от Бэни. Трайтор мог, конечно, сообщить ему, где мы находимся, но я подозревал, что он не станет этого делать. Перед рейдом он сказал нам, что предоставляет полную свободу действий. Мы можем делать все, что захотим, важно лишь убить как можно больше людей. Не знаю, как Лаки, а мне это нравилось. Скорее всего, Лаки бессовестно врал о полном уничтожении личности, ведь иначе мы утратим свободу выбора, а это — прямая дорога к смерти. Трайтор не мог этого не знать. Я понимал, что он полностью контролирует меня, и все равно чувствовал себя свободным.

Трайтор тренировал нас работать в паре. Скорее всего, полиция Шестерки уже искала нас, иначе все было бы слишком просто. Мы убивали всех, кто попадался нам навстречу. Я ощущал себя художником, рисующим кошмар живой человеческой кровью. В основном, я убивал полем. Я остро чувствовал момент смерти — выброс энергии вспарывал эфир, это приятно било по нервам. Чем больше я убивал, тем сильнее мне это нравилось, и довольно скоро Лаки остановил меня.

Мы как раз стояли в темном переулке над трупами молодых бандитов, попавшихся нам навстречу.

— Ты слишком долго это делаешь, — Лаки тяжело дышал, его глаза светились, как и у меня. — Если бы я тебя не знал, я решил бы, что тебе нравится мучить. Зачем ты это делаешь?

Пинком ноги он перевернул скорченное тело с вывернутыми суставами. Из мокрой от крови футболки торчало несколько ребер.

— Зачем все это? Ты мог просто остановить его сердце, вот и все. Трайтор, что ты с ним сделал, а? Во что ты его превратил? Ричи, тебе действительно это нравится?

— А тебе не нравится? — огрызнулся я. Как я мог ему объяснить, что мне действительно нравилось убивать с особой жестокостью, если он был совсем под другими программами?

Кажется, он все-таки понял.

— Пойдем, выпьем чего-нибудь. Просто посидим в баре. Не обязательно выполнять приказы Трайтора от и до. Пойдем?

— Пойдем, — согласился я, облизывая пересохшие губы.

Лаки вынул из кармана своей разгрузки темные очки, надел их. Подождал, пока я сделаю то же самое.

— Только не убивай никого, пока мы с тобой не поговорим. Хорошо?

И пошел вперед, углубляясь в проходные дворы.

Скорее всего, карта местности была у него в голове. Он прекрасно ориентировался в незнакомом районе, весьма похожем на гетто. Перенаселение было здесь налицо. Вернее, когда-то было, ведь строили же для кого-то все эти соты малогабаритных квартир!

Сейчас бетонные коробки покрылись сетью трещин, многие окна зияли черными провалами. Уж больно высокая смертность гуляла здесь по ночам, вместе с радиоактивными ветрами, разносившими мусорный запах КПТ и невидимое проклятье ядерных станций. Мы прошли мимо детской площадки с переломанными кабелями, пересекли несколько безлюдных улиц и через пустырь с жесткой утрамбованной землей вышли в более жилой сектор. Впереди промелькнул коповский «флешкарр» с включенными мигалками, скрылся за домами. Лаки тронул меня за руку и кивнул в сторону бара. Бар назывался «Добрая Фея», и это немного развлекло сумрачного Страйка.

— Имеется в виду Фея Смерти, — пояснил он. — В Шестерке распространены темные культы, уж больно здесь поганое место. Грань апокалипсиса. Хочешь, переночуем на одной из крыш, а завтра ты увидишь тот самый КПТ, где мы были, в ранних утренних лучах?

— Не очень, — признался я. — Я хочу есть.

— Я тоже.

Мы спустились в подвал, где мрачная музыка встретила нас звоном ритуального колокола. Здесь было по-особому спокойно. Серые тени мягкой подсветки медленно перемещались вдоль стен, в них было так легко затеряться, и я впервые почувствовал себя в безопасности. Мы заняли угловой столик, попросили принести нам чего-нибудь покрепче и развалились в удобных креслах.

— Царство теней, — проговорил я, глядя по сторонам.

— Здесь чудесно, — подтвердил Лаки.

— Ты хотел о чем-то поговорить, — напомнил я.

— Да, — беззаботно ответил он.

— Так говори!

— Ты куда-то спешишь? — усмехнулся он. — Дай мне передохнуть! Слышишь, какая здесь музыка?

Я заставил себя успокоиться. Мои мысли постоянно вертелись вокруг предсмертной агонии жертв. Момент перехода биологической жизни в чистую энергию завораживал своей тайной. Я знал, что еще немного, и я постигну ее, но очередное тело умирало слишком быстро, как бы я не оттягивал этот миг.

— Ричи, — позвал меня голос Страйка откуда-то издалека, и

я вернулся в «Добрую Фею».

— Что это с тобой? — подозрительно поинтересовался Лаки. — Ты спать, случайно, не хочешь?

Я задумался. Я действительно хотел спать, несмотря на то, что проспал двое суток перед заброской.

— Да, хочу, — ответил я. Он обреченно вздохнул. — Но я забыл тебе рассказать, — продолжал я. — Я научился контролировать перезагрузку, еще там, в Адских Гонках. Я уступаю контроль Доброму Герою, а потом возвращаюсь назад, вот и все.

Он поглядел на меня с опаской. Я рассмеялся. Конечно же, он не понял ни слова!

— На, покури лучше, — Лаки протянул мне наркотическую сигарету. Я отломал фильтр, затянулся и задержал дыхание. Он с уважением поглядел на меня.

— Интересно, как там Бэни, — вспомнил я про нашего инструктора. — Думаешь, он вернулся?

В это время нам, наконец-то, принесли пиво. Обычно я не обращаю внимания на человеческих женщин, но в этой было что-то особенное.

— Куда он вернулся? — спросил Лаки с издевкой. — Шеф голову с него снимет, если он не отыщет нас. Пиво у вас, девушка, полное говно, — обратился он к официантке. — Но сами вы ничего. Не хотите переспать с нами за деньги?

— Ты циник, — сказал я ему. — Девушка, у вас есть какой-

нибудь коньяк? Принесите его, а пиво можете включить в счет.

— Ты это серьезно? — спросил я, когда она ушла.

— Ну да. Мы ее оттрахаем, а потом ты ее убьешь. Как тебе идея?

— Думаешь, не смогу?

— Думаю, сможешь. А если не сможешь, это сделаю я. Ты не оператор, многие вещи не видны тебе. Она — эмпи. Здесь такие встречаются. Узнать бы еще, откуда берутся… Я не хочу, чтобы она досталась Трайтору, это — дело принципа. Да, Трайтор? — он спросил это, глядя мне в глаза, и я снова вспомнил, что Трайтору все видно и слышно.

— Убьешь ее, как только она принесет коньяк, — приказал Лаки. Именно приказал. Но она так и не пришла. Вместо нее нагрянули копы.

Лаки едва успел надеть свои перчатки, в которых дрался, а они уже окружили нас.

— Руки на стол! Полиция! — заорали они нам. Тут же кто-то вырубил свет, и Трайтор включил мне ночное зрение. Я очень ярко представил себе, что он сейчас играет нами, как героями, водя по полигону реальности, одной кнопкой влево, другой — направо… Но это было, конечно же, не так.

Я вскочил, вскидывая руки, и с наслаждением почувствовал чужую боль и чужой ужас. Не знаю, что мне нравилось больше. Я остро отсекал ту грань, после которой не смогу вернуться назад, но ничего не желал с этим делать. Особенно мне нравилось, когда ребра, протыкая кожу, освобождали потоки крови, и я вскрывал копов, как консервные банки. Боль обожгла мне плечо, но это лишь обострило ощущения.

Покончив с копами, я переключился на простых посетителей. Трайтор услужливо подсвечивал мне мишени. Иногда вылезала сетка с разметкой метража, и вообще, я чувствовал себя, как в навороченном гермошлеме. Трайтор догадался, что мне это нравится. Он начал переключать режимы, демонстрируя все новые возможности восприятия, и это настолько увлекло меня, что я забыл обо всем на свете.

Внезапно Лаки толкнул меня в бок, я развернулся к нему всем корпусом, и пару мгновений он светился красным, как мишень. Потом все прошло, я снова видел мир таким, каким он был.

— Остановись, — с угрозой произнес Лаки. Потом наклонился, добил умирающего человека и опять повернулся ко мне.

— Ты играешь в игры Трайтора? Тебе интересно? Больше не рассчитывай на меня!

Я неожиданно понял, что Лаки сейчас уйдет, и я останусь совершенно один, с Трайтором в голове и Добрым Героем за спиной, и это встряхнуло мне мозги лучше всего на свете. Я посмотрел на то, что делал, совсем по-другому, глазами Ричи Токады, и почувствовал ужас. Лаки обо всем догадался. Он сходил за стойку, потихоньку спровадил уцелевших, а заодно принес мне воды.

Когда я пил, у меня дрожали руки и стучали зубы, и половина пролилась на одежду, но стало гораздо лучше. Я заплакал. Он обнял меня за плечи и минуты две нес какую-то чушь, успокаивая интонациями.

Когда я стал адекватен, он сказал мне:

— Ты не должен испытывать сильных эмоций, когда убиваешь. Эмоции делают тебя уязвимым, открытым для смерти. Твой разум должен быть опустошен. Насилие без милосердия — это самая обыкновенная резня, пропадает красота поступков. Смерть не дарят всем без разбора. Смерть — это освобождение. Сейчас, когда ты отрешишься от всех своих желаний, всех эмоций, всех чувств, мы выйдем из этого дома и пойдем по улице. Мы будем убивать только тех, кто нам понравится. Лишь тех, кто достоин, а вовсе не всех подряд. И постарайся смотреть на мир СВОИМИ глазами. Токада, ты понял меня?

Я уселся на стол, скрестив ноги и выпрямив спину, положил на колени руки открытыми ладонями вверх и закрыл глаза, вспоминая безмятежное синее небо.

Проснувшись, я какое-то время бессмысленно таращился в потолок, потом посмотрел на кровать Лаки. Она не была разобрана, значит, он все еще не вернулся с промывания мозгов. Трайтор готовил нас к чему-то действительно серьезному. Я встал и прошелся колесом. Только это давало мне полную информацию о физическом состоянии. На этот раз колесо вышло идеально. Я подскочил к зеркалу и принялся кривляться, принимая различные боевые стойки, которым научил меня Лаки. Трайтор свято соблюдал договор — я не чувствовал его в своей голове и снова мог думать о чем угодно. Покончив с зарядкой, я быстро оделся и выскользнул в коридор. Мне давно уже не терпелось побродить по Базе просто так, рассмотреть все как следует. Может, встретить милую и бестолковую модель с тактильным приоритетом репрезентативного спектра… Несмотря на разработку, я продолжал думать о женщинах и был не прочь с кем-нибудь познакомиться.

Я пошел по коридору. Справа и слева тянулись двери с различными надписями, в основном — спортивного характера, навроде «Тренажерный зал», «Прыжковый сектор»,

«Ответственный за этаж», «Инструктор по скоростному спуску» и так далее, а я представлял, что там может быть на самом деле. Мимо меня то и дело проходили ребята в спортивных костюмах, с лыжами и без, но эмпи среди них не было вообще. Я собирался разыскать бар, однако ноги сами понесли меня на третий этаж. Дежурный эмпи оказался на рабочем посту перед входом. Он пропустил меня безо всяких проблем, скорее всего, запрет на посещение касался лишь людей, и это было приятно. Я пошел по мягкому ковру. Остановился возле двери с надписью «Операционная» и немного приоткрыл ее. Я думал войти туда, но меня остановили знакомые голоса. Я прислушался.

— Я мог бы это сделать и сам, — сварливо сказал Штульман.

— Нет, — возразил ему Трайтор. — Это сделает Скрэмпи. Есть вещи, которые могут делать только эмпи. У Ричи очень тонкая психика. Если он лишиться инициативы к боевому взаимодействию, а такая возможность существует, он станет бесполезен для нас.

— Скрэмпи — хакер, — напомнил Штульман. — Он умеет лишь ломать.

— Не только, — рассмеялся Трайтор. — Пока что он был на высоте. К тому же, ограничение на взаимодействие должно касаться меня одного. Иначе демон вырвется из-под контроля. Ты же все это понимаешь…

Я бесшумно отправился дальше. Дойдя до лифтовой площадки, спустился на первый этаж, где отыскал наконец-то бар. Там я сразу же купил пачку «Стразза» и бутылку коньячного спирта, открыл и то и другое, но этим и ограничился. Значит, я на одном уровне с Трайтором… У меня захватило дух. Интересно, кто из нас сильнее?.. Добрый Герой расправил плечи. Если я убью Трайтора, то…

«То что?» — оборвал я самого себя. — «Нам придется сражаться и против повстанцев, и против федералов, и вообще против всех? Так, хотя бы, у нас есть место, куда мы можем вернуться…» Скрэмпи залез на высокий стул рядом со мной и я вздрогнул от неожиданности. Быстро же Трайтору стало известно о том, что я все слышал!

— Не пей, — попросил Скрэмпи. На его лице опять сияла обаятельная улыбка, но глаза глядели жестко. — Я как раз искал тебя. Идем.

Он взял меня за локоть. У него была стальная хватка. Мы вернулись в операционную, и всю дорогу он не отпускал меня, очевидно, выполняя приказ.

Мы вошли в комнату, наполненную ярким светом. Это было главное святилище Базы. Скрэмпи работал со мной

исключительно здесь. Все вокруг было белым и светилось само по себе. Единственное модуляторное кресло стояло посередине. Информация по разработке проецировалась на стены — пустая шкала уже ждала меня. Скрэмпи подтолкнул меня к креслу, быстро зафиксировал руки и ноги.

— Что-то не так? — спросил я. — Скрэмпи, что случилось?

— Ничего, — ответил он. — Трайтор просил меня поторопиться.

— Это будет последняя ступень, да?

— Если ты все знаешь, зачем спрашиваешь? — он наклонился, чтобы сделать мне укол, но я ударил его полем. Что там Лаки говорил про отрешенность? «Не испытывать сожалений, — подсказал мне голос Доброго Героя. — Не думать ни о чем. Убивать тех, кто достоин».

«А Скрэмпи достоин?» — спросил его я, наблюдая, как хакер пытается встать на сломанные ноги и включить общую тревогу по Базе.

«Он — настоящий боец», — объяснил мне Добрый Герой. — «Он достоин смерти, как никто другой»

— Скрэмпи, — позвал я хакера. Он поглядел на меня и все правильно понял.

— Ты совершаешь большую ошибку, Ричи, — услышал я его голос, в котором, однако, не было никакого страха.

— Ничего личного, — улыбнулся Добрый Герой, и Скрэмпи подбросило несколько раз, но умереть он, кажется, не успел. Поле Трайтора сдавило мне горло, а потом я увидел и его самого. Я рванулся. Ремни крепко держали меня. Трайтор поднял хакера за плечи, вглядываясь в его лицо. Потом положил обратно, сказал в телефон:

— Штульмана в операционную! — и обернулся ко мне.

— Ты дорого заплатишь за то, что сделал, — пообещал он. — Ты — абсолютная копия Страйка. Он успел засрать тебе мозги!

Он повернулся к Скрэмпи, положил свою ладонь ему на глаза. Я увидел, как кровь снова потекла по белому светящемуся полу, и мне ужасно захотелось спать.

— Мне придется наказать тебя, Ричи. — Трайтор больше не смотрел на меня. Красная лужа вокруг Скрэмпи продолжала расти, кровь, подсвеченная снизу, горела рубиновым светом. Это было очень красиво. Я наблюдал за этим до тех пор, пока мне на лицо не начал опускаться модуляторный шлем.

«Странно, — вдруг дошло до меня. — Я только что убил эмпи, но не почувствовал ничего особенного…»

— Вмажь-ка ему двойную дозу, — попросил кого-то Трайтор, и игла пистолета ужалила меня в шею.

ЛАКИ СТРАЙК — 6

Поединок.

Мертвый квартал не менялся. У него почти не было шансов стать другим даже после глобальной катастрофы. Если, конечно, он не окажется в эпицентре ядерного взрыва. Нельзя убить то, что никогда не было живым. Или можно?..

Город будущего, совершенно мертвый и пустой, раскинул сети вымерших улиц, и все они вели к

«Высоте». Два мотоцикла уже стояли у подъезда небоскреба. Глаза Эрлига загорелись от радости, из горла вырвался хриплый вой. Они припарковались и вошли в дом.

Лаки поднимался первым. Всю дорогу, пока их везли, и пока они ехали сами, он придумывал поводы, один нелепее другого, собираясь докопаться до Экстры сразу же, с порога, но теперь, достигнув цели, не знал, с чего начать. А знал лишь то, что желает драки с тем, кто намного сильнее и опаснее его. Эрлиг спешил точно так же, но совершенно с другими целями. Он успел соскучиться по своим друзьям, ему не терпелось обсудить с ними все, что угодно. И, конечно же, отыграть концерт.

Они добежали до предпоследнего, пятнадцатого этажа и пошли по коридору. Одна из квартир была переделана под студию, где обычно репетировала группа. Эрлиг оттеснил Лаки от двери и ворвался внутрь. Звукоизоляция была великолепной. Стоило им войти, как музыка тут же захлестнула их своей ненормальной красотой. Экстра играл на гитаре, Найк отстукивал на барабанах рваный ритм. Увидев Эрлига, он отшвырнул палочки и бросился на него с радостным криком. Они обменялись первыми ударами. Лаки посмотрел на Экстру. Тот открыл глаза и оборвал аккорд.

И на Найке, и на Экстре были совершенно одинаковые футболки, с синей планетой на белом фоне и красными буквами надписи: «Терроризм — это шанс!». Из коридора, куда выкатились Найк с Эрлигом, доносились боевые завывания вперемешку со взрывами смеха. Лаки прикрыл дверь. Стало тихо. Экстра отложил гитару, долго смотрел Страйку в глаза.

— Я все правильно понял? — спросил он, наконец. — Эль умерла?

Лаки отвел взгляд.

— Ты получил железо? — буднично поинтересовался он. Экстра пнул носком высокого ботинка один из ящиков, подошел к

окну и замер, глядя на крыши Мертвого квартала. Лаки все понял. Он вышел из студии, осторожно пробрался мимо Эрлига с Найком. Те уже сцепились и катались по коридору, решая дав ний спор, кто же все-таки сильнее — блокатор или мастер боевых искусств. При этом они совсем не соблюдали никаких правил, молотя друг друга кулаками почем зря. Лаки поднялся на крышу и шагнул под палящие лучи.

Отсюда был виден четвертый экран недостроенного купола, квадратная черная тень в дрожащем мареве тяжелого зноя. Тень поглощала солнечный свет, и если долго смотреть, ее очертания плыли, она начинала растекаться и сливалась с выжженной землей. А потом появлялась опять. Лаки вытер глаза рукавом. Он остался один и мог делать все, что угодно.

Когда на крышу поднялся Экстра, Лаки сидел на парапете ограждения, свесив ноги в пустоту, и наблюдал за белыми облаками.

— Поговорим. — Экстра остановился на полпути. Страйк повернул голову. Волосы Экстры, подхваченные ветром, метались вокруг широких плечей. Глаза мрачно горели. Надпись на футболке звучала, как личный девиз. Лаки спрыгнул на крышу, встал напротив него.

— Трайтор хочет, чтобы мы все вместе взяли и взорвали этот чертов экран, — хрипло проговорил он. Экстра не двигался, глядя в упор. Экстра хотел поговорить совсем не про это, Лаки прекрасно понимал его.

— Скорее всего, мы погибнем, — продолжал он. — Иначе Трайтор не выдал бы нам все это говно! — он ткнул пальцем в футболку Экстры. Тот по-прежнему молчал, сдерживая собственный фон. От острого ощущения опасности у Лаки закружилась голова. Экстра был готов к бою.

Обратный отсчет начался.

— Мы отправимся туда вчетвером. Даже ты, — сказал Лаки, подводя черту, и у Экстры полыхнули глаза.

— Я не работаю больше на Трайтора, — глухо проговорил он. — Я не стану этого делать.

— Почему?

— Потому, что ТЫ просишь меня об этом! Можешь поцеловать Трайтора в жопу, если хочешь!

— О чем с тобой говорить, Ирчи, — насмешливо осведомился Страйк, — если ты торчишь на программном препарате?

Экстра, услышав свое имя, нехорошо прищурил глаза.

— Косишь под Трайтора? Да, Лаки?

— Она никогда бы не выбрала тебя, — бросил ему Страйк. Вот и все.

Экстра улыбнулся. Развел в стороны руки. Лаки приготовился к удару. Он ненавидел ментальные поединки всю свою жизнь, в отличие от Экстры, который воспринимал эфир, как музыку, и творил с полем невероятные вещи. Особенно — стоя на сцене. Просто, играя концерт, он не доводил эти удары до конца. А сейчас его фон оглушил Лаки, откинул назад к парапету и едва не выкинул с крыши.

Лаки собрался и ответил ему тем же. Две волны взаимодействия схлестнулись, ударила молния. Лаки генерировал поле на пределе своих возможностей, но это была всего лишь защита. Вокруг Экстры закрутился вихрь, он здорово напоминал демона со сложенными призрачными крыльями.

Лаки приготовился к смерти. Экстра сконцентрировал поле до двух сияющих сгустков, которые висели над его ладонями. В этом свете была вся его ярость, вся боль и вся страсть, и он метнул их в Лаки. Две плазменные вспышки с грохотом взорвались очень близко, пробив ограждение крыши, но этого хватило. Страйк был контужен полем настолько, насколько это возможно. Экстра устало рухнул на шифер рядом с ним. Он был полностью опустошен. Лаки повернул голову и поглядел сквозь оплавленную пробоину в бетоне. Черная тень экрана на горизонте двоилась, принимая странные очертания.

— Я согласен, — услышал он голос Экстры. — Попробуй уговорить Найка, и мы отправимся туда все вместе.

Лаки усмехнулся и почувствовал, как кровь потекла по его щеке. Солнце сплело кружево тени. Солнце убило Стад-Рей. Многоэтажные гробы уже рассыпались, пронзенные смертоносным спектром взбесившейся звезды, распадаясь прахом и погребая то, что было когда-то живым. Мир рушился прямо на глазах. Потом с мертвого неба посыпался снег.

Экстра приподнял его, прислонил спиной к парапету рядом с пробоиной. Присел напротив.

— Я тебя ненавижу, — прохрипел Лаки.

Экстра негромко рассмеялся. Выражение его лица смягчилось. Кровожадный монстр исчез.

— Ненавидишь? — переспросил он. — А за что?

— За то, что ты есть.

— Может, ты хочешь подраться еще? — прищурился Экстра. Лаки отрицательно покачал головой.

— Иногда надо умирать, чтобы жить дальше, — услышал он.

— Мне больно, — ответил Страйк. — Знаешь, я попытался сегодня прыгнуть. Я даже надел страховку. А потом я вдруг понял, что не буду прыгать никогда.

— Это пройдет, — сказал ему Экстра. — Ты будешь прыгать.

Ты будешь летать. Ты будешь падать. До тех пор, пока ты жив.

Нет Прощения!

На концерт они отправились в трайторских футболках. Особенно круто это смотрелось на Эрлиге. Он сказал, что его гитара закроет синий шар, останется только надпись «Терроризм — это шанс!», а это и есть самое главное.

— Тебе не нравятся синие круги? — тут же прицепился Найк.

— Да пошел ты! — огрызнулся Эрлиг. — Мне не нравишься ты!

— «Терроризм — это шанс!», — передразнил его Найк. — Фуфло ты горбатое, вот что! Обезьяна!..

— Как ты меня назвал, сынок? — переспросил Эрлиг, подъезжая ближе. Они как раз выруливали из Мертвого квартала на объездную магистраль. Все железо было у них с собой, так как Экстра сказал, что времени вернуться уже не будет, и экран надо взрывать сразу же после концерта.

— Я сказал, что ты фуфло, — повторил Найк. — Горбатая обезьяна!

— Впереди копы! — зачем-то предупредил Экстра, хотя все было видно и так — в верхнем правом углу обзора мигала красная точка. Шлемы им закинули вместе с игрушками, и Лаки подозревал, что это была инициатива Бэни.

— Какой ужас! — фыркнул Эрлиг, но от Найка отстал, так что полицейский пост группа миновала без эксцессов.

Концерт проходил в «Затмении» при полном аншлаге. Лаки нравился этот клуб, в основном, из-за атмосферы — звук в нем был довольно поганым. Но оказалось, что хозяева клуба недавно поменяли аппаратуру, и это было лучшей новостью за последнее время. Возле входа уже тусовались знакомые. Когда они остановились, на них налетела целая толпа.

— Не знал, что у меня столько друзей! — хохотал Эрлиг, прижимая к себе сразу трех девчонок.

— Все ко мне! Это я, Темный Папа!

— Ад-ский э-мис-сар! — прокричал знакомый голос, и Лаки увидел Скрэмпи, Хелла и еще каких-то парней.

— Убей в себе Бога! — проревел Эрлиг в ответ, вырываясь из женских рук.

— Какие новости? — спросил Лаки у Скрэмпи.

— Все по-прежнему, — улыбнулся тот. — Интересные футболки!

Лаки улыбнулся в ответ не менее очаровательно.

— Хочешь такую же?

— Лаки, идем. — Экстра взял его за локоть. — Скрэмпи, привет! Да дайте же пройти!

Фанаты совали им какие-то бумажки и ручки, но времени на автографы почти не осталось. У Экстры в голове, скорее всего, уже играла музыка, ему не терпелось взять в руки гитару.

Как всегда, группа «Нет Прощения!» приехала в самый последний момент. Музыканты тут же отправились в гримерку, а Страйк остался в зале, стараясь не попадаться Скрэмпи на глаза. Ему хотелось нажраться, но тот факт, что сегодня вечером придется стрелять в федералов, в чем он не сомневался, останавливал его.

Группа разогрева уже заканчивала выступление. Они играли неплохо, даже профессионально, но были при этом людьми, и это служило ограничением на сильные эмоции. Вялое пого под сценой напоминало шатание пьяных. Зал был готов. Еще немного, и всем станет скучно. Играть музыку может только тот, кто живет ею, Экстра доказывал это каждый раз. Потом установилась тишина, как перед бурей. Лаки почувствовал дрожь азарта. Сейчас этому залу предстояло взорваться.

Сейчас Экстра выплеснет на них все, что накопилось у него в голове. Главное, чтобы не приехали копы… Кто-то протянул ему прикуренную сигарету «Стразз», Лаки повернулся и снова увидел Скрэмпи.

— Что-то случилось? — спросил тот.

— Если ты будешь часто улыбаться, — ответил ему Лаки, — ты станешь дурачком.

Скрэмпи засмеялся. Тишина достигла критической точки, и этот смех показался Лаки каким-то неестественным. Он неприязненно поглядел на хакера.

— Извини, я хотел бы остаться один.

— Ты сказал, — усмехнулся тот, отходя и сливаясь с толпой, как это умеет лишь эмпи.

Лаки передернул плечами. Встретить перед акцией трайторского прихвостня — не самый хороший знак… Но в следующий миг зал утонул в приветственных криках, и Лаки заорал вместе со всеми, желая подавить неприятный осадок.

Экстра быстро подошел к микрофону, вскидывая сжатый кулак.

— Когда мы говорим «Нет прощения!», — проревел он, — это значит, что мы готовы сражаться!

— Дайте же терроризму шанс! — потребовал Эрлиг в соседний микрофон, и Лаки увидел, как Найк загнулся от смеха

за ударной установкой. Значит, найти барабанщика им так и не удалось…

— Нет прощения! — твердо повторил Экстра, проваливаясь в транс. Музыка ударила по нервам, всколыхнула целую гамму забытых чувств, и пошла по нарастающей, вместе с волной эйфории.

Лаки понял вдруг, что ему хочется драки, он с разбега влетел в танцующую толпу — и неожиданно забыл обо всем, подхваченный вихрем эфира. Может, дело было в новой аппаратуре, или Экстра заранее знал, что никогда больше не будет играть, но поле искажали волны эмоционального шока, потоки адреналина в чистом виде захлестнули пространство. Когда Лаки услышал слова, он наконец-то понял все, что чувствовал Экстра.

«Я снова вижу тебя во сне,
Но не понятно мне одного —
Почему ты идешь во тьме?
Мне больше не нужен день.
Мне больше не нужен воздух.
Мне надо в открытый космос.
Мне надо туда, где ты…
Ты знаешь, что бывает после…»

Ему захотелось кричать, но кричали все. Он отпустил себя. Кто-то ударил его от избытка чувств, Лаки ударил в ответ, и понеслось…

«Наверно, это просто сон,
Но почему же тогда я могу
Прикоснуться к тебе рукой?
Мне больше не нужно солнце,
Мне больше не нужны сигареты.
Для этого слишком поздно.
Я почти не боюсь темноты…
Ты знаешь, что бывает после…»

Удары сыпались на него со всех сторон. Музыка сорвала покровы, стая почувствовала чужого и набросилась всем скопом, и Лаки был счастлив, что в его голове осталась лишь боевая пустота. Наверное, его глаза засветились серебром, так как дождь ударов неожиданно стих. Группа заиграла новую песню.

Лаки поглядел на свои сбитые руки. Его футболка была

изодрана и залита чужой кровью, но так было лучше всего. Он окинул взглядом толпу и снова увидел Скрэмпи.

Четвертый экран.

Им удалось покинуть клуб за минуту до появления копов. Менеджер с безумными глазами кричал про какие-то контракты, площадки и фестивали, и Экстре пришлось врезать ему. Когда они уходили, менеджер орал им вслед, что они не получат кассовых сборов, чем вызвал у Эрлига истерику.

— Что дальше? — спросил Лаки, надевая шлем и включая встроенное переговорное устройство.

— Все зависит от того, во что ты веришь, — отозвался Эрлиг, срываясь с места. На нем снова был черный кожаный плащ, и девчонки на тротуарах сворачивали шеи, провожая его жадными взглядами.

— Дальше мы сделаем то, что должны, — ответил Экстра на вопрос в своей обычной манере, его голос глухо звучал из динамиков.

— Мне показалось, или я действительно видел Скрэмпи? — уточнил Найк.

— Видел, видел! — успокоил его Эрлиг. — Лаки, нам куда?

Страйк закрыл глаза и сверился с картой.

— Лучше всего вдоль коллектора, — сказал он. — Там меньше всего постов. Сворачивай через перекресток налево!

— Запросто! — взревел Эрлиг. — Налево, так налево!

— Что ты ему советуешь? — возмутился Экстра. — Он же дебил! Лаки, поезжай вперед и не отвечай на глупые вопросы! Ты понял?

Лаки промолчал. Все рассмеялись.

Когда они достигли окраины черты, все пошло быстрее. По коллекторной трассе можно было разогнаться до предела, ограничения существовали лишь на минимальную скорость. Знаки вдоль шоссе кричали, что ниже восьмидесяти ездить запрещено, и это всегда приводило Эрлига в щенячий восторг. Из-за этих знаков он утверждал, что в Стад-Рее царит настоящая демократия.

Это нравилось ему даже больше, чем легализация огнестрельного оружия и легких наркотиков, Эрлиг снова умчался вперед, Найк отправился его догонять. Экстра поехал рядом с Лаки.

— Акция не готова, — сказал ему Страйк. — Еще не поздно

все отменить.

— Ты неправ, — возразил Экстра. — Мы все сделаем быстро. А потом вернемся и поставим ему свои условия.

— И он согласиться?

— Мы не оставим ему выбора.

— И что это будут за условия?

— Не сейчас, — попросил Экстра. — Когда вернемся.

Радарная система гермошлема подтвердила, что они входят в зону охвата федерального спутника.

— Радиомолчание, — скомандовал Лаки.

— Да пошел ты! — весело отозвался голос Эрлига. — Федералы — козлы!..

— Радиомолчание! — резко повторил Экстра, и Эрлиг заткнулся.

Четвертый экран на фоне заката выглядел довольно зловеще. Он напоминал инородное тело, и никак не вязался с привычным пейзажем. В нем было что-то космическое. Лаки, глядя на это чудо прогресса, начинал сомневаться, а хватит ли у них взрывчатки, чтобы уничтожить его.

Они подъехали к месту акции почти вплотную, когда их обстреляли сразу с двух сторон.

Местность вокруг грандиозной стройки была изрыта. Грунтовка петляла мимо куч щебня, рытвин и железного хлама, бывшего недавно сверхсекретным оборудованием. Вероятно, этот экран строили в три смены. Место для засады оказалось идеальным.

Экстра тут же оглушил федералов полем. Это позволило остальным разобрать железо и укрыться за стопкой бетонных блоков. Лаки сорвал с головы шлем, встряхнул волосами. Остальные поступили так же. Гермошлемы были настроены на федеральную волну, они помогали только против копов.

— Что будем делать? — меланхолично поинтересовался Найк, возясь с обоймой полуавтомата.

— Перебьем всех к чертовой матери! — горячо воскликнул Эрлиг. — А потом запалим эту помойку!

— Это умнее, чем ползти одному со взрывчаткой под прикрытием дружеского огня, — подтвердил Лаки.

— Мне все равно, — признался Найк, равнодушно пожимая плечами. — Но мы — в полной жопе.

— Решено, — подытожил Экстра. — Все готовы?

Они посмотрели друг на друга.

Оттаявшие федералы снова открыли по ним огонь.

— До скорой встречи! — оскалился Эрлиг и выскочил прямо под пули.

На Страйка обрушился мощный адреналиновый приход. Мимо него с яростным воплем метнулся Найк.

— Нет прощения? — Экстра иронично улыбнулся, передергивая затвор. — Или все-таки есть?

Лаки хлопнул его по плечу и прыгнул следом за Найком.

…Поле разошлось с треском, как расползающаяся ткань. Экстра генерировал фон, его ярость зашкаливала. Лаки с трудом переставлял ноги, двигаясь, как в толще песка. Каждый выстрел давался ему с трудом, но федералам было гораздо хуже, они не могли даже стрелять. Один лишь Найк, наиболее устойчивый к ментальному взаимодействию, подобрался как можно ближе к намеченному укрытию и обстреливал тех, кто находился за гранью искаженного эфира. Экстра выдохся довольно быстро, но времени хватило на все.

Лаки визуализировал карту и жестами разметил диспозицию. Эрлиг кивнул и умчался вперед, нисколько не скрываясь. Экстра вытер нос, посмотрел на окровавленную ладонь и выругался. До него было метров семь.

«Кто-то должен его взорвать, остальные пусть прикрывают», — объяснил ему Лаки.

Экстра вопросительно взглянул на него.

«Мы с тобой это сделаем. Они, — ткнул Лаки пальцем в Эрлига и Найка, уже занявших оборону, — нас прикроют».

Экстра кивнул в направлении перевернутого вагона, стоявшего на насыпи метрах в пятистах от них. Дальше начинался экран, забранный в строительные леса. Оставалось совсем немного.

…Они побежали. Федералы налетели откуда-то сбоку. Экстра сбил их фоном, Лаки откатился за чахлые кусты и открыл огонь оттуда. Экстра прикончил раненых, взял себе их оружие. Лаки прикрывал его, озираясь и водя стволом по сторонам. Несколько пуль зацепили его, но он почувствовал лишь легкий ожог. Экстра вырвался далеко вперед, он мчался по насыпи, передвигаясь скачками. Лаки припустил следом. Теперь стреляли практически отовсюду. От вагона их оттеснили шквальным огнем, пришлось пробиваться в обход. Гребень насыпи подходил почти к самому коллектору, где наверняка все было оцеплено. Скорее всего, они были полностью окружены. Но встроенный в программу инстинкт гнал их прямо на пули, полностью исключая даже мысль об отступлении. Лаки увидел, как Экстра впереди него добежал до конца насыпи, где его сбило с ног несколькими очередями, и покатился вниз, исчезая из поля зрения. Боль наконец- то заявила о себе. Лаки, выкладываясь на полную, ссыпался вслед за Экстрой, рухнув с пятиметровой высоты на кучу заросшего

бурьяном древнего строительного мусора.

Сгруппировавшись, он приземлился на ноги и тут же открыл огонь. Трое федералов упали. Их реакция оказалась гораздо хуже. Или просто начиналась перезагрузка.

… Экстра лежал на спине, раскинув руки, безжизненно откинув голову. Ветер лениво трепал длинные пряди его волос, создавая иллюзию жизни. Белая футболка была залита кровью, из левого плеча Экстры торчал ржавый штырь, на который он напоролся при падении. Лаки подскочил к нему, дотронулся рукой до шеи, проверяя пульс, и пальцы обожгло. Пульс у Экстры был запредельным, температура тела — критической. Лаки не успел вовремя отдернуть руку. Экстра перехватил ее и открыл глаза, сияющие серебром.

… Патроны снова закончились. Лаки отбросил бесполезный ствол, вынул запасной. Выглянул из- за экскаваторного мотора и увидел, что на сухую землю, на желтую выгоревшую траву, с синего- синего неба падает снег. Прицел начинал двоиться. Рядом заворочался Эрлиг, поднял осунувшееся лицо. Его глаза были скрыты за «антикоповскими» очками. Страйк показал ему четыре пальца.

Эрлиг кивнул. От него исходило интенсивное свечение зеленого цвета. Ледяной ветер пробирал до костей, рот наполнился металлическим крошевом крови. Вскочив, они понеслись прямо туда, где Лаки отчетливо видел красные контуры федеральных стрелков.

…Закатившись за валун, он сменил рожок, клацнул затвором и осторожно выглянул из-за камня.

Пустой десантный вертолет взлетал, лупя в их сторону пулеметными очередями, но пока что пули ложились далеко. Десантники двигались, как в замедленной съемке, метель скрывала их белыми стенами, и вместе людей Лаки видел лишь красные расплывчатые пятна мишеней. Эрлиг просигналил ему из соседнего укрытия, что вполне готов к еще одному рывку. Лаки с трудом выбрался из сугроба и заставил себя бежать. Зеленого Эрлига справа от него пробило навылет светящейся пулей, еще одной, еще двумя, и кровь вылетавшая из его груди, тоже была светящейся и зеленой. Теперь снег падаг настолько плотно, что белая пелена превратила реальность в ничто.

…В ушах гудели аккорды вьюги, похожие на безумную музыку Экстры. Метель удерживала уставшее тело с удивительной нежностью, и Страйк отчетливо услышал тихий голос Эль.

За секунду перед тем, как стать пустотой.

Снег медленно таял, обнажая красные и зеленые силуэты,

которые постепенно меняли свой цвет на более темный, по мере того, как из них уходила жизнь Лаки стоял среди трупов и рассеянно озирался по сторонам, судорожно сжимая в руках нагретое железо автомата. Солнце исчезало, впитываясь в землю, дробилось на кровавые лужи… Страйк повернул голову и посмотрел на экран.

Последние лучи упали на его поверхность, и где-то под защитной сеткой строительных конструкции полыхнула яркая вспышка.

РИЧИ ТОКАДА — 7

— Ты уверен, что ты эмпи? — спросил меня Лаки с подоконника.

— Что? — удивился я, отрываясь от книги, которую читал специально для Трайтора. Он все же поставил меня под постоянный контроль.

— Эмпи может убить эмпи, я делал это не раз. Эмпи не может убить члена своей стаи. Понимаешь меня?

— Это всего лишь красивые слова, — сказал я. — Ты же стрелял из парализатора в ту женщину… В Эль!

Темно-серые глаза Страйка потемнели еще больше.

— Это кто тебе сказал? — прошипел он. — Трайтор?

— Нет! Не Трайтор! Это сказал твой приятель, Скрэмпи, член вашей с Трайтором стаи!

Я приготовился, что он кинется, но он не стал этого делать.

— Ты прав, — признался он, залезая обратно на подоконник. — Я такое же чудовище, как и ты. Только чудовище может убивать других чудовищ. Всю свою жизнь я был марионеткой, и всю свою жизнь я пытался доказать себе, что это не так. Знаешь, я могу забыть только одним способом… А я очень хочу забыть! Я чувствую себя механизмом, который отработал положенное количество часов, и теперь все, больше во мне ничего не осталось… Ни-че-го! Никаких мыслей… Никаких эмоций… Никаких чувств… Я потерял гораздо больше, чем можно потерять, я знаю: еще немного — и я стану таким же, как Трайтор!.. Я хочу лишь одного — отправиться в Ад, к моим друзьям. Понимаешь, Ричи? Я знаю, что лишь в Аду я стану по-настоящему счастлив. Я надеюсь, что все они там — Экстра… Эрлиг… Найки…

— И Эль, — закончил я, так как он не сумел произнести это имя.

Лаки молча кивнул.

— Ты все еще любишь ее? — вырвалось у меня помимо воли.

— Ричи, замолчи! Не надо об этом… Экстре повезло гораздо больше, чем мне… Знаешь, Трайтор искренне полагает, что мы способны лишь убивать. Раньше я не понимал, что он думает так всерьез, а потом вдруг понял — он ведь не был ни на одном нашем концерте! Он не знал, кем мы были НА САМОМ ДЕЛЕ… Это ОН сделал нас такими, какими мы стали потом… Он искажает все, к чему прикасается, и если в мире существует зло, это зло — Трайтор!

Он отвернулся и поглядел в окно, где по белому склону стремительно проносились яркие точки. Но даже отсюда я

чувствовал, что все они были людьми.

— Так тебе поставили последнюю ступень? — все же поинтересовался он минуту спустя. — Или ты убил хакера раньше?

— Я убил его раньше, — повторил я его последние слова.

— Они, конечно, поставили тебе ограничитель, но не программный, а какой-то другой… — размышлял Лаки вслух. — Кто с тобой работал? Штульман?

— Ну да…

— Значит, ты сможешь расправиться с Трайтором, когда-нибудь потом… Обещай мне.

Я вздрогнул.

— А ты… Разве ты не хочешь сделать это сам?

— Ричи, посмотри на меня, — попросил он. — Я уже ничего не могу. Им удалось забрать мою душу. А ты сможешь. Однажды ты убьешь его. Да, Ричи?

— Это так важно для тебя?

Он хмыкнул.

— Мне было бы очень приятно.

— Тогда я согласен, — сказал я. — Но ты уверен, что он тебя сейчас не слышит?

— Он не такой всемогущий, как тебе кажется, — успокоил меня Лаки, и в его глазах отразилось небо.

— Вот так. — Трайтор, довольно улыбаясь, похлопал меня по щеке. Я снова обнаружил, что лежу в модуляторном кресле. Я не сразу осознал, что на мне — какой-то непонятный комбинезон, и, судя по ощущениям, он надет прямо на голое тело. Я провел по нему рукой, и мне показалось, что это — еще одна кожа, настолько эластичной была бронеткань.

— Это и называется «Вторая кожа», сынок, — продолжал Трайтор, наклоняясь ко мне, и я увидел свое растерянное отражение. — Это твой новый костюм. Итак, костюм!

В его голосе появились интонации торгового агента.

— На вас надета одежда федеральных пилотов. Потрясающая штука, новинка, можно сказать. К тому же, доработанная нашими спецами. Если ты все же получишь ранение, сынок, тебе в кровь автоматически поступит обезболивающий препарат. Если ты начнешь терять сознание, а задание по-прежнему не будет выполнено, включится антишоковый комплекс. А если, не дай бог, ты начнешь умирать, я с легкостью запущу твое сердце вот этим!

Мощный удар тока подбросил мое тело, но ремень поперек живота не позволил грохнуться на пол. Кресло заходило ходуном.

— Шутки закончились, — пояснил Трайтор где-то на грани

восприятия. — Сейчас я начну знакомить вас с возможностями этих костюмов. Лаки, припоминаешь? Знакомый костюмчик, да? Только это — следующая модель.

Я повернул голову и увидел Страйка.

— Начнем, — объявил Трайтор. Предположим, произошла следующая ситуация… Наденьте на него шлем!

Два офицера в черной форме с нашивками организации вытащили Страйка из кресла, и один из них нахлобучил ему на голову гермошлем, припечатав его напоследок кулаком. Лаки покачнулся. Трайтор взял со стола пистолет и выстрелил ему в грудь, практически в упор. Страйка отбросило к стене. Кто-то развернул мою голову, и я увидел, как на консоли зажглась красная лампочка.

Трайтор подошел к пульту, аккордом нажал на кнопки. Лампочка погасла. Я посмотрел на Лаки. Он уже вставал. Прежде, чем ему успели помешать, он сорвал с себя шлем и грохнул им об стену.

— Ты этого не сделаешь! — Страйк был в бешенстве. Охранники заломили ему руки, но он, кажется, не заметил этого. Он, не отрываясь, глядел Трайтору в очки.

— Хорошо, что ты все понял, — усмехнулся тот. — Ничто не помешает вам выполнить задание. Зная твои суицидальные наклонности, я принял все меры предосторожности. Итак, вы обязаны проникнуть на «Истоки». В гермошлемы, кроме всего прочего, встроены видеокамеры, так что я буду видеть все, что видите вы. Ваше физическое и психическое состояние будет у меня вот здесь. — Он ткнул пальцем в разметку на консоли. — Лаки, твоя агрессия — в красном секторе. Это хорошо. Вы не будете чувствовать боли, это я вам гарантирую. Только если сделаете что-то не так.

Он ткнул еще в одну кнопку, и у меня в голове взорвался огненный шар. Когда боль отступила, я посмотрел на Страйка. Он тяжело дышал, отросшие волосы падали ему на глаза, сквозь неровные пряди уже начинало светить серебро бешеного взгляда. Меня ударило его фоном. Трайтор протянул руку и выпустил в Лаки всю обойму.

— Вы будете есть, спать и срать в этих костюмах, — сообщил нам Трайтор хорошую новость. — Причем, срать — в буквальном смысле. Они оборудованы всем необходимым, так что можете не стесняться. Вы должны привыкнуть к ним, почувствовать второй кожей. Шлемы носить необязательно. Только во время практических занятий. И не волнуйтесь, я дам вам пострелять. Вы будете стрелять друг в друга, пока не надоест. Вы не должны бояться, что я неожиданно включу реанимационный комплекс, я

не псих и не садист. К тому же, за Скрэмпи вы достаточно наказаны. Привыкайте, что если ошибется один из вас, наказаны будут оба. У вас будет на редкость сплоченная группа. К сожалению, вы — мой единственный шанс. Ричи, когда тебя выбросят, я отключу подавитель поля, и ты снова сможешь применять свои способности. Лаки… — он подошел к Страйку, заглянул своими рецепторами ему в глаза. — Я не подставлял твоих друзей. И Скрэмпи — тоже, что бы ты не думал… Я не знаю, почему там оказались федералы. На этот раз я постараюсь вытащить вас обоих. Не потому, что вы лучшие. Вы — это все, что у меня осталось.

Задание оказалось безумно простым. Трайтор подозревал, что на водоочистительном комбинате «Истоки» размещается федеральная генетическая лаборатория, производящая боевых клонов, и нам предстояло уточнить эту информацию. Если она окажется правдой, нашей целью являлось причинение максимального ущерба как в живой силе, так и в технике. Длинный перечень нужных Трайтору предметов прилагался к описанию основного маршрута, остальные данные были в голове у Страйка.

Ведущим группы, был, соответственно, Лаки. Поверх костюмов мы надели черную экотерровскую форму, обвешали себя «игрушками» и посмотрели друг на друга.

— Ну что, демон, — спросил меня Лаки, пародируя интонации Трайтора, — ты готов убивать ради спасения нашего вида?

— Быстрее! — торопил нас Бэни. «Дафт» уже завис над полем, не доставая до земли лишь пары метров. Мы не торопясь приближались к «летающему гробу», стараясь не обращать на инструктора внимания. Лаки подпрыгнул, подтянулся и, перевалившись через борт, протянул мне ладонь. Через пару секунд я оказался внутри железного ящика. Дверь заехала обратно в пазы, красная лампочка под низким потолком сменилась зеленой. Мы заняли места у противоположных стен и молча смотрели, как поверхность планеты убегает куда-то вниз. Жаль только, что было темно. Вертикально набрав высоту, «дафт» рванул ся вперед.

Огни горнолыжного комплекса растаяли во мраке. Я проводил их глазами. Лаки даже не обернулся на родную Базу. Пока продолжался полет, мы молчали.

Все началось на том же самом месте, что и в прошлый раз. Может, стоило выбрать другую дорогу, но вряд ли это сильно помогло бы. Мы беспрепятственно миновали машинный зал, вплотную подобрались к пожарной лестнице, а потом кусок

ржавой железной стены разъехался в разные стороны, и в потоке яркого света на нас хлынули федеральные эмпи.

Они сразу же замерли, как вкопанные. Это называется «Высшим инстинктом», и только Трайтор способен отменить этот блок. Первые эмпи, когда-то давно, были чрезвычайно агрессивны друг к другу, для сохранения их численности и пришлось написать подобную программу. Все остальное было только красивыми словами. Мы тут же начали стрелять. Странно, но пока у тебя в руках оружие, тебе и в голову не придет использовать что-то еще, если, конечно, ты — эмпи. Я напрочь забыл про свои способности генератора, и лупил по ним из автомата до тех пор, пока последний эмпи не застыл у моих ног. Никто из них так и не выстрелил ни разу. Я посмотрел на Лаки. Он поднял большой палец вверх. Отлично. Мы отправились дальше.

Вдоль стен стояли сложнейшие аппараты, разнообразные широкоэкранные консоли, криогенические колбы с неактивированными, но уже взрослыми клонами внутри, и, прежде, чем все это уничтожить, мы тщательно вертели головами, позволяя Трайтору зафиксировать все, что стоило увидеть. Я «узнал» несколько дисков, просто проведя ладонью вдоль информационных стеллажей, и до сих пор не понимаю, как мне это удалось. Лаки с наслаждением орудовал прикладом огнемета, варварски расправляясь с навороченной спутниковой консолью. Я расстрелял ее процессор, чудом не зацепив пулями Страйка, и он сделал в мою сторону неприличный жест. Когда мы дошли до конца помещения, за нами догорали руины. Больше нас ничего на этом уровне не удерживало, все, что можно, было безнадежно испорчено, и мы отправились дальше.

Мы остановились перед дверью. Лаки занялся одноразовой ракетной установкой, я выбросил пустые автоматические пистолеты и отцепил от пояса еще одну, последнюю пару точно таких же. Я знал, что скоро мне придется применить взаимодействие, и оттягивал этот момент изо всех сил, боясь не вернуться. Добрый Герой имел все шансы остаться вместо меня.

Лаки показал три пальца. Это означало, что мы открываем дверь на «раз, два, три!». С момента высадки мы соблюдали полное радиомолчание. Мне это давалось сложнее всего. Лаки отсчитал три такта и выстрелил. Дверь выбило взрывом, Лаки отбросил пустую трубу и взялся за огнемет. Мне казалось, что он делает все слишком медленно, пока я не понял, что пошел сбой. Я стоял на пороге боевой трансформации, просто так, без каких-либо причин, и Трайтор не желал ничего менять.

Лаки передвинул огнемет в рабочее положение. В это время

последние обломки двери перестали сыпаться сверху, и я увидел в облаке пыли шеренгу федеральных стрелков. Лаки тоже увидел это, но все еще не успел понять, в прыжке я выбил его с линии огня, ударив с такой силой, что его вырубило на пару секунд. Никогда еще мне не удавалось двигаться так быстро. Жаль, что также быстро закончились патроны. В меня попало три пули. Ни одна из них не пробила костюма, но я потерял равновесие. Лаки успел меня прикрыть выстрелом из огнемета. Полыхнула вспышка. Я откатился к стене, поднялся на ноги. Горящие федералы с воплями бежали мимо нас.

— К черту молчание! — раздался в динамике вопль Страйка. — Здесь полно камер! Я идиот!

Его голос напоминал жевательную резинку. Пока он говорил, я сорвал автомат с мертвого федерала и пристрелил одного из горящих. Мы отправились дальше. За обугленной дырой в развороченной кодовой двери мигал аварийный свет. Мы помчались туда.

Страйк вырвался вперед. Очередная лаборатория представляла собой модуляторный зал с рядами соответствующих кресел и космической пустотой вместо потолка. Лаки завертелся волчком, сжигая из огнемета все, что видел, и ему это безумно нравилось. Когда он замкнул огненное кольцо, я остановил его. Вскинув руки, я обрушил поле на пылающие стены, раздувая огненный шторм. Неожиданно мы оказались внутри адского колодца. Лаки постучал себя по шлему стволом огнемета.

— Супергерой хренов!

— Я же не думал…

— Бегом!!!

«Вторая кожа» отлично держали температуру, остальная одежда практически сгорела. Мы остановились в конце коридора. Я привалился к холодной стене. От остатков формы валил дым.

Пока Лаки сверялся со схемой, я перевел дыхание. Неподалеку гудело пламя, пожирая «операционную». Если пожарная система вырубилась из-за ненормального фона, были все шансы, что «Истоки» тоже загорятся.

— Нам туда, — сказал Лаки, поворачивая шлем в моем направлении, но неожиданный взрыв сотряс помещение. Посыпались оконные стекла.

— Па-бам! — изумился Лаки. — Поздравляю, товарищ Токада! А теперь — вперед!

И мы отправились дальше.

У наших противников на очередном уровне оказались термитные пули. Они прожигали бронеткань и уходили глубоко в тело. Крошечные наномеханизмы, жившие в нас, затягивали

раны, но так было только сначала. После десятого попадания потекла кровь. Я по-прежнему двигался быстро, но стрелков оказалось слишком много. Лаки привалился спиной к моей спине. Мы стояли в центре огромного зала, в нас стреляли со всех сторон. Какая-то дрянь экранировала мое поле, я не мог пользоваться им в полную силу. Нам оставалось лишь стрелять. На меня накатывали волны перезагрузки. Потом сознание отключилось, и когда я снова стал собой, все уже закончилось. Куча трупов валялась вокруг, но я даже не догадывался, что же их убило. Лаки пытался подняться, поскальзывался и падал обратно. Я протянул ему ствол автомата, он схватился за него и встал. Провел ладонью по груди, показал мне результат. Вытер руку об остатки разгрузки, сокрушенно покачал головой.

— Эти костюмы — полное говно!

Скорее всего, он сказал это для Трайтора.

— Полное говно, — подтвердил я.

— Ну что, бежим? — предложил Лаки. Я засмеялся.

— Может, перекурим?

Теперь засмеялся он. Мы отправились дальше.

Новый уровень должен был стать суперигрой. Я это понял по музыке из Адских Гонок, неожиданно зазвучавшей у меня в голове. Я врубил свое поле на полную, едва мы вскрыли эту дверь. Я действовал на пределе, но федералы, защищавшие сектор, этого так и не узнали. Это был мой звездный час. Добрый Герой наконец-то стал самим собой. Он мягко отстранил меня, показывая, как надо, и все они умерли практически мгновенно. Добрый Герой перешагнул через Страйка, оглушенного фоном, и подошел к центральному пульту. Он сразу же узнал его. Сердце федеральной базы. Отсюда врубался купол. Добрый Герой ухмыльнулся и стер все это в порошок. Его накрыло взрывом, сбило с ног и вышибло вон, и я тут же занял его место. Я понял, что не чувствую поля вообще. Перенапряжение было слишком огромным. Потом на меня неожиданно накатила слабость, зазвенело в ушах, перед глазами закружился черный снег, но удар электричества вернул все обратно. Включив систему реанимации, Трайтор заставил меня подняться.

Теперь мною руководили препараты и электрошок, я был лишь марионеткой в паутине искусственного адреналина.

Я встряхнул Лаки несколько раз. Он уцепился за меня, мне удалось поставить его на ноги.

— Куда теперь?

Он помотал головой. Сориентировался и ткнул пальцем в направлении нужной вентшахты. Я опасался, что он не сможет залезть так высоко, но все получилось, как надо. Я втащил его в

шахту, протянув сверху ствол бесполезного автомата, с которым забыл расстаться, и мы поползли вперед. Не помню, сколько длился этот кошмар. Клаустрофобия настолько мощно заявляла о себе, что временами я ничего не соображал от животного ужаса. Наконец, я вывалился в коллекторный тоннель. Лаки обрушился сверху, он был совершенно без сил. Я потащил его, интуитивно определяя направление. Ментальная сила покинула меня, патроны закончились, а драться я так и не успел научиться. Если бы федералы наткнулись на нас сейчас, все завершилось бы прямо здесь.

Труба выводила к реке. Она обрывалась над склоном, совсем недалеко от воды. Мы пролетели несколько метров и мягко упали в полузасохшую грязь. Была ночь, зарево пожара поднималось над «Истоками». Даже отсюда был слышен стрекот вертолетов. Федералы тушили свою базу, устанавливали масштабы катастрофы, пока что им было явно не до нас. Я перенес Страйка на сухой участок земли, где ему, наконец, удалось вырваться и упасть.

Где-то далеко, на консоли у Трайтора, мигала красная лампочка. Я перевернул Лаки на спину, поднял забрало гермошлема. Его трясло. На том месте, где у эмпи находится печень, у Лаки была дыра. Он крепко сжал мои руки, пытаясь что-то сказать.

— Я не отпускал тебя, Страйк! — мой голос сорвался. Он закрыл глаза.

— Я не отпускал тебя, — повторил я.

— Я умираю так, как хотел, — проговорил Лаки.

И меня ударило током.

ЛАКИ СТРАЙК — 7

Высота.

Если на крыше было жарко, то здесь пробирала дрожь. Из черного провала шахты тянуло сыростью. Лаки шагнул на самый край и зачем-то посмотрел вниз.

Бездна ждала его, дверь была открыта.

Первый шаг дался ему с трудом. Он ступил на балку и, раскинув руки, пошел по ней. Сердце гулко стучало. В голове не было ни одной мысли. Адреналин накатывал волнами.

Он остановился, когда почувствовал, что дальше ничего нет.

И прыгнул.

Сначала у него заложило уши, а перед глазами вспыхнул свет, но это длилось совсем недолго, может быть, долю секунды. А потом он долго летел спиной вперед, в черный вакуум безумия.

Рывок троса встряхнул его, закачал, как на качелях. И тогда Страйка неожиданно охватил восторг, настолько сильный, что он не смог сказать ни одного слова, когда Найк подтянул его трос крюком, а Экстра и Эрлиг помогли вылезти из шахты.

Санкт-Петербург 2004 г.